

Древнегреческое образование

Дж. П. Махаффи

OLD GREEK EDUCATION

BY

J. P. MAHAFFY, M.A.

NEW YORK

HARPER & BROTHERS, FRANKLIN SQUARE

1882

The Project Gutenberg eBook of Old Greek Education.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в Соединенных Штатах и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее в соответствии с условиями Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Древнегреческое образование

Автор: J. P. Mahaffy

Дата выхода: 11 апреля 2021 [eBook #65058]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен deaurider и Online Distributed Proofreading Team (<https://www.pgdp.net>) с изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГА ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ***

Электронная книга проекта "Гутенберг", "Древнегреческое образование", автор Дж. П. (Джон Пентланд) Махаффи

Примечание:

Изображения оригинальных страниц доступны через Internet Archive. См. <https://archive.org/details/oldgreekeducatio01maha>.

Некоторые символы могут не отображаться в этой html-версии (*например*, пустые квадраты). В этом случае читателю следует обратиться к изображениям оригинальных страниц, указанным выше.

Изображение обложки было создано транскриптором и является общественным достоянием.

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ДЖ. П. МАХАФФИ, М.А.

ФЕЛЛ. И РЕПЕТИТОР, ТРИН. КОЛЛ., ДУБ.
РЫЦАРЬ ОРДЕНА СПАСИТЕЛЯ
АВТОР КНИГ "СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ В ГРЕЦИИ", "ИСТОРИЯ ГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ"
"УЧЕБНИК ГРЕЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ" И Т. Д.

НЬЮ-ЙОРК
ХАРПЕР И БРАТЯ, ФРАНКЛИН СКВЕР
1882

ГРЕЧЕСКОМУ НАРОДУ, который, как и прежде, является пионером образования в Восточной Европе, я посвящаю эту маленькую книжку в память о 1881 годе.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Читатели, не знакомые с греческим языком, найдут эквивалент приведенных греческих слов в ближайшем слове, напечатанном курсивом.

Объем этой книги не позволяет мне отдельно признать мои многочисленные обязательства перед другими авторами, как за любопытные факты, так и за научные ссылки.

СОДЕРЖАНИЕ.

ГЛА ВА	СТР АНИ ЦА
Введение	1
I. Младенчество	7
II. Раннее детство	14
III. Школьные годы - физическая сторона	21
IV. Школьные дни - музыкальная сторона - Директор школы	32

V.	Музыкальная сторона - школы и их назначения	42
VI.	Предметы и метод обучения - рисование и музыка	57
VII.	Последний этап образования - военная подготовка эфебов	69
VIII.	Высшее образование - софисты и Сократ	78
IX.	Риторы - Исократ	91
X.	Греческие теоретики воспитания - Платон и Аристотель	99
XI.	Рост систематического высшего образования - университетская жизнь в Афинах	116
	Указатель	141

ГРЕЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

ВВЕДЕНИЕ.

§ 1. Мы часто слышим, что человеческая природа одинакова во все времена и во всех местах; и это утверждается в те времена и в тех местах, где это настолько очевидно ложно, что мы чувствуем себя обязанными презрительно отрицать это, когда это преподносится нам как общая истина. Дело в том, что только в своей низшей деятельности человеческая природа демонстрирует какое-либо замечательное единообразие; пока люди являются простыми животными, они имеют сильное сходство, и у дикарей даже их умы, кажется, порождают одни и те же фантазии в разные эпохи и в разных климатах. Но когда мы переходим к более высоким уровням развития, к духовному началу в людях, к социальным и политическим отношениям цивилизованных людей, притворный трюизм все больше и больше уступает место противоположной истине, что человечество различается во все времена и во всех местах. Как нет двух одинаковых индивидуумов при тщательном рассмотрении, так нет и двух одинаковых обществ людей; и в настоящее время, вероятно, нет более плодотворной причины для политических и законодательных ошибок, чем предположение, что конституция, успешно разработанная одним народом, может быть перенесена силой простого декрета на его соседей. Все недавние эксперименты по реформированию государства были основаны на этом предположении, как будто перенос Палаты общин в каком-либо реальном смысле не был столь же невозможен, как перенос Итона и Оксфорда в какое-либо иностранное общество.

Хотя, таким образом, мы не можем отрицать, что прошлая история содержит много плодотворных уроков для улучшения нашего собственного времени, не исключено, что тенденция нынешнего широко информированного, но поспешного века заключается в преувеличении сходства различных эпох и переоценке силы аналогии в социальных и политических рассуждениях. Исторические параллели, как правило, поражают лишь до определенного момента; более глубокое знание раскрывает элементы контраста, широкие различия мотивов, большие вариации человеческих чувств.

§ 2. Но когда мы возвращаемся к более простым состояниям жизни или более ранним стадиям развития, аргумент аналогии становится сильнее, и уроки, которые мы можем извлечь из истории, хотя и менее поразительны, но более достоверны. Это особенно характерно для проблемы образования, которой занимались цивилизованные народы в

разные эпохи. Материал, над которым приходится работать, - это более простая и свежая человеческая природа, разновидности которой обусловлены только наследственностью, но еще не многочисленными искусственными стимуляторами и ограничителями, которые изобретает для себя каждое общество зрелых мужчин. Игры и спорт детей во всем мире так же однообразны, как оружие и замыслы дикарей. Восторги и разочарования образования также остались неизменными, по крайней мере, во многих отношениях. Конфликт педагогов-теоретиков и педагогов-практиков, провал великолепных планов реформирования общества путем систематического обучения молодежи - все это характерно для каждой перезревшей цивилизации. И здесь, как нигде, мы можем получить явное преимущество, рассматривая проблемы, которые мы сами решаем, обсуждая их в отдаленном обществе. Более важные и постоянные элементы будут выделяться яснее, если освободиться от интересов и предрассудков нашего дня и от необходимости нашей собственной ситуации; и таким образом мы можем научиться вновь обретать свободу суждений и освобождаться от железного деспотизма традиционной системы. Ведь если верно, что ни в одной области нашей жизни мы не поработаны более основательно, чем в вопросе воспитания, если верно, что здесь мы вынуждены подчинять наших детей невежеству и предрассудкам нянек, гувернанток, священников, педантов - все они следуют более или менее глупым традициям, и все принуждаемые оковами, которые они не имеют ни знаний, ни сил разорвать, - тогда любое исследование, которое может привести нас к свободному и спокойному рассмотрению того, что правильно и что неправильно, что возможно и что невозможно в образовании, не может не иметь реальной ценности, помимо чисто исторических или научных соображений.

§ 3. Фактически, главная цель этой книги - заинтересовать людей, которые не являются учеными-классиками и не являются профессиональными педагогами, теорией образования в том виде, в каком она рассматривается тем народом, который, как известно, сделал больше, чем любой другой, для приспособления своих членов к высшим целям и удовольствиям жизни. Греки сильно отставали от нас в механических средствах, помогающих человеческому прогрессу; они не знали ни электричества, ни пара, ни пороха, ни печати. Но, несмотря на это, греческая публика была гораздо более образованной, чем мы, - а в какой-то степени и благодаря этому она была более образованной. Ведь греческая жизнь предоставляла досуг для основательной интеллектуальной подготовки, которая включает в себя, во-первых, такую политическую подготовку, которая чужда почти всей Европе; во-вторых, моральную подготовку столь высокого уровня, что порой соперничает со светом откровения; в-третьих, социальную подготовку к чему-то более высокому, чем музыка и пиршества в качестве отдыха; и, в-четвертых, художественную подготовку, которая, не снисходя до плохого подражания великим художникам, учила публику понимать и любить истинные и благородные идеалы.

Почему эти великие цели образования должны быть затемнены или утрачены современными чудесами открытий, которые должны сделать их более легкодостижимыми и широко распространенными? Были ли греки лучше образованы, чем мы, и если да, то почему они были лучше? Или все это предполагаемое греческое превосходство - пустая мечта педантов, не имеющая под собой прочной основы? Если это действительно так, то не можем ли мы раскрыть секрет их превосходства и использовать его с гораздо более широким и глубоким эффектом в нашем христианском обществе? Или человеческая природа узка и неподвижна, и добавление широкого спектра позитивных наук и различных языков безвозвратно омрачает культивирование чистого разума и эстетских способностей? Вот проблемы, которые займут следующие страницы, но не в их абстрактной форме; они будут рассмотрены в тесной связи с успехом или неудачей старых греков в их обсуждении и решении.

§ 4. Было только два ранних народа и один более поздний, которые могли соперничать с греками в их отношении к этой вечной проблеме человеческого прогресса. Сначала мы имеем египетскую нацию, которая благодаря своей глубокой и широко распространенной культуре достигла длительности национального процветания и счастья, возможно, никогда не имевшей себе равных. Изолированные от других цивилизованных рас географическим положением, языком и, как следствие, социальными институтами, египтяне преследовали внутреннее развитие более усердно, чем это свойственно простым расам-завоевателям. Немногочисленные иностранные владения, приобретенные египтянами, никогда не были ассимилированы, и цивилизация Нила оставалась изолированной и уникальной. У нас есть основания знать, что эта утонченная общественная жизнь, которая увековечена в картинах на памятниках земли, эта большая и разнообразная литература, из которой в нашем веке было восстановлено так много фрагментов, не была создана без распространенного и систематического образования. В "Законах" Платона^[1] обучение их детей элементарным наукам описывается как намного превосходящее все, что было в Греции. Но, к сожалению, материалы для какой-либо оценки египетского образования в его процессе отсутствуют. Мы можем ясно видеть его большое национальное влияние; у нас есть даже некоторые детали относительно специальной подготовки в отдельных учреждениях ученого и литературного класса; но больше ничего пока не удалось восстановить. Если бы мы знали, какими путями Моисей стал "сведущ во всей мудрости египтян", перед нами открылось бы интересное поле для сравнения; и здесь, без сомнения, мы обнаружили бы некоторые из наших собственных трудностей, обсуждавшихся и, возможно, решенных ранними мудрецами, еще более просвещенным общественным мнением, проявившимся в установлении надежных традиций. И, несомненно, из-за плотности населения, разделения собственности и труда и отсутствия большой территориальной аристократии, образование египтян должно было соответствовать нашим системам среднего класса и начального образования, вместе со специальными учреждениями для высшего обучения профессиям и литературной касте.

§ 5. Если бы мы могли владеть нашим материалом, мы могли бы поискать в других местах аналогии с образованием нашей знати и высшего дворянства. Из греческих и римских источников, а также из героической поэзии "Шахнаме" мы знаем, что арийская знать, ставшая при Кире правителями Западной Азии, была по характеру, как и по крови, родственна германским вождям и норвежским викингам, их любовью к смелым приключениям, рыцарством и горячей преданностью назначенному ими государю. В этих качествах они странным образом противопоставляли себя демократическим грекам, на которых смотрели с презрением, а в ответ их ценили лишь некоторые люди, такие как Геродот и Ксенофонт. Действительно, такую преданность своему государю, которая заставляла их прыгать за борт, чтобы облегчить его корабль во время шторма, греки путали с рабской покорностью, восточными поклонами и другими знаками унижения. Тем не менее люди, которым греки долго не решались смотреть в лицо, - завоеватели половины известного мира, успешные соперники римлян за господство на Востоке - встречали смерть при Ксерксе и последнем Дарии с другими чувствами, нежели рабская покорность. Геродот в своем интересном и сочувственном рассказе о них говорит, что воспитание их детей состояло из трех вещей - ездить верхом, стрелять и говорить правду. Если бы он добавил к этому рыцарскую преданность своим королям, как у французских дворян в прошлом веке, то завершил бы картину и нарисовал бы воспитание, которое многие английские джентльмены считают недостаточным для совершенства.

§ 6. Римляне - единственный древний народ, который находится достаточно близко к нам, чтобы предложить исследовать их образование. И можно сказать, что они сочетали в себе достоинство благородных традиций с практическими инстинктами успешного торгового

народа. Следовательно, римское образование, если оно было систематическим, должно было соответствовать образованию англичан, которые должны были сочетать в себе те же качества, проводя аналогичную политику и занимая, в некоторой степени, аналогичное положение в мире. Однако вся римская культура была настолько тесно основана на греческих книгах и образцах, что, хотя каждый народ должен развивать индивидуальные черты своего характера - а у римлян их было предостаточно, как мы видим из Квинтилиана, - любое философское знание о римском образовании должно зависеть от предыдущего знания греков. Во многих отношениях римляне были расой, более близкой к англичанам, а значит, и более понятной нам. В более грубых и сильных элементах человеческого характера, в прямоте и любви к истине, в определенном презрении к эстетике и спекуляциям, в прямом утверждении превосходства практических вопросов, в отсутствии сочувствия, а часто и в глупом невежестве и пренебрежении характером и требованиями подвластных рас, римляне являются истинными предшественниками англичан в истории. Как бы мы ни были обременены этими недостатками национального характера, продукты более тонкой и гениальной, хотя и менее твердой и правдивой, эллинской расы особенно заслуживают нашего внимания. Это было настолько основательно признано вдумчивыми людьми нашего поколения, что не требует дополнительных аргументов. Остается только, чтобы каждый из наших эллинистов сделал все возможное, в какой-то отдельной области, чтобы жизнь греков была известна нам справедливо и точно.

ФУТБОЛЬНЫЕ ССЫЛКИ

[1] Р. 819.

ГЛАВА I.

МЛАДЕНЧЕСТВО.

§ 7. У Гомера, особенно в "Илиаде", мы находим указания самого простого рода на то, что греческие младенцы были похожи на детей современной Европы, одинаково хлопотливы, одинаково восхитительны своих родителей, одинаково неинтересны для остального общества. Знаменитая сцена в шестой книге "Илиады", когда младенец Гектора, Астианакс, кричит при виде развевающегося гребня своего отца, и герой кладет свой шлем на землю, чтобы смеяться и плакать над ребенком; любовь и нежность Андромахи и ее патетические причитания в двадцать второй книге - знакомы всем. Она предвидит тяготы и невзгоды, выпавшие на долю ее мальчика-сироты, "который на коленях у отца любил есть чистейший костный мозг и жир овец; а когда наступал сон и он прекращал свои детские игры, он ложился в объятия своей кормилицы, на мягкую подушку, довольный всеми удобствами". И снова [2] богиня-защитница сравнивается с матерью, отгоняющей мух от спящего младенца, а настойчивый друг [3] - с маленькой девочкой, которая, бегая рядом с матерью, просит взять ее на руки, держит ее за платье и задерживает, а ребенок со слезами на глазах смотрит вверх, пока мать не перестанет ей отказывать. Это лишь отрывочные упоминания, но они говорят не менее ясно, чем если бы мы попросили дать прямой ответ на прямой вопрос. Так мы видим колебания убийц, посланных, чтобы избавиться от младенца Кипсела, который, как было предсказано, предвещал опасность коринфским иродам того времени. Улыбка младенца разжалобила - или лучше сказать, разжалобила? - первого грубияна, и так задача переходила от человека к человеку. Эта история в Геродоте [4] - своего рода естественная

греческая параллель великой шекспировской сцене, где другой ребенок усыпляет своего предполагаемого мучителя красноречием, более осозанным и явным, но, возможно, не более сильным, чем лучезарная улыбка греческого младенца. Так, Еврипид, великий мастер пафоса, представляет Ифигению, приводящую своего младенца-брата Ореста молить о ней с той неосознанной печалью, которая пронзает нас до глубины души сильнее, чем самая трогательная риторика. В современном искусстве маленький ребенок, играющий возле своей мертвой матери и с радостью ожидающий ее пробуждения, - это, пожалуй, самый мощный призыв к человеческому состраданию, который мы только можем себе представить.

С другой стороны, и тогда, и сейчас проблемы младенчества были очень велики. Мы, конечно, не слышим о крупе, прорезывании зубов, кори или коклюше. Но это все эпизодические вещи, которые не имеют никакого значения по сравнению с неумолимой тиранией бессонного младенца. Ведь как тогда, так и сейчас у матерей и нянек было сильное предубеждение в пользу того, чтобы носить на руках беспокойных детей и таким образом успокаивать их, чтобы они заснули. Непрактичный Платон требует, чтобы в его сказочной Республике две или три крепкие няни были готовы носить на руках каждого ребенка, потому что дети, подобно глухарям, обретают дух и выносливость благодаря такому обращению! На самом же деле они приобретают гигантскую способность мучить своих матерей.

Большинство детей можно легко приучить спать в кровати или даже в кресле; но младенец, привыкший к тому, что его носят на руках, будет настаивать на этом; так и получилось, что греческие мужья были вынуждены переводить своих жен в другую спальную комнату, где ночные крики разъяренного младенца могли бы не беспокоить как хозяина, так и хозяйку дома. Но греческий джентльмен мог восполнить свой испорченный отдых сиестой в середине дня, и поэтому ему требовалось совсем немного сна ночью. Современный отец в Северной Европе, который весь день работает и бодрствует, находится в более невыгодном положении.

Конечно, очень модные люди держали нянь, и в Афинах было высшим тоном иметь спартанскую кормилицу для младенца, так же как английскую кормилицу ищут среди иностранной знати. Нам говорят, что эти женщины делали ребенка более выносливым, что они использовали меньше валенок и бинтов и позволяли свободно играть конечностям; и это, как и вся спартанская физическая подготовка, было одобрено и восхищено остальной греческой публикой, хотя ее подражание никогда не предлагалось, кроме как в непрактичных рассуждениях Платона.

Одобряли ли они также диету из костного мозга и бараньего сала, которую Гомер в только что процитированном отрывке считает роскошью принцев, не известно. Поскольку Гомер был греческой Библией - вдохновенной книгой, содержащей совершенную мудрость обо всех вещах, человеческих и божественных, - должно быть, многие ортодоксальные родители следовали его предписаниям. Но мы не слышим ни одобрения, ни порицания такой диеты. Возможно, костный мозг мог представлять собой наше масло печени трески для укрепления нежных младенцев. Но поскольку гомеровские люди питались гораздо более исключительно мясом, чем их исторические преемники, какой-то растительный заменитель, например оливковое масло, должен был использоваться и позже. Даже на нашей памяти баранье сало, сваренное в молоке, обычно рекомендовалось врачами для лечения деликатесов, которые сейчас лечатся маслом печени трески. Предполагаемое укрепление детей воздухом и облучением или ранним пренебрежением их удобствами было столь же модным в Спарте, как и у многих современных теоретиков, и, вероятно, в обоих случаях оно привело к одному и тому же результату - вымиранию слабых и нежных. Эти теоретики пародируют случаи выживания крепких детей, то есть их исключительную здоровость, как эффект такого

сурового обращения, и тем самым убеждают себя, что опыт подтверждает их мнение. В случае со спартамцами это было вполне логично, поскольку они исповедовали и желали только физических результатов, презирали интеллектуальные качества и считали послушание высшей моралью, то, возможно, их действия были оправданы. Они так тщательно пропагандировали выращивание здоровых граждан для военных целей, что были вполне довольны тем, что больные умирали. Более того, в случае явно слабых и деформированных младенцев они без колебаний подвергали их жесточайшему испытанию - не холоду и сквознякам, а диким зверям в горах.

§ 8. Это подводит нас к первому шокирующему контрасту между греческим отношением к детям и нашим. Мы не можем сомневаться в том, что, судя по свободному использованию этой идеи в греческих трагедиях, комедиях обычной жизни и в теориях политической экономии, обнажение новорожденных детей не только одобрялось общественным чувством, но и действительно практиковалось по всей Греции. Различные мотивы оправдывали или смягчали эту практику. Прежде всего, младенец считался собственностью своих родителей, более того, своего отца, в степени, немыслимой для большинства современных христиан. Только государство, чьи притязания превалировали над всеми другими соображениями, имело право по общественным причинам вмешиваться в распоряжения отца. Индивидуальная человеческая жизнь еще не достигла той преувеличенной ценности, которую можно назвать следствием различных суеверий и которая сохраняется даже после того, как эти суеверия исчезают. Кроме того, во многих греческих государствах презрение к коммерческим занятиям и отсутствие выхода для практической энергии делали содержание больших семей обременительным, а раздел наследства - чрезмерным. Поэтому благоразумие или эгоизм родителей без колебаний использовали выход, который современная цивилизация осуждает не только как преступный, но и как ужасно жестокий. Насколько мало даже самые благородные греческие теоретики чувствовали это возражение, видно из того факта, что Платон, аттический Моисей, санкционирует детоубийство[5] при определенных обстоятельствах или в другой форме, в своем идеальном государстве. В благородной комедии оно часто упоминается как несколько болезненная необходимость, но предписываемая благоразумием. Нигде в их литературе не прослеживается мука материнского сердца, кроме одной иллюстрации, использованной платоником Сократом, где он сравнивает гнев своих учеников, когда их впервые опровергают их предрассудки, с яростью молодой матери, лишенной своего первого младенца. В самой аллюзии есть что-то ужасное, как будто в последующей жизни аттические матери ожесточились к такому обращению. Мы должны предположить, что обнажение младенцев женского пола было нередким явлением, пока справедливое возмездие бесплодия не обрушилось на нацию, и население не сократилось в результате странной атрофии.

§ 9. В многочисленных семейных тяжбах аттических ораторов мы не находим (я полагаю) случая, когда речь шла бы о многодетной семье. Четыре ребенка - это больше, чем в среднем. Браки между такими близкими родственниками, как дядя и племянница, и даже сводными братьями и сестрами, не были редкостью; но исследования современной науки устранили основания полагать, что такая практика привела бы к уменьшению расы. Она, несомненно, усилила бы любую уже существовавшую склонность к наследственным заболеваниям; однако мы не слышим о детских болезнях больше, чем о нежных младенцах. Чума и эпидемии были достаточно распространены, но, как уже отмечалось, мы не слышим ни о кори, ни о коклюше, ни о скарлатине, ни о других постоянных гонителях наших детских садов.

Поскольку изучение иностранных языков было ниже понятий греческого джентльмена, который скорее ожидал, что все варвары выучат *его* язык, привычка нанимать иностранных нянь, столь полезная и даже необходимая для хорошего современного образования, была почти неизвестна. Для любого эллинского ребенка считалось бы большим несчастьем, если бы его воспитывали на фракийском или египетском языке. Поэтому рабыням-иностранкам с их странным акцентом и грубыми манерами не разрешалось брать детей на воспитание, пока они не смогут ходить в школу и не выучат в совершенстве свой родной язык.

Но женские апартаменты, в которых дети находились первые несколько лет, настолько закрыты для нас, что мы можем лишь предполагать кое-что о жизни и уходе за греческими младенцами. Несколько поздних эпиграмм повествуют о горе родителей, лишившихся своих младенцев. Больше классическая литература не дает нам никакого света. Культурная отсталость греческих женщин заставляет нас подозревать, что тогда, как и сейчас, греческих детей чаще баловали, чем это происходит у серьезных северных народов. Однако выражение "спартанская мать" до сих пор является пословицей; и, несомненно, в этом исключительном государстве дисциплина была настолько универсальной и высоко почитаемой, что проникала даже в ясли. Но в остальной Греции мы можем представить себе маленького ребенка, приходящего в школьный возраст, более своенравным и упрямым, чем большинство наших младенцев, за которыми следят и которых беспокоят. Философ Архит заслужил особую благодарность за изобретение погремушки и за то, что, занимая детей этой игрушкой, он избежал значительного ущерба для домашней мебели.

ССЫЛКИ

[2] Δ 130.

[3] Π 7.

[4] Herod. v. 93.

[5] Разоблачение детей, вместо того чтобы убивать их, оставляло шанс, что какой-нибудь доброжелательный человек спасет их из жалости или скупой продаст в рабство - что, несомненно, часто случалось. Таким образом, родители могли утешать свою совесть надеждой на то, что благосклонность богов предотвратила естественные последствия их бесчеловечного поступка.

ГЛАВА II.

РАННЕЕ ДЕТСТВО.

§ 10. Внешние обстоятельства, определявшие воспитание греческого мальчика, несколько отличались от наших. Мы должны помнить, что вся древнегреческая жизнь, за исключением редких случаев, таких как жизнь в Элисе, о которой мы ничего не знаем, была явно *городской*; и поэтому, естественно, греческое школьное образование было дневным, после которого дети возвращались под опеку своих родителей. Отдавать мальчиков, а тем более девочек, на воспитание в школу-интернат было совершенно неизвестно и, несомненно,

вызывало серьезные нарекания. Сироты передавались на попечение ближайшего родственника мужского пола, даже если их образование обеспечивалось (как это было в некоторых случаях) государством. Что касается возраста поступления в школу, то он, естественно, должен быть ранним, учитывая, что в дневных школах могли обучаться младенцы нежного возраста, а в греческих семьях ни отец, ни мать часто не могли или не хотели заниматься воспитанием детей. Действительно, мы видим, что даже знание букв и чтение было получено от школьного учителя. Все эти обстоятельства указывают на раннее начало греческой школьной жизни; с другой стороны, небольшое количество предметов, необходимых в те времена, отсутствие в программе различных языков, большинства точных наук, а также общей истории и географии делали ненужным столь раннее начало и столь тяжелый труд, как это приходится делать нашим несчастным детям. Кроме того, не было никаких конкурсных экзаменов, за исключением атлетики и музыки. Греки никогда не думали о том, чтобы продвигать человека за "мертвые знания", но за его живое понимание науки или жизни.

В силу этих причин мы видим, что теоретики, как и сейчас, обсуждают целесообразность подождать до семи лет, прежде чем начинать серьезное образование - одни советуют это, другие рекомендуют легкие и половинчатые уроки с более раннего возраста. И тогда, как и сейчас, мы находим такое же любопытное молчание по поводу действительно важного факта, что точное количество прожитых ребенком лет не имеет никакого значения для рассматриваемого вопроса; и что в то время как один ребенок может быть слишком мал в семь лет, чтобы начать работу, многие другие могут быть явно слишком старыми.

§ 11. Во всяком случае, мы можем предположить, что родители проявляют те же виды чрезмерной тревожности, чрезмерной снисходительности, нервозности и беспечности по отношению к своим детям; и поэтому, несомненно, во многих случаях между младенчеством и школьной жизнью был промежуток, который проводился в играх и шалостях. Об этом можно судить не только по анекдотам, например, о том, как Алкивиад играл со своими товарищами на улице,^[6] очевидно, без защиты какого-либо пæдагога, но и по обширной номенклатуре мальчишеских игр, сохранившейся в глоссариях позднейших грамматиков.

Эти игры совершенно отличны от регулярных упражнений в палестре (о которых мы еще поговорим, как о регулярной части образования). Мы располагаем лишь общими описаниями их, причем либо греческими схоластами, либо современными филологами. Но, несмотря на печальное отсутствие практических знаний об играх у тех и других, инстинкты мальчишества настолько едины, что мы часто можем составить очень четкое представление о том, какие развлечения были популярны среди греческих детей. Для маленьких мальчиков игры вряд ли могут состоять из чего-либо иного, чем либо отработка определенной телесной ловкости, например, прыжки на одной ноге, выше или дольше, чем это легко, или дальний бросок камнем; либо некоторая имитация войны, например, снежки, или перетягивание каната через линию, или преследование в определенных условиях; или, наконец, практика некоторой механической изобретательности, например, хлестание топом или стрельба шариками. Пока климат или механические изобретения не изменили игры наших маленьких мальчиков, мы находим все эти принципы, представленные в греческих играх. Была такая игра, как хобби- или петушиная лошадь (*κάλαρον παρὰβῆναι*), стоящая или скачущая на одной ноге (*ἄσκληιάζειν*), которая, как следует из слова *ἄσκός*, пыталась сесть на бутылку из кожи, наполненную жидкостью и смазанную жиром; слепой буфф (*χαλκῇ μύτᾳ*), в котором мальчик кричал: "Я охочусь на соломенную муху", а остальные отвечали: "Ты ее не поймашь"; игры в прятки, в захват и освобождение пленников, в дурака, в короля - в общем,

сейчас, наверное, не известно ни одной простой детской игры, которая не использовалась бы в то время.

Однако несколько деталей могут быть интересны. Была игра под названием *κύνδαλισμός*, в которой *κύνδαλον* представлял собой деревянный колышек с заостренным тяжелым концом, который мальчики стремились воткнуть в размягченное место в земле так, чтобы он стоял вертикально, и выбить колышек соперника. Это напоминает нам о сбивании колышков, которое до сих пор происходит на наших улицах. Другая игра, называемая *ὄστρακίνα*, заключалась в подбрасывании в воздух устричной раковины, одна сторона которой чернела или увлажнялась и называлась *ночь*, другая - *день*, или солнце и дождь. Мальчики делились на две стороны с этими названиями и, в зависимости от того, какая сторона раковины оказывалась наверху, преследовали и брали в плен своих противников. С другой стороны, *ἐπὶ ὄστρακίῳ* заставлял *снаряд* проскакивать по поверхности воды горизонтальным броском, и побеждало наибольшее количество проскоков. *Εἰς ὠμίλλαν*, хотя и является общим выражением для любого состязания, специально применялся для бросания костяшки или гладкого камня так, чтобы он лежал в центре фиксированного круга и мешал тем, кто уже занял хорошие позиции. Это также делалось в небольшое отверстие (*τρόπα*). Похоже, что они стреляли сушеными бобами из пальцев, как мы стреляем шариками (*φρυγίνδα*). Они вращали монеты на своем краю (*χαλκισμός*).

Вот две игры, возможно, не столь распространенные в наши дни. *Πενταλίθζειν* - это техническое слово для подбрасывания *пяти камешков* или астрагалов и получения их таким образом, чтобы они ложились на тыльную сторону руки. *Μηλολόνη*, или игра в жука, заключалась в том, что жука запускали на длинной нити и вели его, как воздушного змея. Но в качестве улучшения они прикрепляли к его хвосту восковую щепку, зажженную; эта жестокость практикуется и сейчас, согласно авторитетному мнению (Papasilotis), в Греции и даже вызывает серьезные пожары.^[7] Топы были известны под разными названиями (*βέμβιξ*, *στρόμβος*, *στρόβιλος*), одно из них, конечно, гудящий топ. Так же как и обручи (*τροχοί*).

Игра в мяч была древней и распространенной, даже среди гомеровских героев. Но поскольку во времена завоевания она была очень модной и тщательно практиковалась как мексиканцами, так и перуанцами, она, вероятно, является общей для всех цивилизованных рас. У нас не сохранилось никаких подробностей о сложных играх с мячами; и простое подбрасывание их вверх и ловля одного от другого, с некоторым ритмичным движением, вряд ли стоит всего поэтического пыла, проявленного к этой игре греками. Но, возможно, музыкальное и танцевальное сопровождение было очень важным, в случае взрослых людей и в исторические времена. Однако Поллукс - наш главный авторитет в отношении большинства этих игр - в одном месте^[8] четко описывает и футбол, и гандбол. "Названия, - говорит он, - игр с мячами - *ἐπίσκυρος*, *φαίνινδα*, *ἀπόρραξις*, *οὐρανία*. В первую играют две четные стороны, которые проводят в центре линию, называемую *σκῦρος*, на которую кладут мяч. Они проводят две другие линии позади каждой стороны, и те, кто первыми достигают мяча, перебрасывают его (*ρίπτουσιν*) через противников, чья обязанность - поймать его и вернуть, пока одна сторона не загонит другую обратно за линию своих ворот". Хотя Поллукс не упоминает *об ударах*, эта игра, очевидно, по сути является нашим футболом. Он продолжает: "*φαίνινδα* была названа либо от *Phaenindes*, первого первооткрывателя, либо от обмана (*φενακίζειν*)," и т.д. - мы не должны следовать его этимологии - "и *ἀπόρραξις* состоит в том, чтобы сделать мяч связанным с землей и послать его о стену, считая количество прыжков в зависимости от того, как он был возвращен." И как будто для того, чтобы сделать предвосхищение наших игр более любопытным, можно привести из истории Мануила, написанной византийцем Циннамом (1200 г. н.э.), четкое описание канадского лакросса,

разновидности хоккея, в который играли ракетками: "Несколько юношей, разделившись поровну, оставляют на ровном месте, которое они предварительно подготовили и измерили, мяч из кожи, размером примерно с яблоко, и бросаются на него, как на приз, лежащий в середине, с установленной стартовой точки (ворот). Каждый из них держит в правой руке ракетку (ῥάβδον) подходящей длины, заканчивающуюся как бы плоским изгибом, середину которого занимают высушенные приправой кишки, сплетенные вместе в виде сетки. Каждая сторона стремится первой доставить мяч на противоположный от отведенного им конца площадки. Если мяч доведен ῥάβδοι (ракетками) до конца площадки, это считается победой"[9].

Две игры, которые не ограничивались детьми и которые не получили широкого распространения, хотя и существуют среди нас, - это использование *астрагалов*, или костяшек животных, обрезанных почти под квадрат, чтобы служить игральными костями; ими дети бросали на удачу, и самый высокий бросок (шестерки) считался лучшим. В позднем греческом искусстве часто встречаются изображения Эроса и других юношеских фигур, играющих в астрагалы. Следует опасаться, что эта игра была введением в игру в кости, которая была настолько распространена и так часто злоупотреблялась, что среди немногих сохранившихся образцов древних костей есть несколько фальшивых, которые, очевидно, были заряжены. Другая игра, о которой я упоминаю, - это итальянская *морра*, в которой нужно мгновенно угадать, сколько пальцев подбросит вверх игрок и его противник. Удивительно, как южные мужчины и мальчики до сих пор любят эту простую игру, в основном, правда, в азартных целях.

Были еще подбрасывание одеяла, хождение на ходулях, качели, прыжки-лягушки и многие другие подобные игры, которые плохо понимаются и еще хуже объясняются учеными, а для нас не имеют никакого значения, кроме как доказывают общее сходство жизни маленьких мальчиков тогда и сейчас.

Мы ничего не знаем о состоянии маленьких девочек того же возраста, кроме того, что они специально предавались игре в мяч. Как и наши дети, девочки, вероятно, в меньшей степени участвовали в играх мальчиков, и только в той степени, в которой они могли играть внутри дома, во дворе дома. Есть изящные изображения того, как они раскачиваются и упражняются *на качелях*. Кукол у них было много, а изготовление кукол (из глины) было в Афинах совершенно особым ремеслом. Не раз мы находили в детских могилах их любимых кукол, которых скорбящие родители клали с собой в могилу на память.

§ 12. К сожалению, почти ни слова не осталось о детских стишках и фольклоре, которые гораздо интереснее, чем физические забавы детей. Однако мы знаем, что такие народные песни существовали в изобилии; мы также знаем из ранней славы басен Эзопа, из мифов, так легко придуманных и изысканно рассказанных Платоном, что здесь мы потеряли настоящий фонд прекрасных и стимулирующих детских историй.[10] И, конечно, здесь также сохранился общий характер таких историй во всем человеческом роде.

ССЫЛКИ:

[6] Плут. "Алкиб.", с. 2.

[7] Таково, по-видимому, толкование "Ахара". 920 sq., согласно Грасбергеру.

[8] ix. 103.

[9] Не знаю, является ли столь поздний авторитет веским доказательством раннего греческого происхождения игры. Скорее всего, поло, в которое играли в Константинополе в то же время, произошло от конного народа, а не от греков.

[10] Есть возможность восстановить некоторые из них путем тщательного сбора *vavariómata* современных греков, которые во многих случаях, несомненно, соответствуют своим предшественникам *vaukalómata* старых греков. Истории о *Мормо*, *Горго* и *Эмпусе* все еще актуальны, чтобы пугать детей, как и песни о Харосе (старом Хароне), безжалостном гении смерти (об Арахове). Вера в Ламию до сих пор настолько распространена, что *ἔπνιξεν ἡ Λάμια* - Ламия *задушила его* - является обычным выражением, когда ребенок внезапно умирает. Ср. Βενίζελος, "О частной жизни древних греков", Афины, 1873.

ГЛАВА III.

ШКОЛЬНЫЕ ДНИ - ФИЗИЧЕСКАЯ СТОРОНА.

§ 13. Самым поразительным отличием раннего греческого образования от нашего было, несомненно, то, что физическим развитием мальчиков занимались в особом месте и у особого мастера. Для них было недостаточно играть в случайные игры детства; они проходили тщательную телесную подготовку по очень жесткой системе, которая определялась атлетическими состязаниями последующей жизни. Эта особенность, вызывающая восхищение современных немцев и породившая огромную литературу, несомненно, тем более необходима сейчас, когда умственное воспитание наших мальчиков стало гораздо более требовательным; и мы вполне можем почувствовать, глядя на физическое развитие обычных иностранцев, как остро они должны завидовать свободе конечностей и легкости движений, не только как мы видим ее на примере греческих статуй, но и как она предстает перед нами у обычного спортивного англичанина. Но вполне соответствует их недостатку практического развития то, что в то время как они пишут огромные книги о физической подготовке греков и возможности подражания ей в современном образовании, они, кажется, совершенно не знают об этой стороне английского образования в наших государственных школах; а между тем там они могли бы увидеть на практике физическое воспитание, ни в чем не уступающее тому, что описано у классических авторов. Я говорю это совершенно сознательно: мальчик из государственной школы, которого обучают крикету, футболу и гребле, а в каникулы он может заниматься верховой ездой, ловить лосося, охотиться и стрелять, получает физическую подготовку, равной которой не было ни в одном классическом учебном заведении. Атлетической частью этой подготовки пользуются все мальчики в наших государственных школах, хотя полевые виды спорта дома достаются только более богатым и удачливым.

§ 14. Когда мы сравниваем то, что греки предоставляли своим мальчикам, мы видим, что это делится на два контрастных вида упражнений: охота, которой очень усердно занимались спартанцы, а также, несомненно, элейцы и аркадяне, как видно из "Трактата об охоте на зайцев" Ксенофонта; и гимнастика, которой мальчики занимались в так называемых палестрах, своего рода гимназиях под открытым небом (в нашем смысле), которые содержались частными лицами в качестве спекуляции, и в которые мальчиков отправляли,

как и к обычному школьному учителю.[11] Мы видим, что спартанцы, у которых было достаточно возможностей для охоты с собаками в лесах и укрытиях горы Тайгет, скорее презирали простое упражнение в ловкости в палестре, так же как наши спортсмены мало задумываются о том, чтобы проводить часы в гимнастическом зале. Но те греки, которые жили в таких городах, как Афины, посреди густонаселенной и хорошо окультуренной страны, не могли получить охоту, и поэтому нашли ей самую эффективную замену.

Тем не менее, мы видим, что они сильно отстают от англичан в своих знаниях или вкусе к играм на свежем воздухе, таким как крикет, футбол, хоккей, гольф и т.д. - играм, в которых сочетаются случай и мастерство, сила и ловкость, и которые сильно интересуют игроков, держа их на свежем воздухе. Яхтинг, хотя и проводились регаты, не был в моде в Древней Греции. Гребля, которой они могли заниматься от души и которая имела не последнее значение в их морской войне, никогда не считалась джентльменской и всегда была делом рабов или наемников. Есть, правда, как выше цитировалось у Поллукса, описания чего-то вроде футбола и лакросса, но неясность и редкость любых упоминаний о них показывают, что они ни в коем случае не являются национальными играми. Бег наперегонки по короткой дистанции был одним из их главных упражнений, но это не настоящая игра на свежем воздухе.

§ 15. Соответственно, немцы, стремясь построить свое физическое воспитание по греческому образцу, совершают грубую ошибку, игнорируя тот вид упражнений для мальчиков, который по своей ценности значительно превосходит любые тренировки в гимназиях. Матч Итона и Хэрроу в Лордз - гораздо более красивое зрелище и гораздо лучше для исполнителей, чем борьба или бег мальчиков в Олимпии. И помимо разнообразия упражнений в такой игре, как крикет, и различных умственных способностей и решений, которые она стимулирует, большая часть игры заключается не в выигрыше, а в правильной форме игры, в том, что греки так высоко ценили как *эвритмию* - грациозные действия не только в танцах и игре в мяч, но и в самых сильных физических нагрузках.

Но у греков не было игровых площадок за пределами палестры или гимназии; у них не было игровых площадок в нашем понимании; и хотя несколько пословиц говорят о плавании как о всеобщем достижении, которому обучались мальчики, молчание греческой литературы на эту тему[12] заставляет подозревать, что такое обучение было повсеместным.

После этого вступления мы можем перейти к некоторым деталям обучения греческих мальчиков в их палестре.

§ 16. В одном вопросе греки, безусловно, больше согласны с современными англичанами, чем с любой другой цивилизованной нацией. Они считали спорт действительно серьезным занятием. И если к нему не относиться так, он никогда не будет доведен до того национального совершенства, до которого его довели англичане или до которого, как считается, довели греки. И все же даже в этом вопросе греки относились к своему спорту иначе, чем мы и все народы, перенявшие семитские идеи в религии. Серьезность в религии у нас совершенно отлична от серьезности в спорте. У греков этого не было, точнее, серьезность не была для них атрибутом религии в большей степени, чем для обычной жизни. Они гармонизировали религию и спорт не столько серьезностью спорта, сколько веселостью - древние или современные семиты сказали бы, что легкомыслием своих божеств; *ведь боги тоже любят спорт* (φίλοπαίμονες ὕαρ καὶ οἱ θεοί), говорит Платон в своем "Кратилусе", замечательном и чисто греческом изречении. Величайшие праздники богов отмечались усилением человеческих удовольствий - не только вкусовых, согласно

грубому представлению христианского средневековья, но и эстетических, и возбуждающих - удовольствий не праздности, а острого наслаждения.

§ 17. Названия, применяемые к местам для упражнений, указывают на их основное назначение. *Palæstra* означает место для борьбы; *gymnasium* первоначально означало место для упражнений с обнаженной грудью, но глагол рано утратил этот смысл и стал означать просто физическую подготовку. Мы слышали, что к палестре часто примыкал короткий ипподром (ῥόμος), и он должен был быть коротким, поскольку иногда его накрывали (называли ξυτός), вероятно, навесом вдоль стены главного загона.

Нет никаких свидетельств, позволяющих решить, ходили ли мальчики в это заведение в том же возрасте, что и в школу, и в другое время дня, или же в другом возрасте, получая физическое и умственное образование отдельно. И даже в этом последнем случае мы остаемся в сомнении, какая сторона получила приоритет. Лучшие авторитеты среди немцев решают разделить возраст для палестры и школы и ставят палестру на первое место. Но перед лицом многих неясностей и некоторых доказательств в другую сторону, здравый смысл предпочитает считать, что оба вида обучения давались вместе, хотя мы ничего не знаем о распределении дня, кроме того, что оба, как утверждается, начались очень рано. Даже теоретические схемы Платона и Аристотеля нам здесь не помогут, и это один из тех многочисленных моментов, которые сегодня утрачены из-за того, что когда-то были столь очевидными и привычными.

Мы обсуждаем сначала физическую сторону, потому что она естественным образом вытекает из домашних игр, которые были описаны, и потому что умственная сторона естественным образом будет связана с высшим образованием в более зрелые годы. И здесь, среди великого множества упражнений в *палестре* - борьбы и *танцев*, более правильных упражнений в силе и грации, - мы поставим атлетику на первое место, поскольку второе естественным образом ведет нас к умственной стороне.

§ 18. Чтобы покинуть дом и благополучно добраться до палестры, а также вернуться обратно, греческие мальчики находились под руководством *пæдагога*, который ни в коем случае нельзя отождествлять (как это происходит сейчас) со школьным учителем. От этой ошибки пострадал текст "Закон был нашим учителем, чтобы привести нас ко Христу". Греческое *pædagogus* означает просто раба, которому поручалось безопасно доставлять сыновей своего хозяина в школу и обратно и охранять их от несчастий по дороге. Часто он был старым и надежным, часто старым и бесполезным, всегда невежественным и никогда не пользовался уважением. Молодые и веселые мальчики, очевидно, считали его большой помехой для развлечений, настаивая на пунктуальных часах возвращения и ограничивая общение со старшими мальчиками, которое было столь увлекательным, но и столь опасным для греческих детей.

Смотритель палестры и тренер (παῖδοτρίβης) не назначался государством, а (как уже говорилось) занимался этим делом как частное предприятие, не под руководством, а под надзором государства, по типу полицейского регулирования. Действительно, в речи Эсхина "Против Тимарха" приводятся очень строгие законы о том, что ни одна палестра или школа не может быть открыта до или после дневного света; что никто старше мальчиков не может входить в здание или оставаться в нем; и за нарушение этих правил полагались самые суровые наказания, вплоть до смерти. Но мы знаем, что, даже если это правда, что весьма сомнительно, текст приведенных здесь законов стал мертвой буквой, поскольку для старших мужчин было излюбленным развлечением посмотреть, как занимаются мальчики. Ограничения, конечно, были; фешенебельная гостиная никак не могла служить строгой

школой, и мы знаем, что в Спарте даже в гимназиях соблюдалось правило "*раздевайся или уходи*", чтобы не допустить праздной толпы.

§ 19. На многих вазах, часто в ярких красках, изображен интерьер палестры. Его обозначает бородатый Гермес - грубый бюст бога-покровителя. Мужчина средних лет в короткой мантии или *хламиде*, с жезлом или палочкой в руке, наблюдает и руководит упражнениями мальчиков, как правило, борцовскими поединками. Из *пятиборья*, которое однажды было введено в Олимпии для мальчиков, мы также знаем, что пять упражнений в нем были теми, в которых они обычно тренировались: прыжки, бег, метание диска, копья и борьба. Для старших мальчиков, несомненно, добавлялись бокс и *панкратий*, если они собирались готовиться к публичным соревнованиям, но сыновья простых джентльменов никогда бы не стали проходить эту специальную подготовку и ее тяготы. И действительно, спартанцы строго пресекали такие виды спорта, как способные изуродовать, так и порождающие ссоры и недоброжелательность. Легкие упражнения предназначались для того, чтобы сделать каркас выносливым, а движения - грациозными, и начинались с тщательного натирания кожи оливковым маслом, которое после тренировки счищалось специальным инструментом, *στλέγγις*, как можно видеть на великолепной ватиканской статуе атлета, скребущего свою руку, так называемого *Апоксиомена*, упоминаемого в качестве оригинала Лисиппа. В роскошные дни они также принимали ванну, но это вряд ли относилось к обычным мальчикам - ведь водоснабжение греческих городов, вероятно, было достаточно скудным, а народ не любил много мыться.

§ 20. Осталось мало или совсем нет подробностей о точных правилах тренировок, практиковавшихся в обычных палестрах, но мы можем с уверенностью предположить, что они были такими же по типу (хотя и более мягкими по степени), как и те, что утверждались для официальных атлетов. Если судить по ним, мы не составим высокого представления о греческих тренировках. Павсаний сообщает нам, что они тренировались на сухом сыре, что неудивительно, поскольку они (как и большинство южан) были не очень плотоядным народом. Но когда известный атлет (Дромеус[13]) обнаружил, что мясная диета является лучшей, они, похоже, последовали этому открытию, сделав вывод, что чем больше хорошего, тем лучше; и поэтому атлеты должны были есть очень большое количество мяса, из-за чего они были ленивы и сонливы, когда не занимались активной работой.[14] Мы не должны предполагать, что диета обычных мальчиков была каким-либо образом вмешательство, но этот конкретный случай показывает грубые понятия, которые преобладали, и тренер пришел все больше и больше, чтобы взять на себя роль диетического врача, как говорится в Платон.

§ 21. Это то, что касается условий хорошего обучения; что касается исполнения, есть моменты, имеющие не меньшее значение. Все ученые немцы, пишущие на эти темы, отмечают, что олимпийские забеги проводились на мягком песке, а не на твердой и пружинистой земле, так что действительно хороший темп не мог быть реальным объектом для греческих бегунов.[15] Но, что еще хуже, они восхваляют их рвение и энергию в старте (как мы видим на вазах) с дикими взмахами рук, в манере раскинутого орла, и *подбадривают себя громкими криками*. [16] Такой стиль бега может показаться очень прекрасным профессору в его кабинете, но вызовет только насмешки среди тех, кто когда-либо делал хотя бы практическое сочинение, или видел какие-либо соревнования. Но, возможно, греки не были столь единообразно глупы в этом отношении, как их сейчас представляют комментаторы, ведь на Акрополе в Афинах сохранилась одна малоизвестная ваза, на которой бегущая фигура крепко держит локти назад, как положено. У нас также могут возникнуть серьезные подозрения относительно греческого бокса, если учесть, что они

сильно утяжеляли руки в нагруженных перчатках, и что боксеры описываются как люди с раздавленными *ушами*, а не *носами*. Мы не можем не подозревать их в том, что они размахивали руками, а не наносили прямые удары от плеча. Это подтверждается и тем, что в боксе использовались защитные ушные шапки (*ἀμφωτίδες*), о чем ни один современный боксер и не мечтает.

§ 22. Все эти намеки, взятые вместе, заставляют нас обоснованно подозревать, что в качестве *атлетики* тренировки *пэдотрибов* не были тем, чем мы должны восхищаться. Но, с другой стороны, живописные и восторженные описания красивых и хорошо тренированных греческих мальчиков в сочетании с идеальными фигурами, сохранившимися в греческой скульптуре, доказывают, вне всякого сомнения, что они прекрасно знали, что такое красивая мужественная форма и с помощью какой тренировки ее можно получить. Однако давайте не будем преувеличивать. Очень немногие мальчики действительно соответствовали идеальным типам скульптора; и если мы сделаем поправку на это, то можем заключить, что лучший английский школьник не уступает лучшим греческим типам в реальной жизни.^[17] Возможно, некоторое преимущество обусловлено большей свободой конечностей, достигаемой тренировками нагишом и натиранием маслом; но преимущество этого перед современным фланелевым костюмом или обтягивающей одеждой спортсмена очень невелико. Тем не менее, английский школьник физически настолько превосходит школьников других европейских наций, что мы можем считать его, наряду с греческим мальчиком, почти отдельным животным.

Нас удивляет, что регулярные тренировки в самых простых упражнениях, таких как бег, прыжки, борьба, метание диска или дротика, позволили достичь таких великолепных результатов. Или мы скажем, что не *борьба*, а *танцы* были главной составляющей греческой тренировки? Мы можем одним словом отбросить сказочные истории об атлетических подвигах в Олимпии, где некий Хионис, спартанец раннего периода (Ол. 28-31, ок. 660 г. до н. э.), как говорят, прыгнул на пятьдесят два фута, а затем Фаил из Кротона - на пятьдесят пять футов. Из использования гирь (*ἄλτήρες*) мы также можем сделать вывод, что прыжок был стоячим. К счастью, эти утверждения сделаны только поздними грамматистами, и хотя некоторые немецкие критики склонны распространять свое преклонение перед греческим обучением на этот пункт, практические читатели скорее будут склонны дискредитировать другие утверждения, сделанные тем же авторитетом. Как мы не слышим о прыжках с разбега, так мы не слышим и о прыжках в высоту, по крайней мере, в общественных играх. И то, и другое, возможно, практиковалось в палестре. Дистанция спринтерского бега для мужчин составляла двести ярдов, для мальчиков - несколько короче. Самая длинная гонка в Олимпии была двадцать четыре стадия (4800 ярдов, 2⅔ мили), которую профессора, не зная времени, в которое она проводилась, считают более замечательной, чем прыжок на пятьдесят пять футов, но которая равна во многих английских видах спорта в настоящее время.

§ 23. Не считая сомнений в совершенстве греческого обучения, давайте в заключение вернемся к отсутствию среди старших мальчиков тех игр на свежем воздухе, как крикет, которые так ценны для развития умственных, а также физических качеств. В этих играх есть одна особенность, которую греки, похоже, полностью упустили, и которая, похоже, игнорируется в большинстве немецких книг о реформе физического воспитания в школах. Это формирование клубов и команд мальчиков, в которых они сами выбирают себе лидеров, приучаются к самоуправлению и подчинению высшей воле равных или решению общественного мнения между собой. Платон давно заметил, что правильное и своеобразное предназначение мальчишеского спорта - скорее умственное, чем телесное

совершенствование. Но он ограничился лишь той частью вопроса, которая говорит о том, что воспитание духа в мальчиках лучше, чем воспитание только силы. Это совершенно верно, и нет ни одной игры, достойной этого названия, в которой дух и интеллект не могли бы победить грубую силу. Но в воспитании мальчиков, кроме Спарты, почти нет следов свободной конституции, в которой они сами управляют своими делами, сами ведут ссоры, сами хвалят или порицают в соответствии с собственным общественным мнением. Ни один греческий педагог, похоже, не догадывался об этом, и иностранные теоретики, обсуждавшие реформы образования по греческим образцам, похоже, также не осознают их важности. И все же именно здесь, как нигде, кроется секрет той независимости характера и уверенности в себе, которая является основой английской конституции и национальной свободы. Греки были похожи на французов и немцев, которые всегда думают, что игры и спорт не будут процветать или правильно проводиться без надзора *турнлерера*, или надсмотрщика; и они очень увещевают этого человека, чтобы он сочувствовал мальчикам и стимулировал их. В Англии главная обязанность таких людей - держаться подальше от дороги и позволить мальчикам самим управлять своими делами. Результаты противоположных систем поражают любого, кто сравнит, с одной стороны, аккуратных и хорошо воспитанных французских мальчиков в школе-интернате, идущих по двое, в перчатках и с вывернутыми пальцами по дороге, за которыми следует учитель; с другой стороны, игровые площадки любой хорошей английской школы в часы отдыха. Если бы ревностные и ученые реформаторы, пишущие книги на эту тему в современной Европе, взяли на себя труд приехать и увидеть это своими глазами, это могло бы изменить как их отзывы о греческом обучении, так и их предложения для их собственных стран.

ССЫЛКИ:

[11] Точное соотношение между древней *палестрой* и *гимназией* не дает покоя критикам. Кажется очевидным, что первая была частным заведением и предназначалась для мальчиков; вторая же была более общей и к ней прибегали молодые люди, не только любители и новички, но и более опытные спортсмены. Поэтому термины часто путают. В "Трактате об афинском государстве", однако, автор упоминает палестры как построенные демосом для общественного пользования; и этот трактат, кто бы ни был его автором, датируется не позднее 415 г. до н.э.

[12] Геродот, действительно (viii. 89), говорит о большинстве греческих моряков как об умеющих плавать.

[13] Paus. vi. 7, 9.

[14] На Олимпийских играх существовало любопытное правило, согласно которому участников даже заставляли клясться, что они провели месяц в тренировках в Элисе, как будто имело значение, была ли победа одержана только благодаря природным способностям или благодаря тщательному обучению. Можно было подумать, что важность состязания обеспечит достаточную подготовку тех, кто хотел победить.

[15] Я сам видел на Олимпийских играх, которые сейчас проходят в Афинах, в раскопанном стадионе Геродоса, спринтерский забег на двести ярдов по виноградной лозе, изрезанной бороздами, с собаками и людьми, преграждающими путь. См. Macmillan's Magazine за сентябрь 1876 года.

[16] Ср. например, Grasberger, "Erziehung," etc., iii. 212, цитируя Cicero, "Tusc. Disp.", ii. 23, 26.

[17] Это вечная и, возможно, уже неискоренимая ошибка, поскольку мы не можем видеть реальных афинян или спартанцев классических времен, представлять их *в целом* похожими на идеальные статуи греческих художников. Мы находим даже общее утверждение, что красота была правилом, а уродство - исключением среди них, несмотря на жалобу Цицерона, когда он был разочарован посещением Афин: "Quotusquisque enim formosus est? Quum Athenis essem e gregibus epheborum vix singuli reperiebantur."

ГЛАВА IV.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ - МУЗЫКАЛЬНАЯ СТОРОНА - ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

§ 24. Мы подойдем к этой стороне вопроса, процитировав знаменитое описание греческого образования в "Протагоре" Платона,[18] которое напомним читателю об общей проблеме, так часто теряющейся или затушевывающейся среди деталей. "Воспитание и наставление начинаются с первых лет детства и продолжаются до самого конца жизни. Мать и няня, отец и воспитатель (παῖδαυγός) начинают спорить об улучшении ребенка, как только он становится способен их понять. Он не может ничего сказать или сделать без того, чтобы они не ему, что это справедливо, а это несправедливо; что это почетно, а это бесчестно; это свято, а это несвято; делай это и воздерживайся от того. И если он повинует, то хорошо, а если нет, то его выпрямляют угрозами и ударами, как кусок искореженного дерева. Позднее его отдают к учителям, и они требуют, чтобы те следили за его манерами даже больше, чем за чтением и музыкой; и учителя делают все, что от них требуется. А когда мальчик выучит буквы и начнет понимать написанное, так как раньше он понимал только сказанное, ему дают в руки сочинения великих поэтов, которые он читает в школе; в них содержится много наставлений, много рассказов и похвал, энкомий древних знаменитых людей, которые он должен выучить наизусть, чтобы подражать им и желать стать таким же, как они. Учителя лиры также заботятся о том, чтобы их юный ученик был устойчив и не попадал в беду; и когда они научат его пользоваться лирой, они знакомят его с произведениями других прекрасных поэтов, которые являются лирическими поэтами; их они кладут на музыку и делают их гармонии и ритмы вполне знакомыми детям, чтобы они могли научиться быть более нежными, гармоничными и ритмичными, и таким образом более приспособленными для речи и действия; ибо жизнь человека в каждой части имеет потребность в гармонии и ритме. Затем они отправляют их к мастеру гимнастики, чтобы их тела лучше служили добродетельному уму и чтобы слабость их тела не заставляла их изображать труса на войне или по какому-либо другому поводу. Так поступают те, у кого есть средства, а средства есть у богатых; их дети начинают обучение раньше всех и заканчивают позже всех. Когда они покончили с мастерами, государство снова заставляет их изучать законы и жить по образцу, который они дают, а не по собственным прихотям; и как при обучении письму учитель сначала чертит линии стилусом для использования молодым новичком, дает ему скрижаль и заставляет следовать линиям, так и город чертит законы, которые были изобретением добрых законодателей, живших в давние времена; Они даются молодому человеку для того, чтобы он руководствовался ими в своем поведении, будь то правитель или управляемый; и тот, кто нарушает их, должен быть исправлен или призван к ответу, что является термином, используемым не только в вашей стране, но и во многих других."

Таков аргумент, вложенный Платоном в уста софиста Протагора, чтобы показать, что добродетель - это вещь, которой можно научить, а не просто природная предрасположенность или божественная благодать. Другой *классический пример*, на который можно сослаться в тесной связи с ним, - это описание традиционного воспитания, данное в "Облаках" Аристофана." [19] Строгая дисциплина мальчиков, которым не разрешалось произносить шепот перед старшими; которые отправлялись в школу рано утром, в одной тунике, даже в самый глубокий зимний снег; Поэт противопоставляет развращение молодежи витиеватой и безнравственной музыкой, меркантильным желанием выставить напоказ свои телесные и душевные совершенства, роскошью и ленью, отказом от трезвости и трудолюбия.

В этом отрывке так открыто упоминаются особенности греческого вкуса, что он не выдерживает дословного перевода на английский язык, по крайней мере, в книге для обычных читателей; поэтому в критике его следует лишь отметить, что теоретики греческой жизни слишком много внимания уделяют картине чрезмерной озабоченности моралью в более древние времена и предполагаемой безнравственности эпохи поэта. Именно из таких отрывков немецкие историки черпают свои весьма экстравагантные утверждения о быстром вырождении афинян при так называемой *охлократии*, которая последовала после смерти Перикла. Очень легко найти во многих других эпохах и временах подобные утверждения о славе старых добрых времен и вырождении современников сатирика. Но правды в них не больше, чем в утверждении Гомера, что его герои брали и легко бросали огромные камни, которые не могли поднять два, или пять, или десять человек, таких, какими они являются сейчас. То же самое говорилось в поэзии о рыцарях Средневековья по сравнению с современной Европой. Можно представить их более крупными и могучими, чем мы, и все же их доспехи редко бывают достаточно велики для человека ростом в шесть футов. Изображение Аристофана, несомненно, является намеренным преувеличением, и сам поэт с готовностью признал бы его таковым. Но она, конечно, дает нам представление о крайностях, возможных в реальной жизни, как он ее знал, и поэтому полезна для формирования наших представлений по этому вопросу, если мы используем здравый смысл и осторожность.

§ 25. За исключением этой особенности, что греческие родители проявляли большую заботу о нравственности своих мальчиков и охраняли их так, как мы должны охранять нравственность девочек, видно, что принципы воспитания постоянны и применимы во все века при аналогичных обстоятельствах.

Но то, что древние называли *музыкой* в более широком смысле, должно включать в себя знание и чтение хорошей поэзии, а также надлежащее обучение фигурным танцам, которые были самым обычным служением богам. Действительно, хорошее музыкальное образование в Греции, в отличие от нашего, включало в себя все изящные эстетские и интеллектуальные достижения. Такое широкое использование термина, однако, хотя и согласованное с обычным пониманием игры на инструментах и пения, не вызывает путаницы. Различие между "музыкой и пением", как мы часто видим его (не в сатирическом смысле) в рекламе наших профессиональных учителей, не допускалось.

§ 26. Я думаю, мы можем с полным основанием утверждать, что изучение эпических поэтов, особенно "Илиады" и "Одиссеи", было самым ранним интеллектуальным занятием школьников и, в случае достаточно образованных родителей, даже предвосхищало изучение букв. Ведь о последнем никогда не говорят как о части материнского или домашнего образования. Чтение не было столь универсальным или необходимым, как сейчас; и поскольку в прежние времена оно было лишь достижением, постепенно

становившимся необходимым, его приобретение, похоже, всегда поручалось профессиональному мастеру, γραμματιστής, или грамматику в более раннем употреблении этого слова. Конечно, заботливые родители, по примеру Протагора, должны были прививать ранние уроки поэзии еще до этого возраста. Мы можем предположить, что книги Гомера читались или декламировались подрастающим мальчикам, и что их поощряли или требовали выучить их наизусть.

Это совершенно несомненно для всех, кто справедливо оценивает огромное влияние, приписываемое Гомеру, и принципы, которые, по мнению греков, лежали в основе его творчества. Его повсеместно считали *учителем нравственности*, чьи персонажи были нарисованы с моральными намерениями и с целью примера или избегания. В "Ионе" Платона мы отчетливо находим нечто сверхъестественное, некое отчетливое вдохновение музыки, утверждаемое в отношении Гомера; и это вдохновение даже передавалось, как некая магнитная сила, от барда к барду. Предполагалось даже, что эти древние поэты произносили слова более глубокие и святые, чем они сами знали, будучи движимы неким божественным *эструсом*, чтобы сочинить то, что они не могли сказать в естественном состоянии. Соответственно, "Илиада" и "Одиссея" должны были содержать все, что полезно не только для благочестия, но и для жизни. Все искусства и науки должны были черпаться (путем интерпретации) из этих священных текстов.

Поэтому, когда современному читателю приходит в голову, что главное превосходство нашего образования над греческим заключается в раннем обучении Писанию - обучении, которое, увы, с каждым днем становится все менее серьезным, - старый афинянин, милезиец или цеанец отрицал этот факт и говорил, что у них тоже был вдохновенный том, написанный для их обучения, в котором содержались все нравственные добродетели и все необходимые для веры вещи. На обвинение в нежелательных отрывках в старом эпосе, несомненно, последует аналогичное обвинение в адрес старых семитских книг.

§ 27. Практически невозможно, чтобы в высших семьях по всей Греции это нравственное воспитание не начиналось дома; и наверняка было много греческих матерей, способных и желающих помочь, хотя история умалчивает о них и даже не выделяет отдельных случаев, подобных римской Корнелии, когда матери влияли на нравственное и интеллектуальное воспитание своих детей.^[20] Конечно, то тут, то там мы находим свидетельства сильного чувства уважения к матери дома, которые любопытно контрастируют с обычным молчанием о женщинах. В "Облаках" апогеем злодейства молодого отщепенца, ставшего софистом под руками Сократа, является угроза насилия над матерью.^[21] Здесь Стрепсиад восклицает в неподдельном ужасе от результатов такого обучения. Мы также видим, как Платон и (возможно, подражая ему) Цицерон подчеркивают чистоту речи, сохраняемую в разговоре культурных женщин, чья консервативная жизнь и вкусы отвергали сленг и новизну, и таким образом сохраняли язык чистым и неоскверненным. Совершенно противоположная претензия предъявляется к педагогам, чье зачастую варварское происхождение и грубые нравы наносили вред молодежи.

§ 28. В вопросе о наказаниях, как дома, так и в школе, греки не сильно отличаются от нас. В греческой литературе нет таких красноречивых протестов против телесных наказаний, какие мы находим у Сенеки и Квинтилиана. Все они признают их пользу и справедливость и лишь предостерегают от применения подневольных наказаний к свободным мальчикам. Действительно, многие более поздние авторы, такие как Лукиан, отмечают суровость школьных учителей; среди помпейских картин мы находим сцену порки мальчиком, которого мастер взваливает на плечи другому, а третий держит его за пятки. Эти свидетельства, а также свидетельства более поздних римлян о звуках горя, распространенных в школах, не

следует переоценивать. Вероятно, это исключительные случаи, выставленные напоказ в сатирических целях, и они не подразумевают особой дикости греческих учителей по сравнению с современными.

Наверняка греческий школьный учитель был не более суров, чем учителя низших классов во многих начальных школах, как, например, ирландские школьные учителя-хеджи, описанные в "Рассказах об ирландском крестьянстве" Карлетона.

К сожалению, греческий школьный учитель, по крайней мере в начальных школах, обычно не пользовался высокой репутацией, очевидно, не получал высокой зарплаты, и его призвание не было таким, чтобы обеспечить ему достоинство или самоуважение. Его обвиняли в педантизме, если он был действительно учен, и в дурном нраве, если он был усерден и нетерпим к безделью[22].

Лукиан, в шутовском описании неземного мира, описывает царей и сатрапов как нищих или "начальных" школьных учителей и лишь переносит в художественную литературу пресловутое падение тирана Дионисия Сиракузского, который провел старость, обучая детей в Коринфе. Неизвестный комический писатель сказал: "Этот человек либо мертв, либо учит азбуку". Мы слышим, как философы обвиняют друг друга - весьма нелепо - в том, что они когда-то занимались этой профессией; и каждый ученый помнит знаменитый отрывок из "De Sogona" Демосфена: "Но ты, достойный человек, презирающий других по сравнению с собой, теперь сравни с моим свой собственный жребий, который обрек тебя расти с детства в величайшей нужде, когда ты помогал своему отцу в школе, готовил чернила, чистил скамейки, подметал школьную комнату, и таким образом принял звание раба, а не свободного мальчика". Мы даже слышим о том, что хозяин Горация, Орбилий, написал плачевную автобиографию о своих страданиях под названием "*Человек, знакомый с горем*" (περιαλγής).

§ 29. Общий вопрос об оплате учителей будет лучше рассмотрен, когда мы перейдем к обучению софистов более зрелой молодежи. В самом деле, что касается всего значения различных нападков на порядок преподавания в Греции, то Грасбергер завершает свое подробное изложение вышеприведенных и многих других фактов разумным замечанием:[23] "Что касается неприятных и предосудительных черт, которые люди, кажется, фиксируют с особым предпочтением, то истинное положение дел может быть таким же, как и в случае многочисленных скандалов, о которых сообщается из жизни средневековых университетов в Европе. Зло не преобладало; но летописец, вместо того чтобы выдвигать на первый план скромные добродетели усердия и научной серьезности, предпочитал отмечать как недостатки преподавателей, так и грубые излишества студентов".

Мы можем быть уверены, что в греческих начальных школах, хотя иногда мы слышим об одном помощнике, учитель должен был преподавать все предметы. Так было не так давно в Англии и еще больше в Ирландии, где школьные учителя-хеджи, недавно вытесненные национальной школьной системой (не без значительных потерь), должны были и могли преподавать классику, математику и старомодный английский язык. Это, несомненно, заложено во всех многочисленных завещаниях благочестивых благотворителей, которые оставляют сорок или шестьдесят фунтов в год для оплаты услуг одного мастера, содержащего школу в каком-нибудь отдаленном уголке страны. И в Афинах, как и во времена этих завещаний, не существовало официальной или государственной проверки квалификации мастера. Каждый занимался своим делом; от его репутации зависело, будет ли его школа хорошо посещаться. Достойный педант из "Опустевшей деревни" Голдсмита дает нам пример лучшего класса таких людей.

ССЫЛКИ:

[18] P. 325 C. Ср. также "Axiochus", p. 366 E: ὁπότεν δὲ εἰς τὴν ἑπταετίαν ἀφίκηται [τὸ νήπιον] πολλοὺς πόνους διαντλήσαν, παιδαγωγοὶ καὶ γραμματισταὶ καὶ παιδοτρίβαι τυραννοῦντες, κ.τ.λ.

[19] 961 sq:

λέξω τοίνυν τὴν ἀρχαίαν παιδείαν, ὥς διέκειτο,
ὅτ' ἐγὼ τὰ δίκαια λέγων ἦνθουν καὶ σωφροσύνη νενόμιστο.
πρῶτον μὲν ἔδει παιδὸς φωνὴν γρύξαντος μηδέν' ἀκοῦσαι-
εἴτα βαδίζειν ἐν ταῖ σιν ὁδοῖς εὐτάκτως εἰς κιθαριστοῦ
τοὺς κωμήτας γυμνοὺς ἀθρόους, κεῖ κριμνώδη κατανίφοι.
εἴτ' αὖ προμαθεῖν ᾄσμι' ἐδίδασκεν, τῷ μηρῷ μὴ ξυνέχοντας,
ἢ Παλλάδα περσέπολιν δεινάν, ἢ Τηλέπορόν τι βόαμα,
ἐντειναμένους τὴν ἀρμονίαν, ἣν οἱ πατέρες παρέδωκαν.
εἰ δέ τις αὐτῶν βωμολοχεύσαιτ' ἢ κάμψειέν τινα καμπήν,
οἷας οἱ νῦν τὰς κατὰ Φρυγίαν ταύτας τὰς δυσκολοκάμπτους,
ἀπετρίβετο τυπτόμενος πολλὰς ὥς τὰς Μούσας ἀφανίζων.
ἐν παιδοτρίβου δὲ καθίζοντας τὸν μηρὸν ἔδει προβαλέσθαι
τοὺς παῖδας, ὅπως τοῖς ἐξωθεν μηδὲν δείξειαν ἀπηνέες-
εἴτ' αὖ πάλιν αὖθις ἀνιστάμενον συμψῆσαι, καὶ προνοεῖσθαι
εἶδωλον τοῖς ἐρασταῖσιν τῆς ἥβης μὴ καταλείπειν.
ἠλείψατο δ' ἂν τοῦμφαλοῦ οὐδεὶς παῖς ὑπένερθεν τότε ἂν, ὥστε
τοῖς αἰδοίοισι δρόσος καὶ χνοῦς ὥσπερ μήλοισιν ἐπήνθει-
οὐδ' ἂν μαλακὴν φυρασάμενος τὴν φωνὴν πρὸς τὸν ἐραστὴν
αὐτὸς ἑαυτὸν προαγωγεύων τοῖς ὀφθαλμοῖς ἐβάδιζεν,
οὐδ' ἂν ἐλέσθαι δειπνοῦντ' ἐξῆν κεφάλαιον τῆς ῥαφανίδος,
οὐδ' ἄννηθον τῶν πρεσβυτέρων ἀρπάζειν οὐδὲ σέλινον,
οὐδ' ὀψοφαγεῖν, οὐδὲ κιχλίζειν, οὐδ' ἴσχειν τὴν πόδ' ἐναλλάξ. κ.τ.λ.

[20] Два или три рассказа о спартанских матерях у Плутарха являются запоздалыми и неважными исключениями.

[21] v. 1444 sq.

[22] Ср. забавные заметки в письмах Цицерона о частном воспитателе, которого он нанял для своего сына и племянника, vi. 1, 9: "Я влюблен в Дионисия. Мальчики говорят, что он впадает в неистовые страсти. Но ни один человек не может быть более ученым, более

добросовестным (*sanctior*) и более преданным тебе и мне". Вскоре тон Цицерона меняется, viii. 4: "Дионисий придал мне дерзости: ты бы сказал, что я приобрел другого Дикеарха или Аристоксена, а не человека, который всех нас перессорил и не годится для обучения. Но у него хорошая память".

[23] ii. p. 189.

ГЛАВА V.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПОБОЧНЫЕ ШКОЛЫ И ИХ НАЗНАЧЕНИЕ.

§ 30. Школы обычно отличались термином διδασκαλεῖον [24] от палестры. Мы знаем, что в каждом греческом городе была одна или несколько школ, и в ранние времена Геродот [25] упоминает одну, существовавшую на Хиосе еще в 500 г. до н. э., в которой обрушилась крыша и убила сто девятнадцать из ста двадцати детей, занимавшихся в ней в то время. Павсаний рассказывает о другой в Астипалее, в которую ворвался безумец и снес опорный столб, так что шестьдесят мальчиков оказались погребены под руинами. Печальный случай в Микалессе, о котором рассказывает Фукидид, вызывает у него самую неграмматичную гримасу жалости, когда фракийские наемники убили всех детей, собравшихся в школе. Эти случаи показывают, что школа, очевидно, считалась необходимым элементом в каждом городе. Так, тризенцы, принимая беглых афинян во время нашествия Ксеркса, позаботились о том, чтобы даже в этот великий и внезапный кризис обеспечить обучение аттических детей. [26] Конечно, в ранние времена и в бедных городах место для обучения не было хорошо оборудовано; более того, во многих местах обучение проходило под открытым небом. В древнейших легендах говорится о Хейроне, который учил в своем гроте на Пелионе; в позднейших греческих языках χαῖριδιδασκαλός (*учитель на земле*) - это слово, обозначающее низший класс учителей. Это опять-таки было похоже на старые хедж-школы Ирландии и, несомненно, Шотландии. Они также пользовались, особенно в жаркую погоду, колоннадами или тенистыми уголками среди общественных зданий; так, в Винчестере летний семестр назывался "*временем монастыря*" (*cloister-time*), что объясняется подобной практикой обучения в монастырях даже в этом богатом фонде.

С другой стороны, правильно устроенные школы в респектабельных городах были обставлены с определенным вкусом и в соответствии с традиционными представлениями. Как в гимназиях и палестрах было святилище Муз или Гермеса, а глава учебного заведения считался жрецом этого святилища, которому приносились жертвы, так и в школах устанавливались статуи богов-покровителей, бюсты героев и других выдающихся людей, как для украшения, так и для напоминания мальчикам.

Мы слышали, что учитель сидел на высоком сиденье, с которого он преподавал; ученики часто сидели на земле, как и сейчас во многих странах, или же стояли или занимали скамейки вокруг него. Сохранившиеся изображения и описания не указывают на то, что школы были так переполнены, как это следует из вышеупомянутых происшествий; но это, вероятно, случайность или упущение, сделанное для удобства художника. Ведь хотя законы, приведенные в речи Эсхина, запрещают присутствие кого-либо, кроме учителя и мальчиков, мы знаем, что в более поздние времена это не соблюдалось строго, и в "Характерах" Теофраста Болтун, среди прочих ошибок такта, представлен входящим в школы и

прерывающим уроки своими пустыми разговорами. Мы можем быть уверены, что в греческих домах не было ни столов, ни парт - такая мебель была необычной ; по всеобщему обычаю, когда читали или писали, книгу или свиток держали на коленях - неудобная вещь для нас, но все еще распространенная на Востоке.

Есть несколько интересных предложений, приведенных для упражнения в греческом и латинском языках, в малоизвестном "Interpretamenta" Досифея, ныне отредактированном и объясненным немецкими учеными. Вступление мальчика в школу описывается параллельно на греческом и латыни: "Сначала я приветствую хозяина, который возвращает мне приветствие: доброе утро, хозяин; доброе утро, товарищи по школе. Дайте мне мое место, мое место, мой табурет. Садитесь ближе. Подвиньтесь туда. Это мое место, я занял его первым". Эта смесь вежливости и перепалки забавна и, несомненно, встречается во все века. Похоже, что сиденья были подвижными. В схолии о Эсхинесе говорится, что рядом находился запас воды, чтобы мальчики не страдали от жажды.

На сохранившихся рисунках видно, что вдоль стен были развешаны различные сосуды, назначение которых не всегда понятно. Но мы можем четко различить необходимый инвентарь для обучения чтению и письму, ящики для книжных свитков, доски для письма, счетные доски с параллельными желобками и закрепленными в них камешками, геометрические фигуры, футляры для флейт и лиры. Есть также поздние свидетельства того, что существовали доски объявлений, на которых вывешивались предписания. От Лукиана мы слышим о том, что над дверью софиста висело объявление: "В этот день никакой философии". Доска объявлений называлась "белой доской", поскольку была покрыта мелом. Нам не говорят, как на ней писали; но если земля была черной, то простое письмо пальцем по меловой поверхности давало отчетливые знаки.

§ 31. Гораздо интереснее обнаруженный сейчас остаток живописного обучения детей, когда в школьном классе вывешивались иллюстрации троянских и других легенд. Благодаря исследованиям Бёттигера и О. Яна[27] выяснилось, что фрагменты такой таблицы сохранились в *tabula Iliaca* Теодора, хранящейся в Капитолийском музее в Риме. Это были большие изображения, расположенные в ряд, к которым прилагались имена или пояснения. Так, на одной картине (из "Илиады" А) Хрис молит Агамемнона вернуть ему дочь, рядом с ним - повозка, груженная выкупом, а под каждой фигурой и под повозкой соответственно - *Агамемнон, Хрис, выкуп*. Другие сохранившиеся рисунки иллюстрируют третью и двадцать четвертую книги "Илиады". Аналогичным образом была обработана и "Одиссея", так что, похоже, существовал традиционный и широко распространенный живописный сборник гомеровских поэм, который использовался, во всяком случае, в поздних греческих и римских школах. Сохранились также хронологические и исторические фрагменты того же рода, так что более чем вероятно, что и в классические времена греческие мальчики не обходились без иллюстрированных школьных книг или, по крайней мере, школьных листов, о чем свидетельствует элегический дистих на обороте одного из них.[28] Использование этих изображений на стенах объясняет постоянное появление длинной палочки в руке учителя, что более характерно для него, чем жезл для наказания, хотя и он не пропадал.

ПРЕДМЕТЫ И МЕТОД ВОСПИТАНИЯ - ТРИ "Р".

§ 32. Обычно образование делилось на три части: *буквы* (ὑράματα), включая чтение, письмо, счет, и изучение поэтов; *музыка* в более строгом смысле, включая пение и игру на лире; и, наконец, *гимнастика*, которая включала танцы. Все это находилось под особым

руководством трех классов мастеров: *грамматиков* (следует отличать от *γραμματικός*, употребляемого в более высоком смысле), *кифаристов* и *педотрибов*. Говорят, что в Спарте обучение чтению и письму не считалось необходимым, и среди ученых долгое время велись дискуссии о том, умел ли читать обычный спартанец в классические времена. К трем вышеперечисленным предметам Аристотель добавляет четвертый - рисование, которое он считает необходимым, как и музыку, чтобы образованный человек мог правильно судить о произведениях искусства. Но нет никаких свидетельств широкого распространения рисунка или живописи среди греков, как среди нас; то же самое можно сказать и о плавании с гимнастической стороны, хотя часто цитируемая пословица *μηδὲ νεῖν μηδὲ γράμματα* - он не умеет ни плавать, ни читать - заставила ученых утверждать, что плавание было общеизвестно, по крайней мере, в Афинах.

Позднее, под влиянием Александрии и платной профессуры римских времен, предметы умножились с уменьшением умственной силы и спонтанности эпохи, и детей стали донимать, как и сейчас, множеством предметов, все из которых считались необходимыми для правильного образования, и, соответственно, все были несовершенно усвоены. Это называлось *энциклическим образованием*, которое сохранилось в нашей *энциклопедии* знаний. Оно включало в себя (1) грамматику, (2) риторику, (3) диалектику, (4) арифметику, (5) музыку, (6) геометрию, (7) астрономию, которые делились на ранний *тривиум* и более поздний *квадривиум*. Но, к счастью, эта деградация классического образования выходит далеко за рамки нашей темы.

§ 33. Мальчики очень рано отправлялись в школу, посещали свою педагогу и, судя по всему, возвращались к позднему завтраку. На основании римского обычая мы можем заключить, хотя у нас нет положительных доказательств, что послеобеденное время посвящалось отдыху или легким гимнастическим упражнениям. Поздние теоретики много говорят о перерывах и разнообразии в учебе; но хотя мы знаем, что было много отдельных праздников, мы не слышим о периоде отдыха для хозяев и мальчиков, который должен был быть в римские собачьи дни. Есть что-то гуманное и трогательное в предсмертном завещании Анаксагора, который подарил своему родному городу, Клазоменам, недвижимость с условием, что годовщина его смерти будет отмечаться как общий школьный праздник. Существовали также специальные дни школьных праздников, такие как *Гермения* и *Мусея*, столь изящно описанные в начале "Лисия" Платона.

§ 34. Судя по тому, что мы знаем об обучении алфавиту, о котором говорится в "Кратиле" Платона и которое описывает Дионисий (ритор), иллюстрируя красноречие Демосфена, оно велось не аналитическим, а синтетическим способом. Детей не учили сначала словам, а потом их анализу, а начинали с отдельных букв, затем изучали их простейшие сочетания и так далее. И вряд ли этот метод когда-нибудь будет вытеснен другим, по крайней мере, в случае с глупыми детьми. Но мы слышим об одной любопытной попытке сделать алфавит приятным для изучения в так называемой *грамматической трагедии* Каллиаса, написанной около 400 года до н. э. Это было время, когда (при архонте Эвклиде) был введен более новый ионический алфавит из двадцати четырех букв и, очевидно, предписано использовать его в школах. Труд Каллиаса, соответственно, представлял собой поэтическую книгу типа А В С, в которой отдельные буквы поочередно произносили пролог. Хоровые партии, по-видимому, представляли собой рефрены, в которых отрабатывались более простые сочетания гласных с каждой согласной. Семь гласных также были представлены перед школьным учителем в качестве женских персонажей. Но большего мы не знаем, и вполне вероятно, что книга была названа *трагедией* только по ее внешней форме, а не по какому-либо сюжету.^[29] Использование мнемонических стихов для помощи детям было, несомненно, столь же

древним, как и образование; но мы были бы рады узнать, какому делению букв следовал Каллий; ведь до времен софистов не было надлежащего анализа алфавита, и именно им мы обязаны такими исследованиями, как "Кратилус" Платона, который, несмотря на то, что хорошо знаком с алфавитом, удивительно детский в том, что касается этимологии. Тем не менее, популярные знания 400 года до н.э., должно быть, сильно отставали от "Кратила".

От изучения букв ребенок переходил к изучению *слов*, и мы видим, что *слоговое письмо* обычно использовалось греками для начального обучения чтению. Но хотя греческий ребенок не страдал, подобно английским детям, от абсурдных головоломок совершенно нерационального написания; хотя он имел достаточную гарантию того, что отдельные буквы воспроизводят звучание всего слова, на его пути были и другие трудности. Он не должен был, конечно, обременять свою память звуками, которые должны быть прикреплены к таким символам, как *though* и *tough*, *plague* и *ague*, но, с другой стороны, он должен был с особой тщательностью изучать разделение слов - интерференцию, а также пунктуацию и ударение. Акцент, как и тонкое использование многочисленных частиц, давались и могли быть даны только знакомством с греческим как родным языком. Как отмечает Аристотель, иностранца, как бы хорошо он ни говорил по-гречески, всегда можно было узнать по использованию частиц. Несколько лет назад я слышал, как Эрнест Ренан сделал такое же замечание о французском языке иностранцев. Но в классические времена ударения даже не писались, а слова не разделялись, как и клаузы не выделялись стопами. Поэтому трудности чтения значительно возрастали, в чем каждый может убедиться, взяв в руки средневековый греческий MS. Там, правда, акценты служат ориентиром, но даже с ними разделение слов представляет собой трудность и приводит к бесконечным ошибкам в наших печатных текстах. Мы также знаем, что греки уделяли особое внимание мелодичному интонированию и ритмическому балансу клаузул даже в прозе: все это дает *грамматисту* широкие возможности для терпения. В ранние времена упоминается даже специальный учитель - *φωνασκός*, регулирующий и тренирующий певческий голос детей. Действительно, мы удивляемся общему предположению воспитателей, что каждый из них обладал и природным голосом, и слухом[30].

Таким образом, чтение вслух и декламация великих поэтов достигали двойной цели: школьника учили точному произношению и ритмичному чтению; в то же время он знакомился с избранными отрывками из произведений лучших мастеров древней литературы. Я уже говорил о Гомере; но лирические поэты, такие как Тиртеус, и гномики, такие как Феогнис, также были широко распространены в школе. Действительно, не мало примечательно, что многие из этих старых поэтов сами назывались школьными учителями. Такое школьное использование породило *хрестоматии*, или подборки подходящих отрывков; и есть много критиков, которые считают, что наши современные тексты Феогниса представляют собой такую подборку. "Золотые стихи" Пифагора, многочисленные сборники пословиц или *ὑποθήκαι* указывают на ту же практику. Письменные книги были еще скудны, библиотеки очень редки, и поэтому обучение мальчика проходило под диктовку и в разговорах, чем в наше время. Несомненно, это делало их менее образованными, но более умными и подготовленными, чем мы; и даже в дни упадка эллинской культуры можно найти жалобы на увеличение количества книг, на жажду много читать и изучать различные предметы[31]. Нам рассказывают, что в Спарте и на Крите все дети заучивали гимны богам и метрические изложения законов, которые пели на установленные мелодии; и это (если это факт) справедливо называли как политическим, так и религиозным катехизисом.

§ 35. В истории эллинизма упоминания об изучении иностранных языков встречаются очень поздно. Даже в широких исследованиях, проводимых в Александрии, никогда не

упоминается систематический курс изучения языков; и люди все еще прибегали к помощи тех, кто родился в смешанных браках или по какой-то другой случайности был вынужден овладеть вторым языком. Существует множество любопытных свидетельств того, что греки, будучи действительно плохими лингвистами, с большим трудом овладевали латинским языком, даже когда он стал языком правителей мира.[32] Страбон[33] отмечает, что всякий раз, когда исторические трактаты составлялись на иностранных языках, они были недоступны грекам, а римляне лишь частично и несовершенно копировали то, что говорили греки - замечание, которое сегодня можно было бы с сарказмом применить к отношениям немецкой и английской филологии. Эта греческая неспособность к изучению иностранных языков или презрение к ним напоминает нам о современных французах, чей язык до недавнего времени занимал в Европе то место, которое греческий занимал в Римской империи, когда каждый уважаемый человек знал греческий и когда сенат мог принимать иностранных послов и разговаривать с ними на греческом языке.[34] Выше мы уже отмечали опасность того, что дети могли так рано и исключительно изучать греческий язык, чтобы говорить на родном языке с иностранным акцентом - положение вещей, которым римляне сильно возмущались в своих правителях, и в этом отношении они сильно отличались от современных англичан. Таким образом, римляне получили то, что упустили греки, - возможность изучать грамматику по формам иностранного языка[35].

§ 36. Когда дети переходили к письму, мы не должны представлять себе, что они пользовались чернилами и бумагой, которые были слишком дороги. Вместо грифельной доски они использовали дощечки, покрытые воском, на которых заостренным стилусом проводили четкую линию, которую можно было снова разгладить плоским обратным концом. На дощечках были нарисованы двойные линии, и мастер писал слова, чтобы мальчики их копировали. Нам рассказывают, что иногда он держал руки новичков при формировании букв. Квинтилиан предлагает вырезать буквы в деревянной дощечке, чтобы ребенок мог следить за ними, не держа за руку; именно таким образом остготский Теодорих смог подписать свое имя, проткнув металлическую пластину, которую он затем положил на бумагу и вывел буквы по трафарету. На стенах Помпеи сохранилось множество каракулей мальчиков, очевидно, повторявших свои школьные упражнения; а в Египте была найдена гробница с набором восковых табличек, содержащих одни и те же стихи Менандра; но одна из них - образец, остальные - копии, отличающиеся по качеству, а над некоторыми из них - одобрительный суд усердных (φιλοπόνως). Этот любопытный набор реликвий, хранящийся у доктора Эббота из Нью-Йорка, очевидно, является школьной мебелью мастера, похороненного вместе с ним.

§ 37. Нет никаких оснований думать, что средний грек достигал чего-то похожего на ту беглость письма, которую мы сейчас считаем необходимой. Платон[36] говорит, что писать или читать нужно только уметь; быстро и изящно писать не следует пытаться в рамках обычного образования, за исключением редких случаев и при наличии особых природных дарований. Действительно, поскольку рабы выполняли всю копировальную работу, а изданные книги всегда писались их почерком, возможно, существовало то же предубеждение против очень хорошей, четкой руки, которое многие люди сегодня испытывают по отношению к *офисной руке*. В Афинах был специальный чиновник, γραμματεὺς, для составления или руководства составлением государственных документов; также был ὑπογραφεὺς, секретарь для ведения протоколов (ὑπογράφουσαι) на общественных собраниях. Помимо формального письма отдельными заглавными буквами, которое мы имеем на многих надписях и которому, вероятно, обучали детей, существовала и скоропись, которую мы видим в греческих папирусах II века до н. э., найденных в Египте. В более поздних рукописях мы находим даже обычную стенографию, чрезвычайно трудную для

расшифровки.[37] Линии рисовались, особенно на воске, маленьким кусочком свинца в форме монеты (μόλυβδος), а само рисование линий, по-видимому, называлось παραγράφειν. Вместо острого металлического или костяного стилуса на папирусе или пергаменте чернилами писали тростником (κάλαμος), подобно нашим ручкам. Квинтилиан предпочитает воск и стилограф, потому что постоянное макание в чернила отвлекает и мешает думать - любопытное возражение, которое стоит процитировать, чтобы показать разницу между его эпохой и нашей. Но когда новый стилограф будет использоваться в течение некоторого времени, мы, несомненно, найдем людей, утверждающих это относительно старомодного пера и чернил.

§ 38. Школьный комментарий, или объяснение стихов или другой литературы, выписанных таким образом, был, вероятно, довольно элементарным. Грамматику начали понимать только софисты, и мы имеем образцы упражнений по употреблению артикля и по вопросу о роде в очень комичном диалоге в "Облаках" Аристофана, где ученик новой школы высмеивает невежество старого Стрепсиада. Вероятно, работа Протагора о правильном использовании языка (ὀρθοέπεια) послужила большим стимулом для развития этой отрасли образования. Но мы не можем утверждать, что эти исследования родного языка, которые делают наше использование его более осознанным, чем раньше, оказали лучшее влияние на написание прозы или на разговорную речь, чем параллельные исследования английского языка, которые в последние годы вторглись или заразили все наши школы. Воспитание и естественная утонченность кажутся естественными (и, вероятно, единственными) защитниками родного языка в его обычном использовании, и даже существует большая опасность, что сознательный анализ идиом может изгнать из письменного языка многие ценные и характерные обороты, которые основаны на более тонких приличиях, чем школьная логика. К счастью, местные диалекты обладают большой силой сопротивления. Крестьянин из Уорика или Голуэя будет говорить со своим акцентом и даже использовать свои идиомы, несмотря на все обязательное преподавание английской грамматики в школах; но сведение всего письменного английского к единому стандарту (как в орфографии, так и в идиомах) подобно сведению всего письменного греческого к *общему диалекту* - очень большая потеря и ущерб[38].

§ 39. Мы переходим к преподаванию элементарных наук. Геометрия все еще оставалась продвинутой наукой, и, хотя греки высоко ценили ее как одну из самых изящных и совершенных, в школах она, по-видимому, не преподавалась. Арифметика рассматривалась либо как абстрактная наука о числах (ἀριθμητική), и как одна из самых сложных наук, либо как искусство счета (λογιστική), которое должно применяться в обычных жизненных делах. Меркантильные греки, как афиняне и ионийцы, среди которых банковское дело было хорошо развито, должно быть, рано обнаружили в этом необходимость; но даже в греческом искусстве архитектурное совершенство было достигнуто очень тонким и явно осознанным применением арифметических пропорций. Впервые это было показано в точных измерениях Парфенона Пенроузом и, несомненно, раскрыто в трактате, написанном об этом здании его архитектором Иктином. В великом храме Зевса в Олимпии использование кратных 7 и 5 было показано американским ученым настолько любопытно, что он заподозрил применение пифагорейской символики архитектором Либоном. Но, конечно, это была ἀριθμητική в строгом смысле слова, и мы упоминаем о ней только для того, чтобы показать, как греки должны были оценить значение науки о числах. Обычных школьников учили сложению, вычитанию, умножению и делению, как и сейчас, но без использования нашей замечательной системы счисления.

Начиная с естественного представления о пальцах - представление, сохранившееся в последующей истории в таких словах, как περτάζεσθαι (буквально, *считать пятерками*, но используется для счета вообще) - греки изображали числа прямыми штрихами, но вскоре заменили ||||| либо грубым изображением руки, V (как мы видим в римских цифрах), и сделали два таких символа, соединенных вместе для обозначения 10 (X), или же более высокие числа обозначались первой буквой их названия - т.е., М и С, на латыни *mille* и *centum*. Так и в греческом языке: Χ (χίλιοι), Μ (μυριοί) и т. д. Меньшие числа при обычном счете представлялись пальцами руки, не просто как *цифры* (слово, наводящее на размышления, само по себе пережившее процесс), но, в зависимости от того, как они были согнуты или расположены, пальцы представляли кратные 5, и этого было достаточно для обычных сумм. Аристофан даже противопоставляет[39] этот вид счета, как более ясный и понятный, счету на абакусе, или арифметической доске, которая до сих пор сохранилась в наших шариковых рамах. Нам говорят, что пальцев было достаточно, чтобы выразить все цифры вплоть до тысяч, что, конечно, странно для нас; но и пальцевые знаки, и абакус не справились с великим изобретением, которое мы получили от арабских цифр, - введением символа 0. Абак, использовавшийся в греческих школах, имел несколько прямых борозд, в которые устанавливались камешки или пробки, а слева было специальное деление, где каждая единица означала 5. Таким образом, число 648 (DCXXXVIII) представлялось следующим образом:

					Μ
ο	ο				Σ
	ο	ο	ο	ο	Χ
ο	ο	ο	ο		

Этот абакус приписывают Пифагору, но, по всей вероятности, он был более древним и происходил из Египта, где элементарная наука преподавалась очень хорошо и широко с самых ранних времен. Когда начальные буквы использовались для обозначения чисел, как Π

для πέντε и Δ для δέκα, такие комбинации, как ΠΔ, означали 50. Наконец, мы находим в наших MSS. систему использования букв алфавита для чисел, сохраняя ζ (ἑπίσημον) для 6, и таким образом достигая 10 с ι, переходя к десяткам через κ (20), λ (30) и т.д., κ ρ (100), σ (200), и для 900 используя Ϡ. Не следует путать это обозначение с обозначением двадцати четырех книг гомеровского эпоса простыми буквами алфавита.

Более подробные сведения о технических терминах для арифметических операций и о том, какую сумму следует приписать народу, использующему столь неуклюжие обозначения, следует искать в признанных справочниках древности[40].

Что касается геометрии, то мы можем сказать только то, что во времена Платона и Аристотеля оба эти философа признают не только ее необычайную ценность в качестве

умственной тренировки, но и то, что ей можно обучать юношей, еще не готовых к политическим и метафизическим занятиям.

§ 40. Разобравшись таким образом с суровой стороной школьного образования, мы обратимся к художественной стороне, очень важной для греков и наводящей нас на многие поучительные мысли.

ССЫЛКИ

[24] Διδασκάλιον - то, чему учат.

[25] vi. 27.

[26] Греческая форма нашего слова "школа", хотя и была общеупотребительной, означала досуг, и только после применения к неторопливым беседам философов перешла в свой новый, противоположный смысл. Некоторое затруднение вызывает слово παιδαγωγεῖον, которое некоторые считают залом ожидания для рабов педагога - как это ни странно. Скорее всего, это просто синоним школьной комнаты.

[27] Grasberger, ii. 224.

[28]

[ὦ φίλε παῖ] Θεωδώραρον μάθε τάξιν Ὀμήρου

ὄφρα δαεῖς πάσης μέτρον ἔχης σοφίας.

[29] Все наши доказательства и все возможные предположения по этому поводу можно найти в "Kleine Schriften" Велькера, vol. i. p. 371 sq.

[30] Это предположение, возможно, едва ли покажется удивительным, поскольку оно все еще преобладает среди английской публики в отношении девушек. Соответственно, огромное количество времени и мозговых сил тратится впустую в попытках заставить их играть и петь, хотя природа в большинстве случаев этого категорически не допускает.

[31] Возражения элеатов и платоников против моральной стороны Гомера и других эпических поэтов будут обсуждаться в связи с философскими попытками реформ в высшем образовании.

[32] Плутарх ("Жизнь Демосф.", 2) сетует на свою неспособность овладеть латынью и на трудности, которые она представляет, когда не приобретена очень рано.

[33] iii. 4, 19.

[34] Вплоть до миссии Карнеада и его товарищей (155 г. до н. э.) переводчик был необходим.

[35] Это, на мой взгляд, очень важный момент, и я не знаю, как наше обучение мальчиков строгой и четкой латинской грамматике может быть адекватно обеспечено какими-либо другими средствами, хотя мне возражает один большой и признанный авторитет - мистер Тринг, который считает, что мальчики должны изучать логику грамматики через английский анализ.

[36] "Законы", 810 - если "Законы" действительно принадлежат Платону.

[37] Ср. образцы Ваттенбаха в его табличках греческих MSS.

[38] Если бы у нас была фонетическая орфография, наши диалекты сохранились бы, как сохранились различные греческие диалекты или как сохранились итальянские, и таким образом история нашего языка в наши дни могла бы стать доступной для нас и наших потомков. Пока же мы скрываем от всех исследователей этот интереснейший предмет - вариативность произношения - с помощью нашего абсурдного искусственного написания, и мы изгоняем местные идиомы, накладывая на них клеймо вульгарности. Последнее является естественным и правильным следствием наличия классических образцов. Но если бы мы обладали более древними диалектами в фонетическом написании, наш стандарт был бы расширен, как у греков, и включал бы важные провинциальные разновидности.

[39] "Осы", 656 sq.

[40] Это обычные термины: сложение = συντιθέναι, простиθέναι; вычитание = ἀφαίρειν, ὑπεξαίρειν, лат. *deducere*; умножение = πολλαπλασιάζειν, а факторы πλεуρά, геометрическое понятие, как во второй книге Евклида; деление = μερίζειν: общего слова для обозначения *коэффициента* не найдено.

ГЛАВА VI.

ПРЕДМЕТЫ И МЕТОД ОБУЧЕНИЯ - РИСОВАНИЕ И МУЗЫКА.

§ 41. Вероятно, большинство писателей о греческом образовании преувеличивали значение и распространение рисования как обычного школьного предмета. Даже во времена Аристотеля оно было признано лишь некоторыми людьми, вероятно, теоретиками;[41] а Плиний говорит нам, что именно Памфил, учитель Апеллеса, впервые ввел его в Сикионе, откуда оно распространилось по всей Греции. В совокупности эти сведения указывают на то, что до времен Александра он не был распространен. Но теоретики признали его использование и важность раньше, во-первых, для критических целей, чтобы люди могли лучше судить и оценивать произведения искусства; во-вторых, для того эстетского эффекта, о котором мы так забыли, - бессознательного формирования ума к красоте путем внимательного и точного изучения прекрасных форм.

Обычное слово ζωγραφία для обозначения живописи и ζωγράφος для обозначения мастера рисования наводит нас на мысль, что *рисование фигур* было ранней и главной отраслью искусства, известной и преподаваемой. С древнейших времен грубые фигуры процарапывались и раскрашивались на вазах, и число художников по вазам в исторической Греции, должно быть, было столь значительным, чтобы распространить некоторое общее чувство к этому искусству, хотя мы не слышим о любительской росписи ваз, такой, как в моде среди дам нашего времени. С другой стороны, пейзажная живопись появилась поздно и была очень несовершенна. Скульптура, даже полихроматическая, не так сильно ощущала ее отсутствие. Благодаря старой греческой привычке олицетворять природу и выражать каждую гору и реку через ее богов-покровителей, мы находим в больших фронтовых скульптурах лучшей эпохи то любопытное изображение пейзажа его богами-покровителями, спокойно и бессознательно наблюдающими за действиями главных фигур, которое, возможно, является наиболее характерной чертой всего греческого искусства. Так, местные реки, Алфей и Кладеус, изображены лежащими на концах большого восточного фронтона

храма в Олимпии, наблюдающими за боем Пелопса и *Сенотаус* с не более выраженным чувством, чем это было бы заметно в пейзаже, который они представляют.

Первые эскизы пейзажа, кроме того, представляли собой не скалы и деревья, не дикую природу, которую греки никогда не любили, а здания и искусственные площадки, с регулярными линиями и определенным дизайном. Первая попытка была предпринята для удовлетворения требований театра, и тот факт, что живопись сцены и живопись теней (или перспектива) использовались как синонимы, показывает истинность сообщения о том, что Аполлодор (ок. 400 г. до н. э.) впервые открыл искусство изображать прямые линии здания в глубину, отступив от той *орфографии* в геометрическом рисунке, которая практиковалась до сих пор.

Если судить по многочисленным наброскам такого рода пригородных пейзажей, сохранившимся на помпейских стенах, правильное знание перспективы не было распространено даже в более поздние времена среди обычных художников, чья фигурная живопись на этих стенах во всех отношениях значительно превосходит их. С другой стороны, роспись даже на вазах лучшей эпохи настолько условна, что мы не можем поверить, что греческих мальчиков учили рисовать фигуры с надлежащим знанием живых или круглых моделей, и должны предположить, что уроки рисования были в основном по геометрическим проектам.

Согласно Илиану, в Афинах, а значит, предположительно и в школах, когда Алкивиад был молодым человеком, имелись карты греческого мира; но это единичное замечание, подкрепленное одной или двумя ссылками в Аристофане, не следует преувеличивать. Путаница между терминами для рисования и для письма возникает из-за использования одних и тех же материалов в обоих случаях - как если бы мы пользовались карандашами только при обучении письму. Тот же самый стилус (*γραφίς*), который использовался для письма на восковых табличках, использовался для рисования контуров на них же; и самым ранним обучением рисованию, если мы можем доверять утверждению Беттигера, было копирование контуров моделей, предложенных мастером.^[42] После достижения твердости практиковалась тонкость контуров, и в конечном итоге - тонкая краска, которая использовалась для рисования черных и красных контуров на белых табличках или белых на черных.

§ 42. Хотя распространение рисунка было поздним и сомнительным, с музыкой в ее строгом смысле этого слова дело обстояло иначе. Ведь ее значение было таково, что она стала синонимом культуры в целом, и в некоторых случаях мы сомневаемся, говорят ли греческие авторы в этом широком или более узком смысле. Но именно с музыки все они должны были бы начать, поскольку в ней заложена центральная идея образования.

Вот одна из особенностей, в которой греческая жизнь настолько отличается от нашей, что понять ее крайне сложно. Когда современные педагоги вводят музыку в досуг мальчиков и говорят, что она оказывает важное влияние на их очеловечивание, хотя в этом они могут приближаться к языку греческих социальных реформаторов и государственных деятелей, они имеют в виду нечто совершенно иное. Современные люди имеют в виду не что иное (я полагаю), как то, что занятия музыкой - это гуманное и цивилизующее занятие, которое приводит мальчиков в компанию их сестер и подруг, отвлекает их от грубых и вредных занятий и таким образом косвенно делает их более мягкими и безобидными мужчинами. Именно как невинный и социальный источник развлечений рекомендуется сейчас музыка. Давайте отбросим гораздо более низкое и слишком часто вульгарное давление на девочек, чтобы они учились играть или петь, независимо от того, нравится им это или нет. Ведь здесь

единственным преимуществом является не моральное или социальное совершенствование девочки, а ее продвижение по жизни, делающее ее привлекательной в обществе. Такой взгляд на музыкальное образование не заслуживает серьезного внимания в данном споре.

То, что было сказано выше, можно считать справедливым утверждением о значении, придаваемом музыке современными мыслителями. И соответственно, когда мы видим, что все греческие просветители и теоретики[43] утверждают совершенно иное значение музыки, мы оказываемся перед сугубо исторической проблемой. Грекам недостаточно признать, что военная музыка оказывает сильное воздействие на солдат, идущих на битву, или что тоскливая музыка навеивает тоску во время торжественной панихиды по умершим. Они пошли дальше и утверждали, что, постоянно играя военную музыку, люди становятся воинственными, что, постоянно играя и исполняя страстную и сладострастную музыку, люди становятся страстными и сладострастными. Соответственно, правильный выбор музыкальных и словесных инструментов стал предметом серьезной важности. Флейта культивировалась в Афинах до тех пор, пока Алкивиад не отверг ее за то, что она искажала его красивое лицо, из-за чего она вышла из моды в Афинах. Но это отвращение к бётийскому инструменту было поддержано теоретиками на том основании, что он не имеет моральных тенденций, что он слишком возбуждает и расплывает в эмоциях, которые он вызывает; кроме того, он мешает игроку петь слова под свою музыку.

Но если из этого сделать вывод, что на самом деле психическое воздействие оказывает текст, а не музыка, и если добавить, что в наше время инструментальная музыка - это более высокий и интеллектуальный вид музыки, который не имеет никаких моральных последствий, кроме хороших, и что вред приносит либретто оперы или настроение песни, то ответ с греческой точки зрения будет убедительным против нас. Хотя большое внимание уделялось благородным словам, которые исполнялись, было известно, что основной эффект оказывает музыка. Платон, в одном из знаменитых отрывков, даже горько осуждает грубую безнравственность и роскошь всей инструментальной музыки, которая позволяла так много украшений, так много преувеличений выражения, так много сложности эмоций, что была совершенно не приспособлена к его идеальному состоянию. Действительно, совершенно верно, что интеллектуальные усилия для понимания инструментальной музыки, по крайней мере некоторых видов инструментальной музыки, гораздо больше, чем для того, чтобы оценить или вообразить, что оцениваешь простую песню. Понять струнный квартет Мендельсона или, тем более, симфонию Бетховена - интеллектуальная задача, намного превышающая возможности девяти десятых слушателей, которые их слышат.[44] Но, помимо такого интеллектуального напряжения, в этой самой музыке есть сильная, хотя и неопределимая страсть, которая оказывает глубочайшее воздействие на умы, действительно настроенные на ее оценку.

Если это слишком тонкий пример, то есть еще один, настолько поразительный, что его стоит упомянуть, чтобы читатель мог когда-нибудь убедиться в этом сам. Венгерские цыгане, составляющие национальные оркестры, на увеселительных мероприятиях в основном играют национальный танец - *csárdás* - *мелодии*, которые теперь стали знакомы, некоторые из них в транскрипции Листа и Иоганнеса Брамса. Танец заключается в постепенно нарастающем возбуждении, начиная с медленного и серьезного начала. Изменения происходят просто за счет увеличения времени при частом повторении одного и того же воздуха,[45] а также при украшении его мускулами, которые добавляются *ad libitum* и несколько варварски, членами группы в соответствии с их вкусом. Эффект от этого постепенного ускорения и усложнения одной и той же мелодии невыразимо действует на

разум. Он представляет собой возбуждение, причем зачастую сладострастное, в высшей степени. Платона и его школу это бы основательно шокировало.

Этот более простой пример, хотя его и не так легко проверить английскому читателю, на самом деле имеет большее значение, поскольку нет никаких сомнений в том, что именно благодаря усложнению и росту интеллектуальных комбинаций в музыке мы упустили из виду то, что греки считали столь важным - непосредственное моральное воздействие музыки.

§ 43. Остается вопрос: что греки хотели сказать этой теорией? Они несли чушь, или их музыка настолько отличалась от нашей, что их теории не имеют применения в наши дни? Мы не можем принять ни одно из этих решений, хотя все наши исследования греческих гамм и скудных примеров мелодий, сохранившихся до наших дней, не могут ясно показать, что они имели в виду. Мы не можем понять, почему мелодии в дорийской гамме - гамме, несколько отличающейся от нашей обычной минорной гаммы, - должны считаться мужественными и нравственными, а лидийские меры - гаммы, подобные нашим обычным мажорным гаммам, - должны считаться безнравственными[46]. Мы должны отказаться от проблемы поиска решения на основе греческих гамм. Но мы можем с уверенностью утверждать, что наша музыка, происходящая непосредственно от старых церковных гамм, которые опять же произошли от греческих, не может настолько полностью отличаться от музыки древних греков, чтобы сделать вывод, что их музыка может быть нравственной или наоборот, а наша безразлична к нравственности. Мы можем быть уверены, что они не говорили глупостей, и что общее согласие всех их мыслящих людей по этому любопытному вопросу вполне заслуживает нашего самого серьезного внимания.

Вероятно, гораздо большая сложность нашей музыки, умножение инструментов, развитие гармонии вызвали к жизни неизвестные им интеллектуальные инстинкты и затушевывали моральные вопросы, которые когда-то так бросались в глаза. Современные китайцы, музыка которых намного проще нашей, в основном в тетратонической гамме, говорят о моральном влиянии музыки так же, как греки, и ставят сочинение и распространение мелодий под определенный контроль. У них были государственные композиторы, которым поручалась эта обязанность, чтобы сохранять и улучшать нравы народа. И хотя, казалось бы, чем проще характер национальной музыки, тем яснее ощущается ее моральное воздействие, нам остается только присмотреться, чтобы обнаружить те же качества у наших собственных композиторов. Большая часть лучшей музыки, которую мы сейчас слышим, излишне возбуждает: она питает тщетные желания, неопределенные стремления, чувственные сожаления; и если бы доказательства были изложены подробно, скептический читатель мог бы убедиться, что здесь мы сильно отстаем от греческих педагогов, и что мы часто сознательно подвергаем наших детей большому моральному риску, побуждая их выражать свои полусознательные желания в воздействующей музыке. Большинство, у которых душа не лежит к музыке, может быть, и безопасны (хотя это и не точно); но те, чья душа говорит через пальцы или голос, подвергаются очень серьезной опасности, о которой современные педагоги не имеют ни малейшего представления. Искать подтверждение в характерах ведущих музыкантов было нечестно, но не без поучительности[47].

Это расследование не является отступлением, требующим извинений. Это вопрос, над которым мы, похоже, размышляли не так глубоко, как древние, и который стоит обсудить без педантизма и сентиментальности. Верно и то, что общий аспект этой стороны греческого образования более интересен и плодотворен, чем исследование строения конкретных инструментов, которые они использовали - античный вопрос, очень подробно обсуждаемый учеными историками музыки и составителями археологических преданий. На этих деталях

мы можем быть кратки. Эта тема была исчерпана г-ном Чаппеллом, нашим лучшим историком музыки.

§ 44. В процессе обучения мы никогда не слышим об использовании тех более сложных инструментов, таких как τρίγωνον, или арфа, двойная флейта и другие, которые использовались профессионалами. С другой стороны, любимая сирикс, или пандейская труба, была в моде только среди пастухов, а не в школах. Можно предположить, что там не признавали ничего, кроме простейшего струнного инструмента - лиры (λύρα), которая первоначально изготавливалась путем натягивания струн на внутреннюю часть заднего панциря черепахи. Эти панцири часто можно найти сухими и чистыми в речных потоках по всей Греции. Когда черепаха умирает, ее съедают муравьи или другие насекомые; панцирь отделяется, его уносит и очищает половодье. Этот самый примитивный вид был, однако, вытеснен более сложной формой, которая использовала два панциря черепахи и крепила, на месте передних ног, пару козлиных рогов, которые были перекинuty через их край ζύγον, или ярмо, к которому были привязаны веревки с дальнего конца панциря, через нижнюю поверхность, или грудной панцирь, который был плоским. Этот инструмент с семью или, самое большее, десятью струнами был обычным для обучения игре греческих мальчиков. Более сложная китара, которая до сих пор сохранилась, как по названию, так и по конструкции, у тирольцев, представляла собой лиру с резонатором, построенным из тонких деревянных или металлических пластин и вытянутым в полые руки (где у лиры были только рога, или сплошные деревянные руки), чтобы резонанс был значительно больше. Эта форма, называемая πηκτίς, имела пятнадцать или более струн и здесь нас не касается. Использование смычка для струнных инструментов было неизвестно грекам, но они использовали для игры *плектр*, который до сих пор используется тирольцами для *цитры*.

Любимым духовым инструментом была не наша флейта, которую называли πλάγιαυλος, или "перекрестный аулос", и которая не пользовалась популярностью, а наш кларнет, αὐλός, который держался прямо, был широк во рту и издавал свой тон с помощью вибрирующего язычка в мундштуке. На обычном аулосе играли без каких-либо искусственных приспособлений; но для двойного аулоса, когда из одного мундштука выдували две трости разного тона, на рот игрока повязывали кожаную повязку, в которую вставляли мундштук. Это была самая крайняя форма того уродства, на которое греки жаловались при игре на флейте.

Мелодии, которым обучали мальчиков, теперь утрачены, и мы не надеемся их воспроизвести. Но есть все основания полагать, что они не соответствовали бы развитому вкусу наших дней и считались бы скучными и даже уродливыми. Об этом можно судить по немногим сохранившимся фрагментам греческих мелодий.

ССЫЛКИ

[41] ἔστι δὲ τέτταρα σκεδόν, ἃ παιδεύειν εἰώθασι, γράμματα καὶ γυμναστικὴν καὶ μουσικὴν, καὶ τέταρτον ἔνιοι γραφικὴν.-Pol., viii. p. 259.

[42] Ὑπογράφειν - технический термин для этого рисования моделей.

[43] Аристотель в своем рассуждении ("Pol.", bk. vii. 1) упоминает, что в его время появились радикальные критики, которые утверждали, что музыка - это просто развлечение, не имеющее никакого другого значения. Но он отбрасывает это мнение как едва ли заслуживающее опровержения, видя, как сильно было единодушное мнение против него.

[44] Аристотель вполне осознает это и допускает, даже в своем совершенном полисе, популярную музыку в угоду вульгарному слушателю, который не может понять, что такое настоящая классика ("Pol.", viii.: ὁ γὰρ θεατῆς φορτικὸς ὤν. к.т.λ.).

[45] В некоторых случаях очень витиеватое адажио сменяется оживленной простой мелодией в галопном времени.

[46] Некоторые люди считают, что эти гаммы обозначают только разницу в высоте тона. Это неверно, или, скорее, заблуждение, потому что в фиксированном наборе нот - например, белых нотах нашего фортепиано - различные гаммы можно найти, только начав выше или ниже. Но как разница в высоте тона может повлиять на мораль?

[47] Человеку, посвятившему достаточно времени музыке и знавшему многих музыкальных людей, нетрудно найти в нашей современной музыке аналогии с дорийским, фригийским и лидийским ладами, как моральными агентами. Ибо, несомненно, истинный смысл, истинная глубина в искусстве заключается в том, что оно представляет и, представляя, стимулирует в нас различные эмоции. Как и все другие способности человека, эмоции - это большой класс психических явлений, которые улучшаются и укрепляются при определенном количестве стимулов, но преувеличиваются и повреждаются при чрезмерном напряжении или слишком постоянных упражнениях. И это особый удел музыки, чтобы пробудить эмоции, слишком тонкие и разнообразные для грубого произнесения слов, и, следовательно, чтобы заполнить ум с чувствами восхитительные, действительно, и глубокие, но по своей природе непроизносимые в словах и необъяснимые, кроме симпатии. Вы не сможете передать немusicalному человеку то, что называется выражением воздуха, то есть эмоции, которые он вызвал в вас. Добавим, что если бы вы могли объяснить его, оно не имело бы той отличительной ценности, которой обладает на самом деле. Именно эта особенность вопроса привела к тому, что в холодный и логичный век, когда многие люди не подвержены влиянию музыки, и в котором все необъяснимое прямым утверждением, скорее всего, будет считаться нереальным, моральное воздействие музыки полностью игнорируется.

Эмоции, которые должна вызывать музыка, имеют настолько тонкий характер, что их невозможно определить. Разные композиторы, несомненно, вызывают в сознании разные *оттенки* чувств. Произведения Генделя и И. С. Баха вызывают чувство полного удовлетворения и бодрости, даже когда они посвящены печальным темам; в то время как Бетховен почти всегда испытывает глубокую меланхолию, которая для страдающего ума является более поддерживающей в своем сочувствии, чем все утешения. Но это лишь описание общего характера производимых эмоций, а не самих эмоций. Ведь они часто не осознаются нами, а влияют на нас, как и наши предрассудки, из скрытой глубины души.

Но, увы, история этого восхитительного стимулятора похожа на историю всех остальных. Люди начинают жаждать его, а затем постоянно добиваются; они не могут удовлетвориться более сильными дозами, и в конце концов даже они перестают оказывать свое действие, кроме как в состоянии опьянения. В этом случае стимулятор применяется уже не для возбуждения эмоций, а для удовлетворения страсти. И эта последняя отличается от первой тем, что она более бурная (возможно, состоит из нескольких эмоций) и содержит более грубый телесный элемент, сознательно или бессознательно.

Это можно проиллюстрировать на примере так называемых сентиментальных песен. Если мы сравним старые целомудренные песни о любви, которые можно найти среди национальных мелодий Англии, а еще лучше Ирландии, с песнями о любви в одной из величайших современных опер, "Фаусте" Гуно, то различие будет легко уловить. Когда ирландская девушка накладывает сладкую дикую музыку на слова своей песни, а потом остается

довольна ею больше, чем если бы она ее просто произнесла, причина в том, что в ее любви есть ряд нежных чувств, слишком тонких, чтобы произнести их словами, но переданных в выражении мелодии. То же самое можно сказать и о торжественных, почти религиозных любовных песнях старых итальянских композиторов, в которых так очевидно рыцарское почтение к слабому полу. Пусть самый трезвый критик сравнит эту музыку с великолепным дуэтом в сцене сада из "Фауста" Гуно, и особенно с заключительной песней акта (та, что в шести бемолях). Выразительность этой музыки не поддается описанию, она выражает любовь, но насколько она разная!

ГЛАВА VII.

ПОСЛЕДНЯЯ СТУПЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ - ВОЕННАЯ ПОДГОТОВКА ЭФЕБОВ.

§ 45. Небольшие размеры и узкие границы греческих государств редко позволяли содержать профессиональную армию, и, соответственно, мы видим, что сейчас в моду неожиданно снова вошли совершенно другие причины - гражданская армия и всеобщая обязанность нести военную службу. Ни одному греческому мальчику не позволялось переходить из школьной жизни в гражданскую без предварительной подготовки и практики в обращении с оружием и военной дисциплине. Это дисциплина *эфебов*, или взрослых мальчиков, о которой так много написано в последние годы учеными. Недавно был обнаружен ряд надписей, касающихся обязанностей и церемоний, которые они должны были выполнять, и мы, кажется, видим в них некое общее согласие по всей Греции, скорее отличающееся в отведенном времени и других деталях, чем в принципах.^[48] Были настоящие мастера в искусстве использования оружия, насколько это не было включено в гимнастические упражнения палестры; мы не слышим, однако, о большом количестве учений, и, вероятно, учения греческих армий, если исключить спартанцев, были очень несовершенными в лучший период. Только после роста наемных армий и (почти одновременно) великого военного взрыва в Фивах при Эпаминондасе война стала наукой в нашем понимании.

С другой стороны, всю пограничную службу несли *эфебы*, которые в возрасте шестнадцати лет вводились в число граждан путем торжественной службы и жертвоприношения, на котором они давали клятву верности и патриотизма и принимали на себя военные обязанности в качестве предварительного условия для полноценной жизни в качестве политических бюргерств. Сиротам граждан, погибших в бою, государство дарило оружие и военное платье (в Афинах). Молодые люди надевали короткий темно-серый плащ (*χλαμύς*) и широкополую мягкую шляпу (*πέτασος*), подходящие для походной службы, а затем, в качестве *περίπολοι*, или патрульной полиции, следили за безопасностью страны, состоянием дорог и занимали пограничные крепости, от которых мы видим такие поразительные остатки до сих пор в Аттике. Горный форт Филея, Декелея, СЕное (или Eleutheræ), Суниум, Торикос, Оропос и другие были пунктами, с которых патрулировались границы.

Несомненно, именно благодаря этой предосторожности, хотя мы и читаем о небезопасности на улицах Афин ночью, мы никогда не читали о разбойничьих нападениях в стране. Некоторые ученые, правда, утверждают, что *περίπολοι* выполняли полицейские функции в

городе и на общественных собраниях. С этим не стоит соглашаться, хотя в торжественных случаях и при проведении больших церемоний они появлялись не только для поддержания порядка, но и для участия в шоу. Именно последнюю обязанность мы видим на знаменитых фризах Парфенона, изображающих панафинейскую процессию. Им было отведено отдельное место в театре, и они во всех отношениях считались отдельным государственным орденом, надеждой и гордостью своего города, его украшением на всех торжественных мероприятиях.

Патрульная служба на границе была назначена им по разным причинам. Благодаря ей они приобщились к воинской дисциплине и познали некоторые тяготы похода. Они получили точные знания о дорогах и путях, пролегающих через их страну, о характере их границы и границ их соседей. Они были ограждены от бед, которые угрожают молодым людям их возраста в каждом городе.

Но афиняне и другие греки были осторожны, чтобы не совершить ошибку, о которой мы сейчас так много слышим, - ожидать, что эти молодые люди до двадцати лет встретят врага в бою. Их специально отводили для гарнизонной службы, и одна из побед Миронида была особенно отмечена, потому что он сражался с этими мальчиками, от которых не ожидали стойкости в ужасах битвы.

§ 46. Согласно словам клятвы, действительно, в том виде, в каком она сохранилась у Стобеуса и Поллукса, особо упоминается твердое стояние рядом со своим товарищем; но даже если этот интересный документ не является подделкой, как полагает Кобет,^[49] это конкретное заявление можно считать перспективным и применимым к оставшейся части жизни гражданина. Я добавляю здесь эти слова для удобства тех, у кого нет под рукой греческого текста: "Я никогда не опозорю это освященное оружие и не брошу своего товарища, рядом с которым бы я ни находился, и буду сражаться как за святое, так и за общее, лично и вместе со своими товарищами. Я не оставлю свою страну меньшей, но большей и лучшей на море и на суше, чем я мог ее получить. Я буду повиноваться правителям на время, и подчиняться установленным законам, и всем другим, которые содружество может согласиться установить; и если кто-либо отменит постановления или не подчинится им, я не допущу этого, но буду защищать их лично и вместе с остальными. Я буду повиноваться установленной религии. Будьте моими свидетелями Аглаурос, Эниалиос, Арес, Зевс, Талло, Авксос, Гегемон". Хотя Кобет прав в том, что некоторые черты этой клятвы вряд ли были общепринятыми на протяжении всей афинской истории и что она, вероятно, была составлена в поздний период, список богов, столь любопытный и не похожий на то, что придумал бы поздний педант, указывает на какой-то древний источник; и, возможно, в нем есть и другие действительно исторические традиции.

Общая подлинность этого текста скорее подтверждается находкой клятвы эфеби из Дрероса (близ Кносса) на Крите - надписью несомненной подлинности. Здесь есть не только общие заявления о верности и патриотизме, но и специальные клятвы о поддержке союзного Кносса, а также заявления о ненависти и враждебности к городу Литтос.^[50] Это формальное заявление о ненависти можно сравнить с откровенной аристократической клятвой, цитируемой Аристотелем: "Я буду недоброжелателен к демосу и причиню ему любой вред, какой только смогу придумать".

Различные религиозные церемонии, связанные с принятием статуса эфеба, который считался отличным как от мальчика, так и от мужчины - жертвоприношения, обрезание длинных волос (кроме Спарты), торжественное собрание родственников, - сильно

напоминают *утверждение* христианской церкви, которой они являются языческой параллелью.

§ 47. О том, какой должна была быть торжественная процессия эфебов, лучше всего говорит конная и жертвенная процессия на фризе Парфенона. Мы видим обнаженных молодых людей, некоторых в коротких плащах и шляпах, сидящих на лошадях и ведущих жертвы. Ездить на лошадях было не так просто, как у нас, потому что, во-первых, у них не было седел и стремян, а во-вторых, считалось, что для хорошей демонстрации необходимо, чтобы лошадь постоянно стояла на задних ногах. Спокойно идущая лошадь в процессии считалась у греков очень ручной. Поэтому управление этими гарцующими и караколовыми конями должно было требовать от всадников тщательной подготовки. Опять же, мы видим, как другие ведут быков на жертвоприношение, а частое упоминание состязаний с быками даже ввело многих авторитетов в заблуждение, что аттические эфебы практиковали бои с быками. Дело в том, что непокорная жертва была дурным предзнаменованием, и поэтому тщательное ведение этих животных, с умением и силой в сочетании, чтобы сделать надлежащую часть большого шоу, было под эфебским обучением. Это мы видим и на фризе Парфенона. Везде, где требовалась публичная демонстрация, художественный вкус греков предписывал, чтобы для ее украшения привлекались самые красивые и выносливые мужчины; И поскольку ничто так не прекрасно, как толпа энергичных молодых людей в расцвете сил и счастья юности, мы можем представить себе, как великолепно была тогда государственная процессия по сравнению с теми, что происходят в наши дни, когда самое грандиозное зрелище - это старые генералы, изнеженные чиновники и другие почтенные, но дряхлые магнаты, которые должны быть покрыты изысканными одеждами, блестками и орденами, чтобы их настоящее уродство и упадок не были болезненно заметны. В римские времена мы слышим о том, что этих молодых людей нанимали в качестве почетной стражи, когда Афины посещали знатные иностранцы.

§ 48. Хотя об этом эфебическом обучении говорят как о всеобщем - и кажется, что после записи в *реестр* (ληξιαρχικὸν γράμματεῖον) своего дема, который был его патентом на гражданство, каждый афинский юноша был обязан служить *патрульным* (περίπολος) и проходить военную подготовку - должно быть, было много исключений; И действительно, все это образование, очевидно, относится к высшим классам и не подходит для бедных. В римские времена мы даже видим, как чужестранцы приезжают в Афины и записываются в эфебы, как те богатые иностранцы, которые понимают, что такое культура, часто отправляют своих сыновей в Англию, чтобы они получили уникальное образование в английских государственных школах. Но это указывает на то, что эфебы были привилегией, особым и очень ценным образованием, хотя мы не знаем, какие ограничения существовали, и как сыновья более бедных людей, которые не могли позволить себе тратить время и средства, избегали их. Число официальных эфебов, как мне кажется, никогда не было большим, и они всегда были тем классом, который Фидий вполне мог выбрать для своих моделей, когда искал идеальные типы молодости и мужественности.

Действительно, в различных сочинениях об эфебическом обучении недостаточно замечено, что сама идея такого класса никогда не встречается ни у Геродота, ни у Фукидида, хотя она есть у Ксенофонта;^[51] и если Плутарх говорит об Алкивиаде, влиявшем на эфебов в гимнасии своими дикими планами завоевания Запада, мы можем быть уверены, что историк перенес титулы и понятия своего века в более древние времена. В третьем веке до нашей эры сохранилось так много надписей об этом сословии, что оно, должно быть, заняло самое видное место в жизни Атики. С этого времени и вплоть до римских времен мы слышим о нем постоянно и из многих источников. Невозможно, чтобы Сократ и его школа не упоминали о

нем, если бы оно уже формально существовало. Поэтому мы можем сделать вывод, что хотя ее составные части - формальное зачисление в школу и жертвоприношения в определенном возрасте, патрулирование, гимнастическое и музыкальное обучение, обязанности шестивей на праздниках - были разработаны в лучший период аттической истории, их официальное сведение к государственной системе образования могло произойти только позже, пока упадок практической общественной жизни не дал людям время теоретизировать о методах восстановления образования, которое было непоправимо утрачено.

По всей видимости, самое раннее *официальное* упоминание содержится во фрагменте оратора Ликурга, который в своей знаменитой речи о собственном управлении афинской казной упомянул статую некоего Эпикрата, установленную в бронзе *благодаря его закону об эфебах*. Мы не можем сказать, было ли это специальное постановление или нет. Но, *возможно*, это был тот самый закон, который установил эту знаменитую систему, столь восхваляемую и востребованную всем эллинистическим миром в римские времена. Если это так, то учреждение датируется именно тем временем, когда оно не имело реального значения для истории Аттики или всего мира.

Тем не менее, многочисленные надписи открывают нам некоторые любопытные и интересные особенности, которые заставляют нас одобрить хороший вкус Цицерона и его друзей, когда они отправляли своих мальчиков из Рима в Афины, как мы отправляем наших сыновей в школы в Англии. Так, ученые германцы, которые с большим старанием исследовали различные титулы магистратов или сановников среди этих эфебов, часто не могут определить, являются ли они господами, поставленными над ними, или лидерами среди самих эфебов. Действительно, так называемый ἄρχων τῶν ἐφηβῶν (глава эфеба), похоже, был не кем иным, как самым успешным и блестящим юношей, представителем и глашатаем остальных, подобно старшему префекту в некоторых наших государственных школах. Несомненно, ученые мужи, которые в будущие века будут исследовать эфебическое обучение англичан, будут ломать голову над старшим префектом в Винчестере и задаваться вопросом, был ли он мастером или мальчиком; и если мальчиком, то как он мог иметь столько власти, доверенной ему. Мы также узнаем, что расходы на поддержание торжественных процессий и публичных состязаний были столь велики, что самих эфебов поощряли вносить значительный вклад; и если они были богаты, то приобретали значение, непропорциональное (как мы можем подозревать) их возрасту. Что еще более интересно для английских студентов, так это то, что у них были независимые клубы и ассоциации, и даже проводились торжественные собрания, где они использовали термины общественной жизни и озаглавливали резолюции (ψηφίσματα), принятые в их собрании (ἄγορά) законами (νόμοι). В этих объединениях молодежи были архонты, стратеги, агораномы и даже ареопагиты. Должно быть, именно с одобрения этих официальных собраний гимнастическая сторона эфебской подготовки постепенно дискредитировалась. Способствовала ли неприязнь великих полководцев, таких как Александр и Филопемени, к атлетике изменению общественного мнения, мы сказать не можем. Но я признаюсь, что испытываю значительную симпатию к реформе, которая утверждала превосходство охоты и верховой езды над гимнастическими упражнениями - изменение, которое некоторые немецкие критики рассматривают как меланхолический признак деградации.

§ 49. В более поздние времена, когда семь предметов знаний, включая риторику, философию и т. д., были официально приняты, эфебическое обучение приобрело характер университетского курса. Конечно, как и прежде, назначались мастера для фехтования, владения оружием, танцев и борьбы; но ведущие философские школы не отрывали юношей от эфебического обучения, а скорее поставляли им формальных профессоров. В лучшие и

строго классические времена, до того как мы услышали технический термин *ephebi*, практическая подготовка юношей для патрулей, а затем как зарождающихся граждан, скорее соответствовала тому, что мы называем шестым классом в государственной школе, и не включала в себя действительно философское обучение, такое, как предполагается в наших университетах. В нем было то же сочетание физического и интеллектуального, то же внимание к простым достижениям, тот же тщательный контроль, который мы практикуем в школах, но который не является полным введением в полноценную гражданскую жизнь. Это была вершина спартанского обучения, где целью было не воспитание действительно политических людей, способных обсуждать общественные дела и помогать в управлении государством, а храбрых солдат и прекрасных мужчин, физически способных переносить лишения и подчиняться строгой дисциплине. Для действительно демократической жизни, для разумного понимания функций государства и их правильного обсуждения требовалось нечто совершенно иное, более высокое в интеллектуальном плане. Было очень хорошо танцевать сложные фигуры с грацией, играть на лире и сладко петь на ней, бороться и бегать с силой и легкостью. Это было старое обучение, которое делало прекрасных солдат, но хороших граждан только в смысле тупого невежественного, а потому послушного слушателя приказов своих начальников. Необходимость перемен возникла с развитием демократии в Греции, и греки, когда возникла необходимость, нашли себе учителей, отвечающих их запросам. Эти люди, софисты, были первыми, кто дал образование, соответствующее нашим университетским курсам, и к ним мы сейчас и обратимся.

ССЫЛКИ:

[48] Ср. список в Grasberger, iii. 65.

[49] "N. L.", p. 233.

[50] Текст его клятвы см. в Philol. за 1854 г., p. 694, или в Grasberger, iii. 61.

[51] Особенно в его "Воспитании Кира".

ГЛАВА VIII.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ - СОФИСТЫ И СОКРАТ.

§ 50. Как всем теперь известно, истинное положение и заслуги софистов были впервые раскрыты Гротом в его монументальной "Истории Греции". С момента публикации этой книги английский ученый узнал, что софист в ранней греческой истории не является синонимом лжеца и злодея, подрывающего общественную мораль и разрушающего религию. За последние несколько лет влияние этого нового взгляда постепенно достигло немцев, народа, не очень готового принять, по крайней мере в филологии, английские мнения. Но в этом естественном нежелании есть свои исключения; так, в самой важной новой книге по истории греческой философии, последнем издании Целлера, мы видим, что, несмотря на различные оговорки, основные результаты исследований Гроте признаны и приняты.

Прежде чем я перейду к рассмотрению той части их рассказа о софистах, которая относится к теме греческого образования, стоит немного поразмышлять о таком замечательном случае неверно понятого доказательства, каким является этот спор. Основная масса филологов просто следовала, как стадо овец, за полемикой Платона и Аристотеля против их собственных соперников. Платон унаследовал от Сократа сильную антипатию к этим практичным и часто утилитарным учителям. Но по большей части это была та же антипатия, которую солидный университетский профессор наших дней испытывает к успешному зубриле. Мания конкуренции современности создала спрос на этих специалистов, которые не исповедуют ничего, кроме своего особого ремесла - сдавать экзамены, и которые делают это великолепно, получая за это большие гонорары. Таким образом, рост демократических институтов и распространение международных дебатов привели к тому, что в пятом веке до нашей эры в Греции внезапно возникла необходимость в наборе практических учителей для тех, кто занимался адвокатской практикой или дебатировал в общественных собраниях. Мы слишком привыкли считать, что таким людям требовалось обучение только риторике - умению вести спор и убедительно излагать свои взгляды. Им требовалось нечто большее; им требовалось образование по общим предметам, и, конечно, не глубокое образование, но такое, которое позволило бы им говорить грамотно, делать и понимать намеки на более глубокие вопросы дня. Мы слышим, что сейчас в Америке нередко мужчины, внезапно поднявшиеся в мире, и их жены посылают за учителем и говорят: "Я теперь в положении, чтобы двигаться в образованном обществе, и от меня требуется говорить о государственных делах. Мое раннее обучение было полностью проигнорировано. Я хочу, чтобы вы обучили меня обычным темам дня, а также тем аспектам искусства и науки, которые могут быть полезны для моей цели". И такие наставления, несомненно, очень поверхностные и неточные, но весьма практичные, часто даются.

§ 51. Теперь представим, что умный грек или другой иностранец, совершенно не знакомый с современной журналистикой, будет искать доказательства ее моральной ценности и реальных преимуществ, которые она нам дает. Какой ответ он получит? Если бы он обратился к самим журналистам, они бы сказали ему, что их цель - так снабдить своих читателей всеми актуальными темами, чтобы они могли вести разумную беседу без какого-либо дальнейшего изучения. Они также заявили бы, что являются лидерами нравственного чувства общества, восхваляя то, что имеет хорошую репутацию, и порицая дурное, разоблачая злоупотребления и демонстрируя добродетель. Они также претендуют на то, чтобы снабжать публику аргументами в пользу спорных выводов, чтобы у людей было оружие для борьбы со своими интеллектуальными противниками. Услышав эту возвышенную программу, он, естественно, спросит, делается ли все это из чистой филантропии или с какой-то скрытой целью, а особенно - не преследуется ли при этом какая-нибудь материальная выгода. Они ответили бы, что действительно берут деньги за свое обучение, и трудящийся достоин своего найма, но они обратились бы к любому из своих читателей с вопросом, не превышают ли полученные знания их вознаграждения. Такой ответ, возможно, удовлетворит нашего незнакомца лишь наполовину, и у него возникнет подозрение, что независимые доказательства не помешают; и, поинтересовавшись у вдумчивых людей, какое вознаграждение можно получить от этой профессии, он услышит, что в случае успеха она является одной из самых прибыльных из всех известных, и что многие из тех, кто ее предоставляет, признаются, что работают не ради убеждения, а ради выгоды. Затем он поинтересуется, всегда ли успех в их случае является проверкой серьезных заслуг, и обнаружит, что, как бы это ни было интеллектуально, с моральной точки зрения это не так. Наиболее вдумчивые и откровенные члены нашего общества объяснили бы ему, что здесь, как и везде, люди больше любят читать то, что соответствует их предрассудкам, чем то, что их разоблачает, и что, потворствуя этому недостатку и следуя за общественным мнением,

газеты часто добиваются большего успеха, чем честное и бесстрашное обучение. Он слышал, что почти каждая газета принадлежит какой-нибудь политической партии, чьи ошибки и слабости она считает своим долгом оправдывать и защищать. Более того, ради ясности и краткости, а также из-за нежелания сделать больше, чем просто угодить на час, многие аргументы в ежедневных газетах были поверхностными и нелогичными, не проясняя, а затушевывая реальные вопросы. Поэтому в ходе своего расследования он, несомненно, пришел бы к тому, чтобы рассматривать их как класс или профессию; но, если бы он заговорил о них как о таковых, он мог бы удивиться, услышав, как его поправляют журналисты или их друзья. Они будут отрицать, что это отдельная профессия, и с правдой скажут, что все интеллигентные люди, желающие преподавать, в той или иной степени журналисты, которые не имеют определенных принципов, не связаны узами специального образования. Даже их собственные критики, с удивлением слышал он, иногда присоединялись к ним и писали, чтобы наставить публику. Они были классом и не классом, профессией и не профессией; у них была общая цель, в какой-то степени общий метод, но почти не было общих принципов, прямого сотрудничества, общего интереса, чтобы перевесить их ревнивое соперничество.

§ 52. Справедливо ли это представление о моральной стороне журналистики? Ее можно получить, просто описав, вслед за Платоном, мистером Гротом и сэром Александром Грантом, старых греческих софистов. Это были греческие журналисты, которые до появления почты и печати передавали из города в город последние новости, самую свежую критику, самые современные взгляды на политику и образование, новейшие теории о морали и религии. Может показаться неуважительным сравнивать святого Павла с нашей ежедневной прессой, но я не могу объяснить это лучше, чем указав на ту самую наглядную сцену в Деяниях, когда апостол прибывает в Афины. Его хватают жаждающие и любопытные люди, как мы хватаем драгоценный журнал в каком-нибудь отдаленном местечке, когда на несколько дней отрываемся от текущих дел. И, несомненно, сначала они спрашивали его, какую местную или политическую информацию он привез из своего предыдущего путешествия, как мы сначала читаем сообщения из Парижа или Лондона; а когда это любопытство было удовлетворено, они стали спрашивать, что еще он хотел сказать; и, обнаружив, что он был учителем этики или софистом, они с большим удовольствием перешли к остальным его сообщениям, так же как мы должны перейти к передовой статье, корреспонденции о ритуальных новшествах или рецензии. Святого Павла принимали за софиста, и в каком-то смысле это было справедливо, ведь он учил морали и религии; более того, он учил новой религии. Мы все знаем, насколько он отличался от этого класса. Легкомысленные, правдоподобные, изобретательные, скептические, они были кумирами публики, но вызывали отвращение у тех глубоких умов, для которых невежество и предрассудки масс - не источник материальной выгоды, а скорее тяжелое и мучительное духовное бремя.

§ 53. Вот кем на самом деле были греческие софисты: они зубрили не для специальных состязаний, а для общих требований высшего общества и политической жизни. Они зубрили более или менее честно, более или менее эффективно, в течение жизни одного-двух поколений. Затем потребность в них отпала, как, можно надеяться, отпадет и потребность в современных зубрежках вместе с суеверием, что практические достоинства можно выявить с помощью одних лишь экзаменов. В Афинах и по всей Греции энциклопедическое преподавание софистов было впоследствии переведено в узкую специализацию преподавателями риторики, диалектики и морали, подобно тому как профессора геологии тридцатилетней давности вытесняются специальным преподаванием по ископаемой анатомии, ботанике и минералогии. С середины четвертого века до нашей эры софисты полностью исчезают как класс. Тем не менее, несомненно, что они не оставили после себя

дурной славы в Греции, за исключением ближайших последователей Платона и Аристотеля; ведь во втором веке нашей эры это звание было возрождено как одно из самых почетных и связанное с величайшей литературной должностью в Афинах.

Не стоит утверждать, что эти учителя были так же строго деловиты, как современные тренеры, или что они так же строго ограничивали себя определенной целью. Они часто хвастались великими свершениями, которые были недоступны обычным людям и предназначались лишь для демонстрации. Но тогда их цели были гораздо шире и разнообразнее, чем у тренера, и их нельзя было проверить четким и определенным результатом экзаменационных листов. Поэтому Платон и Сократ легко находили дыры в их программах и обвиняли их в получении денег под ложным предлогом. Эти философы шли дальше и поносили их за то, что они вообще берут деньги, обменивают свою мудрость на золото и передают добродетель за плату. Все это было просто завистливой полемикой, основанной на несправедливой оценке попыток практических людей удовлетворить общественные нужды. И хотя сам Платон рисует ведущих софистов как самых уважаемых людей, хотя мы знаем из независимых свидетельств, что они были таковыми, независимо от того, признавал это Платон или нет, нападки на профессию, сделанные им и Аристофаном - одним радикальным реформатором, а другим слепым консерватором - настолько навязали ученым, что они полностью перепутали реальные доказательства по этому вопросу и изложили аргументы обвинения так, как если бы они были судебным обвинением или зрелым вердиктом. Так сильно влияние литературного мастерства, когда оно приводит к выживанию одного произведения на фоне гибели всех его собратьев. Поскольку Платон является нашим главным свидетелем в отношении софистов, поскольку сатира Аристофана сохранилась, люди воображают, что это должно быть общим приговором, и выставляют предвзятость и предубеждение отдельного человека как рефлекс общественного мнения.

§ 54. Эти люди действительно сформировали первую форму университетского образования в Европе, понимая под университетским образованием ту высшую общеобразовательную подготовку, которая, следуя за школьной дисциплиной, готовит человека к обязанностям общественной и политической, а также научной и литературной жизни.

В условиях городской жизни греков, когда проживание в любом чужом месте было сопряжено с большими неудобствами, было очевидно, что университетское обучение не могло занимать постоянного места. Только после объединения греческой нации под властью Рима Афины стали (как и Александрия) строго университетским городом. Поэтому, поскольку ученики не могли собраться вокруг раннего софиста, он был вынужден идти к ним, странствуя по Греции и останавливаясь на значительное время в каждом крупном центре, где местная молодежь могла извлечь из него пользу. Но даже в ранние времена находились восторженные ученики, которые бросали дом и страну и скитались как пришельцы вслед за этими блестящими учителями. Последние, как правило, выставляли свои знания напоказ, устраивали выставки красноречия и аргументов, чтобы показать ценность своих товаров. Они вели показную жизнь, как профессиональные художники в наши дни, и, хотя получали большие прибыли, экономили совсем немного. Их первой целью было воспитать готовых и практичных граждан, людей, способных собирать и выражать свои мысли и давать разумные советы по общественным вопросам. Для этого они не только обучали искусству риторики и - искусству ведения диспутов, но и были вынуждены вникать в некоторые из великих теорий, составляющих основу всей практической жизни - проблемы философии, этики и религии. Как и следовало ожидать, во всех этих вопросах они придерживались утилитарного взгляда, такого, какого придерживается практичный лекарь. Некоторые из них, такие как Горгий и Протагор, глубоко изучали философию, но только для того, чтобы показать, что преданность

метафизике или абстрактной науке была пустой, все знания субъективны и меняются в зависимости от эпохи. Человек - мера вещей; абстрактная природа - ничто. Что касается более насущного вопроса о нравственности, то, несмотря на то, что они были достаточно здравомыслящими, а некоторые из них, например Продик, прославились как проповедники морали, они отрицали всю неизменную мораль и довольствовались повиновением существующим законам общества, не признавая для них никакой постоянной научной основы. Именно Сократ впервые приложил свой великий ум к решению этого вопроса, и его занятия с молодыми людьми - он был обычным софистом или университетским преподавателем и обычно назывался так - специально упражнялись в поисках постоянных и неизменных идей, подразумеваемых в наших моральных терминах, которые характеризуют наши моральные действия. Что касается религии, то, видя, что греческая вера выросла на мифах и поэзии и была вплетена в сложную политеистическую мифологию, полную безнравственности и абсурда, софисты, как и следовало ожидать, были настроены скептически и до сих пор противостояли консервативной общественности. Один из них, Протагор, фактически исповедовал свое неверие в национальную веру и подвергался соответствующим преследованиям; другие, хотя и были более осторожны и считали любое формальное отрицание трансцендентных истин едва ли практичным, справедливо подозревались в агностицизме, поскольку их моральные эссе были подозрительно чисты от теологии. Их считали несостоятельными в вере, а значит, и в морали ортодоксов, чью веру софисты вполне справедливо обвиняли в том же.

§ 55. Так образование софистов стало рассматриваться наиболее трезвой частью общества, устойчивыми стариками, как подрыв древних и почтенных традиций. Предполагалось, что в религии оно если не учит, то предполагает неверность, а в политике и обществе - радикализм. Именно такие обвинения мы слышим от старомодной публики в адрес университетов - еще больше в Германии, где пропасть между средней и образованной частью общества гораздо шире, чем у нас. Когда мы, университетские преподаватели, заставляем молодых людей думать, пусть даже тщательно избегая (по долгу чести) всего, что может шокировать традиции, в которых они были воспитаны, то возникающее при этом умственное возбуждение должно, тем не менее, заставить их отвергнуть хотя бы некоторые суеверия, которые они приняли на основании слабых доказательств. Если наше образование не приводит к такому результату, оно недостойно своего названия. Но этот частичный и осторожный скептицизм, конечно, отождествляется старшим поколением, которое менее духовно развито, с отказом от жизненно важных истин. И есть много случаев, когда молодой скептик действительно переходит границы дозволенного и становится столь же поспешным в отрицании, как его отцы были некритичны в утверждении. Добавим, что ортодоксальная партия не слишком требовательна к доказательствам и начнет клеветническое обвинение против учителя, которого они подозревают и боятся, почти не заботясь о том, чтобы действительно доказать свою правоту. Кроме того, эта партия всегда получает мощных союзников благодаря ревности и разногласиям среди самих учителей, старшие и менее способные из которых часто пытаются поддержать свое ослабевающее влияние союзом с ортодоксами и восполнить теологической популярностью то, чего они не смогли достичь из-за отсутствия интеллектуальной силы и сочувствия.

Все эти вещи, которые сегодня постоянно происходят в наших университетах, являются точным аналогом того, что происходило в Греции во времена софистов. Они учили умных молодых людей такому поверхностному знанию наук, которое вызывало отвращение у более глубоких специалистов, и, более того, они учили их, что специалисты преследуют тщетную тень и пытаются решить неразрешимые проблемы. Они учили их не становиться специалистами, а применять себя в общественной жизни. Как английские университеты

могут похвастаться многими великими политиками и литераторами, а не специалистами в науках, и как они могут считать, что произвести Гладстона или Корнуолла Льюиса лучше, чем произвести Фарадея, так и софисты сделали общую культуру своей исповедуемой целью и до сих пор ссорились с более глубокой философией.

§ 56. Подобные же действия в области морали привели их в соприкосновение с Сократом, чьи ежедневные занятия можно считать лучшим университетским преподаванием того времени. Сократ был во всех внешних отношениях софистом и обычно считался таковым. Он, правда, не путешествовал по свету, будучи, к счастью, гражданином самого большого и просвещенного города Греции. Он также презирал богатство и показную роскошь, хотя не менее примечателен был и своей добровольной бедностью. Но в более важных отношениях, презирая абстрактную науку и умозрительную философию, отсеивая традиционные теории морали и общества, радикально расшатывая и часто разрушая все предвзятые представления, Сократ был софистом, причем одним из самых опасных. Он действительно стремился сделать то, чего не сделали они, - найти лучшую и более надежную позитивную основу для морали, но негативная часть его работы была наиболее успешной и поразительной. Поэтому консервативная афинская общественность не только подозревала и недолюбливала его, но и по обвинению своего глашатая Анита, самого уважаемого и искреннего человека, приговорила его к смерти, когда он ясно показал, что никакие их приговоры не удержат его от продолжения его занятия. Этот приговор Сократу, о котором ортодоксальная партия в Афинах никогда не сожалела и даже оправдывала его, должен послужить предостережением для тех, кто клеветает на своих товарищей в интересах ортодоксии. Но это нас сейчас не касается.

Высшее образование софистов и Сократа, которое в лучшем случае было несерьезным, перешло в руки таких преемников, как Платон и Исократ, которые создали регулярные школы и подвергали своих учеников регулярному курсу обучения. Это было тем более необходимо, что обучение, проводимое Сократом, не имело определенных границ, и его тенденция заключалась в том, чтобы заставлять молодых людей говорить и обсуждать этические проблемы, когда им следовало бы обратиться к практической жизни. Досуг, действительно, был в таком большом почете у старых греков, что безделье не осуждалось так, как должно было бы. Ортодоксальная партия с большой силой выдвигала это возражение против школы или последователей Сократа. В случае с Платоном существовал регулярный курс высшей философии, а его главные ученики стали, в свою очередь, учителями философии. Но школа Платона была даже в большей степени, чем школа Сократа, университетской подготовкой, для которой, возможно, даже существовал экзамен на аттестат зрелости, если мы примем буквально утверждение, что никому не разрешалось поступать, не зная элементарной геометрии. Большой недостаток Платона, как и Сократа, состоял в том, что он не приобщал людей к общественной или практической жизни, а делал их философами или бездельниками. В науке, действительно, эта специальная подготовка оказала большую услугу, и история геометрии была бы совсем другой без этих спекулянтов. Но платоновский ученик, когда он был полностью подготовлен, по словам самого мастера, был не склонен участвовать в политике, и убедить его в этом могли только чувство долга и добровольное послушание публики.

Именно из-за такого же рода исключительности, даже монашеской по своей строгости, знаменитое братство Пифагора заслуживает лишь небольшого места в общей истории греческого образования. Прием в это братство можно было получить только *ed* через строгий послушник, а его целью было сочетание особого религиозного аскетизма с

аристократической политикой и своего рода клубной жизнью, антагонистической по отношению к обычному обществу. К сожалению, мы располагаем лишь немногими достоверными сведениями об этой секте и лучше всего знаем о ней по тем отголоскам, которые встречаются в раннем и многочисленных отголосках в позднем платонизме. Но и ее можно рассматривать как высшее интеллектуальное или университетское образование, сочетающееся с коллегиальной жизнью и ее ограничениями, предвосхищая тем самым по духу ту особенность, которая делает английские университеты столь своеобразными среди современных очагов обучения в Европе.

Я вернусь к Платону и его последователям, когда мы перейдем к рассмотрению теорий образования, которые философы основывали на явлениях греческой истории. А прежде чем перейти от софистов к риторам и показать дальнейшую специализацию высшего образования в этом направлении, мы можем сказать в заключение несколько слов о внешней истории этих некогда знаменитых, а с тех пор сильно порицаемых педагогов. Мы почти совсем не знаем их, кроме как через их врагов, специалистов-философов и специалистов-риториков; и то, что мы слышим о них, должно быть недоверчиво и просеяно соответственно. Тем не менее, даже от их врагов мы узнаем, что трое величайших из них - Протагор, Горгий и Продик - были весьма уважаемыми и авторитетными людьми. Так же как и четвертый по значимости Гиппиас, хотя его энциклопедические претензии на то, что он занимался всеми ремеслами и рукоделием, а также философией, историей и риторикой, оставили неприятное впечатление о нем. Тем не менее, он был почитаем в Элисе, своим родном городе, как его главный гражданин, и составил для них летопись их знаменитого прошлого таким образом, чтобы получить всеобщее признание.

Что касается трех других, то, хотя все они исповедовали стремление дать общее образование и дать своим ученикам ту отрицательную подготовку в философии, которая вооружит их против ложных теорий, каждый из них был примечателен какой-то особой чертой. Протагор, помимо своего знаменитого философского положения об относительности знания к тому, кто знает, открыто исповедовал обучение *политической* мудрости и презирал все другие виды знания в сравнении с ней. Горгий же, хотя и написал знаменитый трактат с весьма гегелевским названием "О природе или несуществующем", посвятил свое главное внимание *риторике* и был поистине отцом технического греческого ораторского искусства. И хотя мы слышим о Кораксе и Тисиасе в Сицилии, а также об Эмпедокле, которые культивировали это искусство, первым признанным теоретиком и практическим оратором был Горгий. Он не только произносил установленные речи, но и так натренировал себя, что мог произносить элегантные речи на любую предложенную тему, по-видимому, без подготовки, но, конечно, с помощью умной системы хорошо расставленных общих мест, которые он применял быстро и разнообразно. Философия Продика была в основном этической, а его апологии были очень популярны и цитировались в последующие времена. Но более важными были его *грамматические* исследования, в которых он зафиксировал части речи и заложил основы грамматики современных европейских языков. Действительно, строгое внимание к форме, которое проявляли все софисты, заставляло их изучать язык с особой тщательностью, и в этом, как и в некоторых других отношениях, они были праотцами современных филологов.

Известны имена еще многих софистов, некоторые из них изображены или злословят в диалогах Платона, такие как Фрасимах, Полус, Эвмен; но они не представляют для нас никаких особых черт. Все они, как говорят, настаивали на том, что диктат общества выше любого предполагаемого закона природы, и этот гоббизм навлек на них анафему моралистов. В течение столетия 470-370 гг. до н. э. их роль была сыграна; и даже Платон в своих поздних работах уже не считает их достойными опровержения.

ГЛАВА IX.

РИТОРЫ-ИСОКРАТЫ.

§ 57. Многие ученые, которые верят всему, что говорит Платон, буквально, и считают, что мрачные картины Фукидида относятся только к его собственному дню, а не к предыдущим поколениям, утверждают, что греки настолько деградировали и развратились в результате этой софистической фальсификации религии и морали, этого скептицизма в философии и роста радикализма в политике, что с этого времени (430 г. до н. э.) представляют собой симптомы разлагающейся расы. Предполагается, что афинское государство, в частности, утратило свое величие и серьезность, и теперь представляет собой простое правление толпы, далекое от демократии, одобренной деспотизмом, которая сделала его таким великим при Перикле. Эта точка зрения, настойчиво отстаиваемая, например, в "Истории Греции" Курция, основана исключительно на жалобах Платона и Аристофана, а также на впечатлении, производимом историей аристократа Фукидида, Ксенофонта и пьесами Еврипида. Здесь не место опровергать теорию в целом, как это сделал Гроте, который показывает, что никогда афинская демократия не была столь просвещенной и умеренной в политике, как в период после окончания великой войны (403 г. до н. э.). Но в конкретной области, рассматриваемой нами, - образовании - мы уже видели, что период после Пелопоннесской войны - это именно то время, когда софистическое высшее образование стало отбрасываться как поверхностное и даже морально сомнительное, а задача обучения более острой и амбициозной молодежи перешла в руки более крупных специалистов - либо философов, таких как Платон и его последователи, либо раторов, таких как Исократ и Антифон. Сократ является связующим звеном между софистами и философскими школами. Исократ едва ли является таким связующим звеном, хотя и исповедует себя философом в обличье ратора. Хотя он и выступал против своих соперников софистов, его вряд ли можно отличить от них, кроме того, что он поселился в Афинах, избегал выставок (скорее по природной неспособности, чем по собственному желанию) и заявлял о своем консерватизме в религии и политике, в отличие от их скептицизма. Несправедливо, что выдающаяся респектабельность Исократа лично должна быть приведена в качестве еще одного отличия, когда мы принимаем справедливое мнение о высоких характерах ведущих софистов. Исократ, чьи взгляды, к счастью, сохранились в его собственном весьма распространенном отстаивании, был строго университетским преподавателем; и это было настолько хорошо признано, что *ученик Исократ* означало что-то вроде нашего А.В. Охон. Он вел регулярный курс и брал за свои уроки немалую плату. Его ученики приезжали со всех концов Греции и оставались у него надолго. Более того, он мог похвастаться тем, что самые известные государственные деятели получили у него образование и впоследствии пользовались его влиянием. Это высшее образование он называл *философией* и отличался от других исповедуемых софистов (по его словам) только скромностью своих обещаний и четким признанием, что он взялся лишь за улучшение природного таланта, а не за превращение глупого и невежественного юноши в человека острого и сильного.

§ 58. В речи в защиту своей жизни есть интересный отрывок, [\[52\]](#) который дает настолько ясное представление о преобладающих мнениях о высшем образовании в Афинах, что я свободно переведу его:

"Обычные нападки на нас бывают двух видов. Одни говорят, что обращение к софистам за образованием - это просто наглое самозванство; никогда не было открыто никакой системы обучения, с помощью которой человек мог бы стать умнее в речи или мудрее в делах, поскольку все, кто преуспевает в этих отношениях, по природе своей отличаются от остального человечества. Другие возражающие признают, что те, кто подчиняется этому обучению, действительно становятся лучше, но в плохом смысле и с моральными потерями, поскольку, получив власть, они используют ее для нанесения вреда своим ближним. Сейчас я опровергну оба этих возражения.

"Во-первых, давайте рассмотрим нелепость тех, кто осуждает все высшее образование. Они порицают его, действительно, как ничего не стоящее, как обман и самозванство, но при этом требуют от нас, чтобы наши ученики, как только они придут, показали полную перемену, чтобы после нескольких дней общения с нами они оказались лучше в разговоре и умнее своих старших по возрасту и опыту; но если они останутся на целый год, они все должны быть совершенными ораторами - как праздные, так и прилежные, как обычные, так и одаренные. Этого они ждут от нас, хотя мы никогда не давали подобных обещаний и хотя это противоречит аналогии со всеми другими видами обучения, в которых результаты приобретаются с трудом и каждый с разной мерой успеха, так что из всех школ всех видов только двое или трое становятся полными профанами, а остальные остаются просто средними любителями. Соответственно, возражающие достаточно глупы, чтобы требовать от обучения, которое они называют нереальным, влияния, неизвестного в признанном обучении всем искусствам и наукам! Таким образом, наше учение дискредитируется за то, что оно выполняет именно то, что делают другие искусства. Ибо кто из вас не знает, что многие из тех, кого отдали под начало софистов, не были навязаны, как утверждается, но стали, некоторые из них, настоящими экспертами в общественной жизни, другие - способными наставниками молодежи, и даже те, кто предпочел остаться в частной жизни, более отточенными в манерах, чем они были, и более точными критиками как аргументов, так и самых обычных вещей?

"Как же можно справедливо презирать занятие, которое дало такие результаты? Ведь разве не все люди признают, что наиболее сведущими в своем искусстве или ремесле считаются те, кто может сделать своих учеников такими же хорошими мастерами, как и они сами? Так вот, в философии именно это и произошло. Ведь сколько бы ни было на искренних и разумных гидов, они будут иметь такое фамильное сходство в манере выражаться, что любой сможет сказать, что они произошли от одного и того же воспитателя. Это сходство типажей является неопровержимым доказательством метода и системы, которым они были подвергнуты. Так же и любой из вас может назвать своих товарищей, которые, будучи детьми, были самыми невежественными из своих товарищей, но с возрастом стали намного превосходить в здравом смысле и красноречии тех, кто когда-то был далеко впереди них".

Далее оратор со свойственной ему элегантною рассеянностью излагает множество других вариантов развития той же главной идеи, и все они могут быть использованы почти без изменений любым, кто защищает наше университетское образование от вульгарных возражений, считающих, что на него тратятся огромные суммы времени и денег, а результата практически нет. Не отличается и то благо, которое он требует от своего высшего образования, от того, на которое могли бы претендовать наши университеты, если не считать материального блага в виде премий и степеней.

§ 59. Своеобразная позиция Исократы заключалась в оппозиции как к софистам, так и к философам, и в то же время в сходстве с ними. Он присоединился к софистам, выдвигая скептические возражения против тонких теорий метафизиков и комментируя

незначительные результаты их сложных спекуляций. Вместе с философами он нападал на хвастливые притязания софистов, претендовавших на то, что они учат всему. Но он присоединился к более практичной стороне, поставив обучение риторике - обучение стилю - превыше всего. Было много причин, почему именно так должно было обстоять дело с высшим образованием в Афинах. В эпоху, когда книги были в дефиците, а читающая публика была малочисленна; когда публицистическая власть существовала только для поэтов, а все государственные дела решались путем обсуждения либо в собрании, либо на частных встречах, - в таком обществе способность ясно и изящно излагать свои мысли была высшим и лучшим результатом образования. Тогда не мог считаться образованным ни один человек, не обладавший этой способностью, так же как сегодня не называют образованным человека, не умеющего писать на правильном английском языке; более того, изящная английская речь справедливо считается свидетельством глубокой и общей культуры. Ведь мы настолько строгие судьи в этом вопросе, каждый считает себя настолько способным оценить красоту и выявить недостатки, что человек, который может пройти через огонь критики невредимым, должен быть действительно оснащен не обычной подготовкой и может быть назван действительно культурным человеком. Это объясняет нам огромную важность риторики в системе Исократ - важность, возможно, усиленную его чувством, что здесь он действительно мог оказать великую и уникальную услугу. Он, очевидно, полагался на природное материнское остроумие, чтобы подсказать идеи своим ученикам; он, очевидно, предполагал, что они усвоили обычные элементы культуры в своих начальных школах. Насколько нам известно, он не обучал их ничему, кроме тщательного расположения материала, плавного перехода аргументов и совершенства выбора и сочетания слов. В этом вопросе стиля Исократ может считаться не только величайшим мастером, который когда-либо жил, но и отцом периодического или ораторского стиля на всех языках Европы. Демосфен, Цицерон, святой Иоанн Златоуст, Массильон, Берк - все эти бессмертные люди извлекли пользу из анализа выражения, который через Исократ впервые сформировал греческую прозу, а через нее - заимствованные грации тех, кто следовал греческим образцам.

§ 60. Более подробное описание этой системы означало бы обсуждение не образования, а риторики, и мы должны отослать читателя к трактатам на эту тему. Здесь нам нужно лишь обратить внимание на то, как интенсивно *изучалось* греческое красноречие и как они достигали совершенства в прозе - не путем тех нарушений приличий, которые сегодня радуют наш пресыщенный вкус и которые, когда они достаточно сильны, как в случае с Карлайлом, даже выдаются за мысли и для многих являются показателем глубокой оригинальности в чем-то или чем-то другом, - а путем тщательного и постоянного следования правилам, часто тривиальным, а в целом - мельчайшим.

Для нас, современных, очень любопытно читать подробности этих вещей у старых риториков. Ни в одной греческой оратории нет ни одного очевидного штриха - слова, повторенного с особой силой, внезапного обрыва, гневной вспышки, даже "*разве ты не видишь?*" или "*Боже мой!*" или "*дорогой мой!*", - который не был бы отмечен как *фигура дикции* или *фигура мысли* и не был бы подчинен дисциплине правил. Нам даже говорят, что Демосфен писал свою прозу в ритме и избегал использования более двух коротких слогов вместе. Исократ, несомненно, ввел закон против хиатуса - против того, чтобы завершать слово и начинать следующее с гласных - закон, принятый всеми прозаиками его эпохи. Таким образом, формальное обучение риторике, должно быть, не было легкой задачей для учеников Исократ и других риториков, а писать или говорить на хорошем греческом языке было гораздо более строгим и трудным делом, чем писать по-английски так, чтобы это не вызывало сомнений у критиков.

§ 61. Тем не менее, есть повод для удивления, что *вопрос* о высшем образовании, об идеях, которые необходимо приобрести, должен был быть представлен косвенно, под видом подготовки к публичным выступлениям. Несомненно, это был искусственный и неестественный порядок вещей. Подчинять материю знаний форме - всегда ошибка. Но мы можем хотя бы представить себе положение учеников Исократы, если сравним его с положением популярных проповедников, столь влиятельных поколение назад, да и сейчас играющих не последнюю роль в обществе. Я знал не одного из этих выдающихся людей, которые с большой тщательностью занимались самообразованием в целом и во всех направлениях, чтобы обеспечить себя материалом для своих выступлений. И это очень благонамеренное, законное и честное образование, хотя и извращенное по порядку и, как у Исократы, вряд ли ведущее к действительно глубоким и основательным знаниям. Нам рассказывают, что в наше время есть люди, которые читают всевозможные книги ради разгадывания двойных акростихов, и я слышал, как умные люди отстаивали этот глупый вид загадок как способствующий общему образованию!

Таким образом, школа Исократы стояла бок о бок и соперничала со школами Платона и Аристотеля, как одна из тех, в которых изящество форм и поверхностная, но изящная культура давались высшей молодежи вместо точных наук и метафизики, которые не подходили для общественной жизни. Это был контраст, подобный оксфордскому и кембриджскому типу в Англии. Неудача самого Исократы как политика и то малое влияние, которого достигли его открытые письма о политике, заставили более мудрую часть людей еще дальше отойти от софистического аспекта его учения, от смешения философии и политики с риторикой; и таким образом они снова разделили свое обучение на строго риторическое, как это уже было начато Лисиасом и продолжено Исеем, и философское, для которого теперь предлагалось все большее число школ. По мере того как политическое могущество Греции ослабевало, а ее литературное и художественное величие становилось общепризнанным, Афины превратились в образовательный центр, куда стекалась молодежь из всех уголков цивилизованного мира для получения образования. Эта более поздняя история греческой культуры займет нас в нашей [последней главе](#). Но сначала мы должны кратко рассказать о более глубоких теориях государственного образования, которые оставили нам Платон и Аристотель, в отличие от поверхностной популярности Исократы.

ССЫЛКИ

[52] Περί ἀντιδόσεως, p. 98 sq.

ГЛАВА X.

ГРЕЧЕСКИЕ ТЕОРЕТИКИ О ВОСПИТАНИИ - ПЛАТОН И АРИСТОТЕЛЬ.

§ 62. Обычно в книгах о греческом образовании очень много места уделяется обсуждению "Республики" и "Законов" Платона и "Политики" Аристотеля, поскольку они содержат подробные и систематические рекомендации по воспитанию молодежи. Но государства обоих философов идеальны, причем у Аристотеля не меньше, чем у Платона; и, хотя воспитательная часть работы Аристотеля кажется фрагментарной и незаконченной, мы не

можем утверждать, что дальнейшее развитие привело бы ее в рамки практической политики. Понятия Платона были, по общему признанию, теоретическими, и все его комментаторы обсуждают их как таковые; но некоторые ученые дали себе бесконечный труд выяснить, сколько в его системе, особенно в более спокойных и менее экстравагантных "Законах", было заимствовано из реальной жизни и из реальных государств, а не из творений его собственной фантазии. Но почти во всех деталях это различие чисто умозрительное. Именно за неимением положительных доказательств эти теории приобрели такое неоправданное значение. Для философского теоретика и реформатора образования рассуждения таких великолепных интеллектуалов в ранний постмеридиан славного дня Греции должны быть всегда наиболее привлекательными и наводящими на размышления; но не имеет смысла переносить в практическую книгу или в исторический отчет то, что никогда не было реализовано.^[53] Эти рассуждения, однако, могут справедливо найти здесь ограниченное место, чтобы показать, какой общий эффект уже описанное практическое образование произвело на самых передовых мыслителей того времени.

К сожалению, мы снова имеем дело только с аристократической стороной, которая утверждает, что государство имеет первостепенное значение и вмешивается во всю индивидуальную и частную жизнь. Если бы у нас были рассуждения Ликофрона и его школы, которые с истинно демократическим инстинктом считали, что законы полезны только для подавления преступлений, а остальная жизнь гражданина должна оставаться свободной и бесконтрольной, наши представления о теориях греческого образования могли бы значительно измениться. Но, с другой стороны, мы сохранили для себя эллина из эллинов; школа Ликофрона могла бы рекомендовать нам только то, что мы знаем из практического опыта современного общества.

С самого начала Платон и Аристотель придерживаются вполне определенных принципов. Они исходят из того, что государство должно вмешиваться повсюду и контролировать всю жизнь человека. Так, великолепная афинская демократия, в которой жил Платон, не смогла отучить его от узких предрассудков. Он презирал блага, которыми владел, и тосковал по спартанскому идеалу, хотя его недостатки были достаточно очевидны перед его глазами.^[54] Еще хуже то, что широкая перспектива, открытая Александром для большего слияния идей и разнообразных форм общества, не смогла освободить интеллект Аристотеля от его укоренившейся эллинской узости. Необходимо с самого начала заявить этот решительный протест в связи с хором восхищения, который поют педанты и педагоги наших дней по поводу этих совершенно непрактичных и ретроградных теорий. Современному читателю о многом скажет один факт. Обе они рассматривают небольшое число граждан и, более того, небольшой предел территории, как необходимые для их схем, поскольку ни в большом городе, ни на большой территории невозможен точный и вечный надзор со стороны государственной полиции и управления.^{55]} Это само по себе показывает, насколько древними они должны были казаться даже в следующем веке, когда греки проснулись с амбициями править царствами на Востоке.

§ 63. И все же были некоторые моменты, в которых эти мыслители, особенно Платон, были гораздо более основательны, чем мы, главным образом из-за полного отсутствия тех сантиментов или сентиментальности, которые заражают современную жизнь. Ведь Платон, как в "Республике", так и в "Законах", настаивает на том, что образование будет малоэффективным, если дети приходят в мир деформированными в теле и искаженными в разуме из-за плохого физического и психического состояния их родителей. В некоторых из этих случаев греческое общество было с ним согласно. Ведь в большинстве государств, и уж точно в Спарте, распространение наследственных болезней считалось преступлением, и

люди были избавлены от отвратительного зрелища, когда больного золотухой или глухонемого наследника великой фамилии сватали в супруги, чтобы увековечить несчастья или пороки его предков.

Но Платон пошел дальше и заявил, что производство самого важного животного, человека, должно регулироваться с еще большей тщательностью, чем производство низших животных, в котором такие поразительные результаты были получены путем искусственного отбора. Поэтому он рекомендовал в своем идеальном государстве не общность жен - Боже упаси, чтобы мы вслед за Аристотелем повторили эту грубую клевету, - а тщательный государственный отбор подходящих пар и их торжественный союз под видом указания Провидения путем обращения к жребию. Эти браки должны были заключаться в определенное время, а все дети, рожденные от них в течение года, считались общими детьми всех: здесь вполне уместно применить слово "*община*". Он нигде не сказал нам, должны ли в последующие годы одни и те же родители оставаться в браке, и поэтому мы не знаем, были ли его браки временными или нет. Полагаю, этот момент не имел для него особого значения. Если потомство получалось хорошим, то ничего не менялось; если плохим, то, конечно, государственные попечители не давали разрешения на продолжение нездорового союза. Таким образом, хотя Платон и был готов отвести сентиментальности место и представить решение правителей государства как волю Провидения, браки, якобы заключенные на небесах, должны были быть разрешены только в строгом соответствии с целью улучшения расы.

Возражения против того, что такое устройство разрушит святость и влияние семьи и тем самым упразднит наш самый мощный двигатель раннего воспитания, не вызывали возражений у Платона. Он хотел упразднить отдельные семьи и избавить детей от тирании, потворства и некомпетентности отдельных родителей, чтобы поставить их под государственную дисциплину. А государство было не чем иным, как одной огромной семьей, если говорить о высших классах. Для нас, живущих в больших королевствах, знающих, что семья является законом для отдельных людей в обычной жизни и что схемы государственного образования не могут заменить ее, все системы, отменяющие святость дома, неприемлемы.

§ 64. Ни один пункт в схеме Платона не вызывает сегодня у передовых мыслителей большего сочувствия, чем тот, что касается уравнивания полов в воспитании и подчинения женщин тому же обучению и обязанностям, что и мужчин. Ведь он считал, что, хотя природа не сделала женщин такими же сильными, как мужчины, и их важные функции в производстве расы ставят их в некоторые неудобства и ограничения, тем не менее, нет никаких оснований предполагать постоянное различие в роде. Если подобную теорию большинство людей в современном обществе считают революционной, то какой же она должна была быть во времена и среди людей эпохи Платона! Здесь, опять же, он руководствовался преувеличенной оценкой свободы и значимости спартанских женщин, которые в молодости поощрялись к публичным упражнениям, а выйдя замуж, имели на своих мужей влияние, намного превосходящее влияние женщин в других греческих семьях. Но при этом нельзя забывать о низкой культуре мужчин, их преданности военному делу и вытекающей отсюда необходимости для женщин использовать свои собственные суждения в управлении домом.

§ 65. С другой стороны, если мы можем на мгновение отвлечься из-за интереса и важности этой темы, нет никаких веских причин, почему физическому производству расы не должно уделяться бесконечно больше внимания, чем это делается в рамках нашего нынешнего социального устройства. Во-первых, хотя сентиментальные причины вступления в брак все еще выдвигаются на первый план, и хотя на свадебных речах и в любовных переписках некое

божественное предопределение или сентиментальное принуждение, называемое влюбленностью, принимается за единственную действенную причину браков, мы знаем, что многие разумные соображения вмешиваются и являются реальными мотивами действий. Эти мотивы - приобретение богатства, положения или связей, желание домашнего уюта и жизни, независимой от внешних развлечений, спокойное взаимное уважение - достаточно часто признаются даже теми людьми, которые пародируют сентиментальные причины; и всякий раз, когда брак кажется подходящим с рациональной точки зрения, сваты не жалеют труда, чтобы побудить молодых людей представить себя привлеченными вместе какой-то тонкой и сентиментальной близостью, как опекуны Платона, которые должны были претендовать на провиденциальный жребий в качестве своего проводника.

Если это так, если даже сейчас в цивилизованных странах есть классы людей, которые открыто исповедуют благоразумие как лучшее основание для вступления в брак, то потребуются только лучшее воспитание общественного мнения, чтобы люди смогли продвинуться до позиции, что физическая и умственная сила детей - это мотив, который должен сознательно учитываться при выборе. Сначала мы можем достичь стадии избегания наследственного пятна, как сейчас люди избегают инфекционных заболеваний. Такое избегание в конечном итоге искоренит или сведет к минимуму это зло, и раса избежит значительной части самых страшных и безнадежных физических страданий. Затем систематическое и целенаправленное стремление к тому, чтобы рождались здоровые дети, откроет множество неизвестных сейчас условий, когда так много наших союзов являются результатом случайности или скупости, или, что еще хуже, страсти. Ученые начнут вести наблюдения за различием физических предков, которые вызывают столь любопытные различия в детях одного дома. И настанет день, когда из совокупности таких наблюдений можно будет вывести ценные практические правила. Таким образом, мы сможем улучшить нашу расу, как это делали спартанцы в старой Греции; и они, как мы знаем, добились успеха в достижении того, к чему стремились - высокого среднего уровня физической силы и красоты.

Все это, мы можем надеяться, будет лишь введением к гораздо более важной, но гораздо более сложной проблеме - определению условий, которые порождают гениальность. Нет причин сомневаться в том, что эти условия в основном преходящи, ведь гениальность не является неизменным наследием, самые великолепные экземпляры происходят от малоизвестных и заурядных родителей. Да и простое сочетание подходящих родителей не дает равномерного эффекта без других, более ограниченных условий. Ведь мы видим, что великие лидеры мира иногда являются единственными детьми, иногда старшими, иногда младшими, или находятся в середине семьи братьев и сестер, таких же малоизвестных, как и их родители. Таким образом, тщательное наблюдение не только за родителями, но и за конкретными этапами их жизни, которые привели к появлению интеллектуально великолепного потомства, - это то, от чего мы не можем ожидать света в течение длительного времени, и пока люди не привыкнут считать общее улучшение расы гораздо более важным, чем сейчас. Если бы такие результаты можно было получить хотя бы приблизительно - если бы хотя бы в одном случае из десяти можно было бы добиться интеллектуального совершенства, как мы воспроизводим физические совершенства, - тогда, действительно, совершенствование человечества перестало бы быть туманной мечтой, а проявило бы некоторые признаки частичного осуществления.

Стоит ли надеяться, что такой прогресс идей произойдет в наши дни? Возможно, мы уже вышли из той стадии, когда люди считают гений рожденным на небесах и прямым даром богов, не зависящим ни от каких природных условий. Если он действительно рожден на

небесах, то теперь признается, что он стал таковым благодаря сочетанию естественных причин. Но, с другой стороны, наши лучшие и самые утонченные люди с глубоким отвращением отшатнутся от научного анализа таких условий; они воскликнут, что возможные преимущества - ничто по сравнению с осквернением той тайны, которая была освящена таинствами Церкви и защищена от профанных исследований облаком нежных чувств. Если свести священный союз брака к преднамеренному и научному производству обусловленного потомства, то, по их словам, будет разрушена вся святость этих отношений, а вместе с ней чистота и достоинство наших домов.

На эти весомые и уважаемые возражения можно ответить, что было бы глупо и неправильно пытаться провести какую-либо реформу вопреки единодушному мнению тех людей, которые только и могут ее осуществить - наших самых трезвых и утонченных классов. До тех пор, пока эти настроения не будут постепенно изменены с помощью аргументов, и на них не начнут смотреть как на почтенное и благородное суеверие, ничего не удастся сделать. Но исторический опыт показывает, что самые уважаемые и святые чувства, если они иррациональны, могут быть постепенно устранены благодаря прогрессу в том, что мистер Леки называет *рационализмом*, или интеллектуальным просвещением. Уже сейчас мы можем отметить тот важный факт, что в тех странах и в те эпохи, когда браки заключались из соображений благоразумия, они не были менее священными, а домашняя жизнь - менее чистой, чем там, где на первый план выходили смутные и иррациональные чувства. Ирландцы из низших слоев общества так же верны и счастливы в своих домах, а брачные узы священны и почитаемы, как нигде в мире; и все же среди них редко встречаются любовные отношения. Речь идет о коровах и свиньях, о наследовании фермы, а зачастую и о договоренности с хозяином по его собственным причинам; и все же эти браки так же счастливы и так же чисты, как если бы они были результатом великой взаимной страсти. То же самое можно сказать и о супружеской жизни в сельских районах Франции, где бережливые и предусмотрительные люди приспособляют свои союзы к обстоятельствам и оставляют экстравагантность великой страсти поэтам и парижанам.

История Греции предлагает более яркий пример. Если мы спросим, где в Греции дом пользовался наибольшим почетом и святостью, где мать-домохозяйка пользовалась наибольшим почетом и общественным значением и где нарушения верности были самыми редкими, никто не задумываясь ответит: в Спарте. Однако в Спарте все чувства, вся деликатность брачных уз были принесены в жертву обязанности производить на свет здоровых детей для государства. Плутарх рассказывает нам о положении вещей, которое современные люди сочли бы полностью разрушающим всякую чистоту: старики уступали свои права на временные союзы и обмены ради желанного потомства. Спартанские мужчины и женщины не были лишены чувств в отношении брака, отстаивая честь и святость брачных уз; но их чувства заставляли их рассматривать прекрасное потомство как самый благородный результат брака, по отношению к которому все остальные соображения были второстепенными. Поэтому именно в соответствии со своими чувствами они принимали те же меры предосторожности в отношении физического совершенства, которые более поздний и мудрый век может принять в отношении интеллектуального и морального совершенства.

Эта возможность улучшения интеллекта путем тщательного отбора была недоступна пониманию Платона; он думал только о физических качествах при организации своих союзов. Но одним из самых примечательных моментов в его исключительном и аристократическом обществе является то, что он предусмотрел возможность усыновления любого особенно способного ребенка из эксплуататорского класса среди его опекунов,

чтобы они могли извлечь пользу из этого случая. Предусматривается также деградация бедных или нездоровых детей из высшего класса.

Годы обучения он распределяет следующим образом: Оно делится на три части. Начиная с изучения соответствующих мифов и сказок, он переходит к легкой гимнастике, затем к музыке и поэзии, с чтением, письмом, арифметикой и элементарной математикой, все это занимает от седьмого до восемнадцатого года, и таким образом соответствует нашему школьному образованию. Затем идет военная подготовка до двадцатого года - подразделение, которому у нас, не имеющих воинской повинности, нет аналогии, как у немцев. Далее следует второе отделение высшего образования по чистой и прикладной математике в течение десяти лет и третье по метафизике в течение пяти лет. Они, конечно, довольно широки по отношению к практической схеме, и предназначены для формирования тех философских правителей, которые будут рассматривать всю свою жизнь здесь как подготовку к более высокой сфере.

§ 66. Его взгляды на детали музыки и гимнастики существенно не отличаются от взглядов практических педагогов, о которых мы говорили, за исключением того, что он предлагает обучать свой опекунский класс с большим количеством деталей и обстоятельств, чем это возможно для любой обычной публики.

Он непрактичен и даже абсурден в своей любопытной щепетильности в отношении сказок и легенд, которые должны изучать дети. Он возражает против Гомера, трагедий, еще более комедий, и, несомненно, против фольклора того времени, как прививающего низменные и безнравственные взгляды на богов и их отношения к людям. В сказках Бог всегда представляется единым и совершенно добрым. Он даже заходит так далеко - но здесь он вряд ли может быть серьезен - что рекомендует детям учить наизусть его законы вместо поэзии и мифов! [57] Во всех своих замечаниях на эту тему он явно игнорирует культуру воображения как таковую, которую мы признаем настолько важной, что даже терпим или не замечаем безнравственность или явные вымыслы, стремясь этот вид развлечения и культуры детей. В самом деле, несомненно, что, когда детям рассказывают сказки *как таковые*, аморальные поступки реальной жизни, такие как грабежи и убийства, становятся лишь аксессуарами воображаемой жизни, в которой, как правило, существует грубая справедливость.

Даже не считая этого конкретного вопроса, мы находим во всей теории воспитания Платона очень недоброжелательное отношение к любой свободе мнений или свободе жизни молодежи его государства. В "Законах" он заходит так далеко, что объявляет ересь мнений уголовным преступлением и наказывает тюремным заключением тех, кто не желает подчиняться доктринам законодателя. Если что-то и может склонить нас отвергнуть "Законы" как не подлинную работу ученика Сократа, так это эта странная узость взглядов, которая заставляет Грота утверждать, что реальные Афины времен Платона превосходили созданный им идеал. Но доктринеры всех веков ненавидят человеческую свободу. Греки, похоже, тоже никогда не были вынуждены под давлением обстоятельств отмечать окончание формального образования определенным сроком, подобно нашему выпуску из университета, когда молодой человек должен выйти в мир и отныне заниматься практической жизнью.

§ 67. Просветительская книга "Политики" Аристотеля (VII. в принятом ныне порядке) - это всего лишь фрагмент, который предлагает множество проблем, но решает лишь немногие. Даже с учетом некоторых важных поправок из "Этики", мы находим ее узкой и старомодной схемой педанта-грека, написанной с восхищением искусственной дисциплиной Спарты и неспособной понять даже гораздо более великолепный эллинский идеал, набросанный

Фукидидом в его речи о Перикле. Однако из "Этики" мы знаем, что он чувствовал существенную важность семейных уз между мужем и женой, между родителями и детьми. Поэтому он отвергает предложение Платона об упразднении семьи и настаивает на том, что идеальное государство должно состоять из домохозяйств в строгом смысле этого слова. Но, с другой стороны, он вполне согласен с мнением Платона, что социальные и моральные аспекты брака ни в коем случае не противоречат строгому контролю за производством здоровых детей со стороны государства. Он предвосхитил то положение вещей, о котором говорилось выше, когда муж и жена будут по-прежнему чувствовать глубокую святость и глубокую верность своих отношений и при этом не оставят на волю случая самый важный, а может быть, и единственный, с точки зрения государства, продукт своего союза. Он так же осторожно, как Платон, рекомендует заботиться о нерожденных детях, уделяя внимание воздуху и физическим упражнениям их матерей. Он еще более безжалостен, выступая за уничтожение незаконнорожденного потомства, как до, так и после рождения. Он, как и Платон, не может представить себе идеальное государство, способное настолько расшириться, чтобы вместить в себя огромный народ, и не может обойтись без инвалидности для большинства его членов, таких как рабы и рабочие.

Он не предполагает очень долгого и тщательного обучения платоновских опекунов, поскольку представляет себе этот мир не как подготовку к другому, а как самоцель. И, вероятно, именно по этой причине он превосходит Платона в анализе функции утонченного отдыха и облагораживания досуга эстетическими удовольствиями. Так, он видит, что музыка должна использоваться в качестве отдыха для молодежи, а также как двигатель нравственного воспитания. В своей "Поэтике" он объясняет, что драматическая поэзия - это не просто вымысел, который должен быть изгнан из идеального государства как обучающий лжи или изображающий преступление, а представление человеческой жизни, более глубокое и философское, чем история, поскольку история только расширяет интеллект, а драма еще и очищает эмоции зрителя. Можно даже утверждать, что история расширяет интеллект только в том случае, если она задумана как драма - развитие человеческого характера, а не как простое изложение фактов.

Хотя он не утверждает так ясно, как Платон, что гимнастика - это в основном тренировка характера, он выступает против физического воспитания, которое изучает только развитие мускулов, на том основании, что, если оно чрезмерно, оно наносит ущерб своей цели, вызывая нездоровое состояние; и что, поскольку мы не можем работать над телом и умом вместе с какой-либо строгостью, оно должно обычно совпадать с невежеством или безграмотной жизнью. Даже спартанская военная подготовка, которую они противопоставляли атлетической, попадает под его осуждение.

Он не признает, вместе с Платоном, равенства полов, но считает, что функции женщин отличаются от функций мужчин и поэтому не могут быть усовершенствованы путем одинакового обучения. Таким образом, в целом он более тихий и консервативный, но и менее наводящий на размышления, чем его великий учитель.

§ 68. Главная ценность его фрагмента о воспитании заключается в том, что он показывает, насколько подробно обсуждалась эта тема в его время. Так, определив, что гражданская сторона гражданина имеет огромное значение и что, следовательно, все образование должно быть общественным и одинаковым для всех, как в Спарте, он продолжает свою аргументацию:[\[58\]](#) "Что же такое образование, и как мы должны воспитывать? Ведь до сих пор нет согласия в этом вопросе; все люди не придерживаются одного мнения относительно того, чему должны учиться молодые люди, чтобы достичь совершенства или лучшей жизни; нет согласия и в том, должно ли образование быть направлено на развитие интеллекта или

нравственного характера. Более того, с обычной точки зрения дело совсем запутано, и никому не ясно, чему мы должны учить - тому, что ведет к добродетели, тому, что полезно для обычной жизни, или абстрактным наукам. У всех этих альтернатив есть свои сторонники. Опять же, что касается того, что ведет к добродетели, то здесь нет общего согласия, поскольку, поскольку люди не согласны в том, что они почитают как таковое, они, конечно же, не могут согласиться и с тем, что нужно тренироваться, чтобы получить это. Что касается того, что полезно для жизни, то очевидно, что есть некоторые необходимые вещи, которым нужно учить, и столь же очевидно, что есть другие, которым учить не нужно. Все профессии делятся на те, которыми свободный человек должен заниматься, и те, которыми он заниматься не должен, и, следовательно, это дает нам возможность ограничить обучение полезным искусствам". Далее он показывает, что ни одно ремесло не является джентльменским, если оно пагубно влияет на тело или порабощает разум, если им занимаются по найму. Даже изящные искусства, если они изучаются таким образом или профессионально, являются, по его мнению, недостойным занятием, и ими следует заниматься только в юности в качестве отдыха или эстетической тренировки; чтобы в среднем возрасте люди могли быть компетентными судьями таких произведений и либо лучше наслаждаться ими (как в музыке), либо меньше подвергаться обману (как при покупке произведений искусства). Применив эти принципы к атлетике, о которой он почти ничего не говорит, кроме рекомендаций об умеренности и против любого профессионального обучения, он переходит к вопросу о музыке, по которому мы уже приводили взгляды, которых он придерживался вместе с наиболее серьезными греческими просветителями. По этому вопросу тоже были разногласия. Перед ним три теории: просто ли это *развлечение* (παῖς), или двигатель *воспитания* (παῖς), или эстетское *удовольствие* (διδασκαλία)?[59] Возможно, мы слишком долго останавливались на этих теориях, но нам показалось желательным дать читателю *locus classicus* по эллинской теории музыки, которая обсуждалась выше (§ 43) и которая, несмотря на все наши исследования греческой жизни, все еще остается довольно странной и невероятной для современных теоретиков в области образования.

§ 69. Есть еще одна схема воспитания, оставленная нам классической эпохой Греции, - "Воспитание Кира" Ксенофонта, в которой, в форме очень утомительного романа о жизни персидского царя, дается теория воспитания принца и его окружения, которая, возможно, заслуживает нескольких слов в заключение этой главы.[60] Он разделяет с Платоном и Аристотелем убеждение, что частное воспитание с одними лишь запретительными законами для руководства гражданином совершенно недостаточно. Все теоретики были согласны с тем, что должно быть единое общественное воспитание, и полагали, что преступность будет в значительной степени исключена благодаря такому эффективному обучению.

Ксенофонт, разделяя период воспитания на отрочество до шестнадцати лет и *юность* (ἐφηβεία) до двадцати шести, обеспечивает мальчикам регулярное общественное воспитание, объединяя их в своего рода полис, где их обучением занимаются специальные государственные мастера, а их ссоры и проступки разрешаются собственными трибуналами. На старших юношей возлагается вся полицейская и патрульная служба, а также сопровождение царя на охоте, особенно на хищных зверей. С такого рода упражнениями Ксенофонт познакомился на Востоке и признавал их превосходство над обычной гимнастикой. Но музыкальное образование, которому Платон и Аристотель придавали такое значение, он полностью опускает, не объясняя причин. Возможно, он на собственном опыте убедился, что великие арийские вельможи были людьми утонченными и понимали гармонию жизни не меньше, чем более теоретичные греки. Он также отличается от них тем, что в одиночку признает важность системы, которая будет управлять не одним ограниченным городом, а империей, состоящей из различных народов и языков. Однако его образование,

как следствие, является лишь дорогой и эксклюзивной подготовкой господствующей аристократии и не предполагается обязательным для простого гражданина. В его государстве все высшие официальные должности могут быть достигнуты только благодаря этому образованию.

В этой схеме нет других идей, которые сделали бы ее достойной особого рассмотрения. Спартанская система ослепила зрение всех этих спекулянтов и не позволила им понять истинный характер свободного и разнообразного развития индивидуального гения.

ССЫЛКИ:

[53] Мало кто слышал о попытке основать Платонополис в Италии в эпоху Возрождения.

[54] Конечно, он видел и признавал эти недостатки; но очевидно, что он считал их лишь недостатками деталей, которые можно устранить путем лучшего устройства; в то время как афинская демократия казалась ему радикально несостоятельной. И все же могла ли Спарта когда-либо создать такой великолепный отрывок истории, как поведение афинской армии на Самосе, когда пришло известие (411 г. до н. э.), что конституция их города была свергнута и установлена олигархия? Пусть читатель обратится к главе Гроте, посвященной этому.

[55] Платон даже настаивает на фиксированном количестве - 11 080 мужчин и столько же женщин, причем избыток должен быть предотвращен либо путем облечения младенцев, либо перевозом взрослых в колонии.

[56] Критики показали, что Платон постепенно смягчал свои рекомендации по этому вопросу. В "Тимее" он говорит так, будто никогда не рекомендовал обнажение, а лишь переводил детей нездоровых родителей в третий класс общества. В "Законах" (если это действительно его работа) он опускает этот вопрос, хотя следовало ожидать, что он будет его обсуждать. Произошло ли это от постепенного развития человечности в самом Платоне или от негативной критики того времени, мы не можем сказать. Немецкие критики (Целлер, Зюземиль и др.) придерживаются первого мнения; я же склоняюсь ко второму, хотя его преемник, Аристотель, как они отмечают, еще более бесчеловечен.

[57] Это в "Законах", подлинность которых не вызывает сомнений.

[58] vii. 2.

[59] viii. 5, §§ 3-10: Περί δὲ μουσικῆς ἔνια μὲν διηπορήκαμεν τῷ λόγῳ καὶ πρότερον, καλῶς δ' ἔχει καὶ νῦν ἀναλαβόντας αὐτὰ προαγαγεῖν, ἵνα ὥσπερ ἐνδόσιμον γένηται τοῖς λόγοις, οὓς ἂν τις εἴποι ἀποφαινόμενος περὶ αὐτῆς. Οὐτε γὰρ τίνα ἔχει δύναμιν, ῥᾶδιον περὶ αὐτῆς διελεῖν, οὐτε τίνος δεῖ χάριν μετέχειν αὐτῆς, πότερον παιδιᾶς ἔνεκα καὶ ἀναπαύσεως, καθάπερ ὕπνου καὶ μέθης- ταῦτα γὰρ καθ' αὐτὰ μὲν οὔτε τῶν σπουδαίων, ἀλλ' ἡδέα καὶ ἄμα παύει μέριμναν, ὥς φησιν Εὐριπίδης- διὸ καὶ τάττουσιν αὐτὴν καὶ χρῶνται πᾶσι τοῦτοις ὁμοίως οἶνω καὶ μέθῃ καὶ μουσικῇ- τιθέασι δὲ καὶ τὴν ὄρχησιν ἐν τοῦτοις. Ἡ μᾶλλον οἰητέον πρὸς ἀρετὴν τι τείνειν τὴν μουσικὴν, ὥς δυναμένην, καθάπερ ἡ γυμναστικὴ τὸ σῶμα ποῖόν τι παρασκευάζει, καὶ τὴν μουσικὴν τὸ ἦθος ποῖόν τι ποιεῖν, ἐθίζουσιν δύνασθαι χαίρειν ὀρθῶς- ἢ πρὸς διαγωγὴν τι συμβάλλεται καὶ πρὸς φρόνησιν; καὶ γὰρ τοῦτο τρίτον θετέον τῶν εἰρημένων. Ὅτι μὲν οὖν δεῖ τοὺς νέους μὴ παιδιᾶς ἔνεκα παιδεύειν, οὐκ ἄδηλον- οὐ γὰρ παίζουσι μανθάνοντες- μετὰ λύπης γὰρ ἢ μάθησις- ἀλλὰ μὴν οὐδὲ διαγωγὴν τε παισὶν ἀρμόττει καὶ ταῖς ἡλικίαις ἀποδιδόναι ταῖς τοιαύταις- οὐθενὶ γὰρ ἀτελεῖ προσήκει τέλος. Ἀλλ' ἴσως ἂν δόξειεν ἡ τῶν παίδων σπουδὴ παιδιᾶς εἶναι χάριν ἀνδράσι γενομένοις καὶ τελειωθεῖσιν. Ἀλλ' εἰ τοῦτ' ἐστὶ τοιοῦτον, τίνος ἂν ἔνεκα δέοι μανθάνειν αὐτοὺς, ἀλλὰ μὴ, καθάπερ οἱ τῶν Περσῶν καὶ Μήδων βασιλεῖς, δι' ἄλλων αὐτὸ ποιούντων μεταλαμβάνειν τῆς ἡδονῆς καὶ τῆς μαθήσεως; καὶ γὰρ ἀναγκαῖον βέλτιον ἀπεργάζεσθαι τοὺς αὐτὸ τοῦτο πεποιημένους ἔργον καὶ τέχνην τῶν τοσοῦτον

χρόνον ἐπιμελουμένων, ὅσον πρὸς μάθησιν μόνον. Εἰ δὲ δεῖ τὰ τοιαῦτα διαπονεῖν αὐτοὺς, καὶ περὶ τῶν ὧν ὄψων πραγματεῖαν αὐτοὺς ἂν δέοι παρασκευάζειν- ἀλλ' ἄτοπον. Τὴν δ' αὐτὴν ἀπορίαν ἔχει καὶ εἰ δύναται τὰ ἥθη βελτίω ποιεῖν- ταῦτα γὰρ τί δεῖ μαθάνειν αὐτοὺς ἀλλ' οὐχ ἑτέρων ἀκούοντας ὀρθῶς τε χαίρειν καὶ δύνασθαι κρίνειν; ὥσπερ οἱ Λάκωνες- ἐκεῖνοι γὰρ οὐ μαθάνοντες ὅμως δύνανται κρίνειν ὀρθῶς, ὡς φασι, τὰ χρηστὰ καὶ τὰ μὴ χρηστὰ τῶν μελῶν. Ὁ δ' αὐτὸς λόγος καὶ εἰ πρὸς εὐημερίαν, καὶ διαγωγὴν ἐλευθέριον χρηστέον αὐτῇ- τί γὰρ δεῖ μαθάνειν αὐτοὺς, ἀλλ' οὐχ ἑτέρων χρωμένων ἀπολαύειν; Σκοπεῖν δ' ἔξεστι τὴν ὑπόληψιν ἣν ἔχομεν περὶ τῶν θεῶν-.

οὐ [δὲ] γὰρ ὁ Ζεὺς αὐτὸς ἀεῖδει καὶ κιθαρίζει

τοῖς ποιηταῖς- ἀλλὰ καὶ βαναύσους καλοῦμεν τοὺς τοιούτους, καὶ τὸ πράττειν οὐκ ἀνδρὸς μὴ μεθύοντος ἢ παίζοντος.

[60] Вторая глава его первой книги дает общее описание образования у персов, которое, конечно, является причудливым наброском, приспособленным к его собственным теориям.

ГЛАВА XI.

РОСТ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ - УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЖИЗНЬ В АФИНАХ.

§ 70. В предыдущих главах уже говорилось о том, что в ранний, строго классический период греки никогда не думали о том, чтобы наделять или регулировать высшее образование. Тщательная система обучения в Спарте, поддерживаемая и контролируемая государством, едва ли включала в себя даже начальное образование. Полисные правила, о которых упоминалось в Афинах, касались только деталей управления частными школами, причем только начальными, в которых работали мастера, назначенные самостоятельно и поддерживаемые спросом на них или их популярностью в своем районе. Нигде мы не находим ничего, приближающегося к государственному финансированию или регулированию университетского образования. На самом деле потребность в таком высшем образовании возникла только тогда, когда греческий разум начал обращаться внутрь себя после своего необычайного расширения в персидских войнах. И тогда первая потребность была удовлетворена добровольными усилиями софистов, которые странствовали из города в город, не являясь гражданами какого-либо определенного государства и преподавая в полной независимости от любого государственного руководства. И действительно, их уклонение от политических обязанностей и ответственности часто вызывало подозрение, а чаще - презрение.

Сократ и Платон выдвигали против них два других возражения - одно серьезное и основательное, другое тривиальное и абсурдное; и все же именно последнее было убедительным для публики. Первое возражение заключалось в поверхностности и хвастливом предположении; они утверждали, что в течение короткого времени научат всему, что необходимо в науке и литературе, в философии и политике. И здесь более глубокое мышление исповедуемых философов вытеснило их, хотя в свое время они не были ни бесполезны, ни презренны. Второе возражение сильно напоминает нам о предубеждении, которое когда-то испытывали против получения процентов за деньги - всякая такая прибыль считалась ростовщичеством в худшем смысле этого слова. Утверждалось, что софисты

просили и получали плату за распространение истины и за обучение тому, что каждый честный человек должен сообщать (если он в состоянии) просто так. Но хотя для эксцентричного и исключительного Сократа, как и для богатого Платона, было вполне нормально отказываться от всякого вознаграждения, теория, согласно которой софист не был работником, достойным своего найма, утверждала, что все высшее образование должно осуществляться дилетантами, и таким образом стремилась уничтожить всю систематическую и широко распространенную культуру.

§ 71. Этот узкий предрассудок, таким образом, не устоял перед здравым смыслом общества, когда на него обратили внимание. Нас уверяют, что Платон, как и Сократ, не брал платы. Наши власти ничего не говорят об Аристотеле, из чего можно сделать вывод, что он придерживался того же правила. Но Спевсипп, его преемник в школе, как говорят, требовал регулярной платы. Так поступали все риторы, обучавшие юношей после освобождения от школы и следовавшие естественному прецеденту софистов. Такая практика была тем более разумной, что ученики в философских школах, даже в платоновской, делились на любителей, которые приходили просто для общей подготовки, и профессионалов, которые собирались заниматься преподаванием, чтобы заработать на жизнь, и долгое время посвящали себя специальным занятиям. Таким образом, плата за обучение всегда была возможным и ставшим реальным доходом для высшего преподавания. Во времена софистов люди жаловались на то, что плата за обучение непомерна, хотя, возможно, и несправедливо. В более поздние времена мы слышим о больших сборах с богатых учеников, но всегда в качестве добровольных пожертвований и с целью облегчения положения более бедных сокурсников. Ибо философские школы стали от трудностей благодаря второму способу финансирования - пожертвованиям меценатов и завещаниям благочестивых основателей. Что касается пожертвований богатых учеников, то от Филострата^[61] мы узнаем, что один богатый ученый, Дамиан, дал каждому из софистов Аристеиды и Адриана по 10 000 драхм, чтобы бедные студенты получали бесплатные лекции. Этот дар, около 400 фунтов стерлингов на наши деньги, представляет собой гораздо большую сумму по отношению к существовавшим тогда условиям богатства. Сто драхм, вероятно, считались адекватной платой за полный курс; и если верно, что популярный учитель часто мог собрать сто учеников, даже если курс занимал более одного года, то сумма была значительной.

Стремление обеспечить бесплатное образование для бедных ребят с литературными вкусами, однако, является интересной и постоянной чертой греческого сознания. В настоящее время Афинский университет обеспечивает бесплатное образование для каждого грека и полностью поддерживается государственной субсидией. Благодаря этому уникальному положению в Афины стекаются молодые греки со всего Леванта, из турецких стран, из Египта, даже из Италии. Они поддерживают себя, как могут, часто занимаясь ремесленным трудом, при условии, что им удастся сохранить свободные часы лекций. Живя вместе в самых скромных квартирах, они объединяют свои скудные доходы для покупки лампы и учебника, которыми они пользуются совместно, причем один спит, пока его товарищ не закончит свою работу, и будит его, чтобы передать ему лампу со свежей окантовкой и хорошо изношенное пособие.

Такое положение вещей, так сильно напоминающее нам средневековые университеты и неоценимо почетное для растущего века культуры, когда массам нужна закваска, может дойти до опасной крайности, когда образованные классы становятся слишком многочисленными; ведь оно отвращает каждого амбициозного молодого человека от сельского хозяйства и коммерческих занятий, столь необходимых для благосостояния нации. И как это происходит в Греции сейчас, так, несомненно, происходило и тогда, когда

во времена эллинизма Афины предлагали философию по столь дешевой цене всему грекоязычному миру. Класс ученых бездельников, не желающих заниматься никаким меркантильным делом, увеличился по всей Греции.[62] Хотя, таким образом, положение дел в Оксфорде и Кембридже, которые, помимо огромных пожертвований, требуют больших расходов от своих выпускников, не следует защищать, существует противоположная ошибка, которая может принести больше вреда: это настраивание низших классов на получение университетских степеней с минимальными затратами и хлопотами, и, следовательно, с минимальной культурой. Этот ошибочный курс, который сейчас угрожает ирландскому народу, в дополнение ко всем другим его несчастьям, имеет сильную тенденцию к увеличению (как это происходит в современной Греции) опасного класса социальных и политических недовольных, которые считают, что их высокое образование не признается, и что у них нет возможности реализовать свои литературные или политические таланты"[63].

§ 72. Мы переходим к завещательным пожертвованиям, которые были непосредственной причиной создания философских школ в Афинах. Эта идея, по-видимому, принадлежит Платону, который приобрел для своей школы не только название, но и место жительства. Хорошо известно, что с ранних времен существовали две гимназии (в греческом смысле), предназначенные для юношей, окончивших школу, - та, что находилась в рощах предместья, названного в честь героя Академом, и та, что называлась Киносархес, возле горы Ликабет. Последний был специально открыт для сыновей граждан от чужих жен. В-третьих, во времена Перикла был основан *Ликийон*, расположенный у реки Илисос. Все они были снабжены водой, тенистыми аллеями и садами, и в свое время были одной из главных красот Афин и их окрестностей.

Академия настолько сроднилась с учением Платона, что его ученики Антистен (киник) и Аристотель поселились рядом или в Киносирхе и Ликейоне соответственно, и были известны по месту жительства, пока ученики Антистена не перебрались в украшенный фресками портик (*стоа*) в Афинах и не стали называться стоиками. Эпикур преподавал в собственном саду в Афинах. Все эти поселения были скопированы с идеи Платона. Он, очевидно, преподавал как в общественной гимназии, так и в частном владении рядом с ней; в своем завещании, сохраненном Диогеном Лаэртием, он завещал два своих участка земли Спевсиппу, тем самым обозначив его как своего формального преемника. Вслед за его практикой титул *схоларха* вскоре стал обозначать главу школы и владельца пожизненной доли в *διατριβή* или местности, предназначенной для этой цели. Каждый мастер назывался *преемником* (*διάδοχος*) своего предшественника, и преемственность этих глав школ была прослежена с большим или меньшим успехом на протяжении всего эллинистического периода.

§ Это, несомненно, является причиной постоянного и традиционного характера философских школ в Афинах и одной из главных причин того, что этот город стал в Римской империи, когда оригинальные исследования уже угасли, главным университетом старого мира. Сменявшие друг друга схолархи, похоже, не думали ни о чем, кроме как о повторении и изложении взглядов основателя; в качестве особой потери для перипатетической школы упоминается, что труды Аристотеля были оставлены вдали от школы и попали во владения Нелея в Скеписе в Троаде. Поэтому схолархи, вместо того чтобы разрабатывать новое учение, были просто беспомощны и учили только тому, что могли вспомнить, или тому, что сохранилось фрагментами в тетрадах школы. Правильное вложение школьного имущества также было обязанностью схоларха, и мы слышим, что в четвертом веке нашей эры, при Прокле, платоновское пожертвование составляло более тысячи золотых в год. Суидас

рассказывает нам [64], "что время от времени благочестивые покровители учености завещали в своих завещаниях приверженцам школы средства для жизни философского досуга". Это очень похоже на завещания благочестивых основателей в Средние века, особенно тех, кто обладал дальновидной мудростью, чтобы освободить свои пожертвования от наказания за преподавание - гуманное и просвещенное намерение, которое теперь разрушается из-за ярости превращения университетов в простые учебные заведения.

Назначение преемника по завещанию или незадолго до смерти сcholарха стало правилом в главных школах риторики, за исключением того, что в Афинах на смену пришли выборы в школе. Насколько нам известно, впервые это предложил Ликон, третий преемник Аристотеля, если не Теофраст. Но в завещании Ликона, сохраненном Диогеном, сказано прямо: "Я завещаю *перипатетики* своим ученикам Булону, Каллиносу и т. д. без всяких условий. Пусть они назначат того, кто, по их мнению, будет наиболее ревностным и наилучшим образом сохранит школу. Пусть остальные ученики поддерживают его, ради меня и ради места". Эти слова не только подразумевают наличие штата помощников, отобранных из любимых учеников, которые намеревались сделать философию своей профессией, но и особенно интересны тем, что естественным образом предполагают конкурсный экзамен, не называя его, в качестве метода выбора. В "Евнухе" Лукиана назначение описывается как избрание голосами главных людей после проверки кандидата на знание и веру в систему. Бывали случаи, когда выборным органом была не школа, а Ареопаг, или совет, так как ненависть и ревность школ делали выборы извне более безопасными. Когда главные литературные должности в Афинах стали оплачиваться государством, такое вмешательство было естественным, и спорные выборы даже передавались на рассмотрение императора в Риме.

§ 74. Евнапий рассказывает об интересном споре такого рода за должность софиста (высший литературный пост в Афинах) после смерти Юлиана в 340 г. н. э. и последующем освобождении ее. Шесть кандидатов - четверо из них ученики Юлиана и еще двое нуждающихся - были выбраны по общему согласию; председателем избирательного суда был римский проконсул, и агитация была настолько бурной, что он был вынужден вмешаться и приказать людям покинуть Афины. Кандидаты сдавали сочинения и произносили речи. Наготове были *клакеры* с заготовленными аплодисментами. Тогда проконсул снова вызвал их и дал им тему для речи *ехемпоре*. Пятеро отказались, заявив, что привыкли не изливать, а обдумывать свои ораторские речи. Один только Прохересий, ученик Юлиана, принял вызов и, запретив аплодисменты, великолепно поддержал свою репутацию. Тем не менее, он не получил кафедру, так как его противники обеспечили влиятельных избирателей обедами и подарками, и, несомненно, социальные таланты софиста на этой кафедре были очень важны. Они использовали постыдные способы, чтобы добиться успеха; "но, действительно, - говорит Евнапий, - вряд ли можно винить их за то, что они добились своего, как могли".

Эта интересная история относится к более позднему времени, когда кафедры философии и риторики в Афинах перешли под государственную поддержку и контроль. В ранние времена, вплоть до христианской эры, школы были совершенно частными, свободными и независимыми от государства. Мы, конечно, слышим о таких указах, как указ Тридцати тиранов, запрещающий преподавание риторики и философии. Но хотя любое древнее государство, даже свободная демократия, посчитало бы вполне оправданным такое вмешательство по общественным соображениям, до времен Теофраста нет никаких определенных попыток проводить подобную политику, когда (около 316 года до н. э.) Софокл, сын Амфиклида из Суниума, издал закон о том, что никто не должен открывать философскую школу без одобрения сената и народа. Произошло официальное бегство

студентов-философов, которые вернулись только вместе с Теофрастом, когда Софокл был осужден по *закону против незаконных процедур* (ὑραφῆ παρανόμων), а его закон отменен. Эту попытку Софокла можно было бы защитить, опираясь на "Республику" и "Законы" Платона, где философ прямо рекомендует государственный контроль над образованием. Но, несомненно, антидемократический тон школ, особенно платоновской, побудил его к этому действию, так как мы слышим, что племянник Демосфена, Демохарес, и другие демократические лидеры поддержали Софокла на том особом основании, что школа Платона поставила большинство поздних тиранов в Греции.

Истинный способ контроля над образованием еще не дошел до афинских государственных деятелей - наделение кафедр правом смещения. Мы, правда, постепенно слышим о небольших зарплатах *софронистов* и других опекунов молодежи, но прямое государственное покровительство учителям впервые встречается нам у египетских и пергамских преемников Александра. Затем римские императоры, как мы увидим далее, назначали штатных профессоров. Но все это принимало форму чествования великого учителя, как государства чествовали его гражданской свободой, освобождением от налогов, бронзовыми статуями и т. п. Его особое учение не критиковалось и не направлялось извне.

§ 75. Однако наступило время, когда профессия преподавателя стала пользоваться не только формальными или нерегулярными почестями. Римские императоры учредили кафедры (θρόνοι) теоретической и практической риторики, а также четырех философских сект, для первой из которых они выделили 10 000 драхм в год на каждую. Высшая кафедра называлась кафедрой софистов - этот термин, в конце концов, сохранил свою былую респектабельность и оправился от недоброжелательного отношения к нему Сократа и Платона. Существовало даже подразделение кафедры софистов: вторая кафедра называлась *политической*. Эти назначения, по-видимому, были приемом Адриана, хотя Эгнатий Лоллиан из Эфеса был первым наемным работником кафедры, назначенным при Антонине Пие. Та же политика, проводимая Марком Аврелием, давала иммунитет от налогов и гражданских повинностей всем ученым профессиям - физикам, философам, риторам и грамматикам. Термин δηροσιεύειν (*быть государственным служащим*), который раньше применялся к государственному палачу или диспансерному врачу, теперь стал означать государственного и оплачиваемого профессора.

Заработная плата выплачивалась натурой - пять римских модий пшеницы в месяц - и, таким образом, не подвергалась большим колебаниям стоимости денег, распространенным в те времена. Плата за обучение выплачивалась деньгами и должна была вноситься 1 января; однако мы слышим много жалоб на нарушения в этом отношении. В основном это было вызвано честолубием учителей-конкурентов, которые хотели, чтобы их классы были заполнены, и поэтому они снисходительно относились к бедным и медлительным, которые не могли или не хотели платить, но, тем не менее, им разрешалось продолжать обучение. Сто драхм, выплачиваемых вниз, кажется, считались средней платой; но допускались большие отклонения, и, очевидно, не было ни тарифов, ни таких верительных грамот, как наши пергаменты, чтобы показать, что человек посещал курс, регулярно платил за обучение и получил то, что мы называем степенью. Либаний упоминает забавный случай, когда один человек отправил со своим сыном в Афины осла, продажей которого должны были быть оплачены сборы. Несомненно, прибыль от больших кафедр была значительной, и *софисты и риторы* вместе со своими высшими коллегами представляли Афины на государственных мероприятиях в качестве гражданских сановников. Они должны были выходить навстречу любому знатному гостю и обращаться к нему с хвалебными речами; каждый месяц они должны были официально представляться проконсулу в Коринфе, предположительно для

отчета о положении дел в Афинах. Мы слышали, что они получали отпуск только по специальному разрешению и с большим трудом. В противовес этой важности и великолепию мы имеем жалкий рассказ Либания о бедствиях риторов в Антиохии, которые старались поддерживать респектабельный вид, будучи преследуемыми дунами и кредиторами, и почти голодали дома.

§ 76. До сих пор остается много неясного не только в отношении точного числа наемных профессоров софистики и риторики, но и в отношении их отношений с толпой ассистентов, признанных и непризнанных, которые должны были существовать в Афинском университете. Политика Адриана, а тем более Аврелия, была настолько ясной, чтобы сделать его главным центром мировой науки, что всевозможные студенты отправлялись туда, чтобы воспользоваться различными привилегиями. От великого человека, *софиста*, нельзя было ожидать работы репетитора или тренера; а поскольку многие юноши приезжали с далекого Востока и Запада, не имея достаточной подготовки, должен был существовать значительный класс частных учителей, чтобы помочь им. Этим также занимался *педагог* юноши, который приходил с ним из дома. Но, судя по всему, существовал и лицензированный класс преподавателей средней школы, "*приват-доцентов*" у немцев, которые не получали жалованья, а жили за счет платы учеников. Вряд ли общее число этих лицензированных преподавателей софистики и риторики превышало восемь или десять человек; частные же репетиторы были, вероятно, очень многочисленны.

Естественно, мы задаемся вопросом, как это государственное назначение на профессорские кафедры согласовывалось с уже описанной преемственностью в четырех философских школах. В них не было никаких формальных изменений; они избирались комитетом, состоявшим из признанных глав каждой школы. Но постепенно влияние императора дало о себе знать. Прокуратор, прибывший из Коринфа для решения подобных вопросов, либо влиял на назначение комитета, либо *рекомендовал* избрать того или иного кандидата. Даже в случае с государственными кафедрами иногда возникал конкурс, и часто император не вмешивался в дела своего лейтенанта. Герод Аттик в свое время был почти всемогущ в этих назначениях. Увольнения с государственных кафедр были очень необычными, но четко утверждались как право императора. Упомянутый выше Прохересий был уволен императором Юлианом за то, что он оказался христианином.

§ 77. Интереснее обратиться к особенностям жизни, связывавшим молодых людей в Афинском университете, и к различным обычаям, которые тогда, как и сейчас, придавали своеобразный тон студенческой жизни. То, что называют *атмосферой* Оксфорда или Кембриджа, Дублина или Гарварда, состоит из совокупности традиционных обычаев, поддерживаемых особым консерватизмом молодости, который формирует каждого новичка, вырабатывает определенный тип характера и даже определенную фиксированность манер. Кажется вероятным, что самые ранние итальянские университеты Средневековья, которые восходят к одиннадцатому или двенадцатому веку, приобрели некоторые из этих традиций от греческих университетов эпохи упадка, и таким образом можно проследить прямое родство между обычаями, которые сейчас будут описаны, как существовавшие в Афинах в эллинистический период, и обычаями современной Европы. Но тщательное исследование этого непонятного вопроса вывело бы нас далеко за пределы наших сегодняшних возможностей.

Мы слышали, что, по крайней мере в четвертом веке нашей эры, никому не разрешалось посещать лекции, не облачившись в короткий *плащ* ученого (*τρίβων*) - по сути, нашу университетскую мантию; а право носить его можно было получить только по разрешению софиста. Это само по себе было знаком, возможно, более универсальным, чем мантии в

Оксфорде и Кембридже, поскольку у нас нет свидетельств того, что греческие джентльмены, как и современные английские, ненавидели все официальные костюмы[65].

Не было организовано ежедневное общение студентов; не было зданий колледжа, и студенты жили там, где могли, как в иностранных университетах, таких как Геттингенский или Лейденский. Но в каждой из четырех философских школ существовали специальные столовые общества, которые собирались раз в месяц или чаще, на которые были завещаны средства, и которые рассматривались как особые узы союза. Конечно, первоначально предполагались простые блюда и философские беседы, но потом они превратились в роскошь и пышные застолья, ведь обеды, которые давал Ликон, возглавлявший школу перипатетиков, продолжались до следующего утра. Он принимал по двадцать человек за номинальную плату в девять оболов, которую даже перечислял бедным ученым. Это происходило в последний день месяца. Эпикур в своем завещании специально предусмотрел пир каждое двадцатое число месяца. У стоиков было три таких клуба, названных по именам схолархов, которые, вероятно, были их основателями. Цель этих пиров, больше похожих на оксфордские *рауты*, чем на обычные собрания, заключалась в том, чтобы сблизить мастеров и учеников, и в этом можно найти верный замысел во всем современном обществе. Люди редко сближаются, если не обедают вместе.

В Афинах также не было официальной учебной дисциплины;[66] не было ни обязательных часовен, ни лекций, ни штрафов; порядок, по-видимому, поддерживался очень республиканским устройством старшего префекта (ἄρχων), избираемого классом каждые десять дней. Нам рассказывают, что профессор, помимо замечаний, иногда бил праздных или глупых учеников; а Либаний говорит о том, что "отчисление" было ужасным позором, влекущим за собой серьезные последствия для родителей и даже для родного города. Возможно, это соответствует изгнанию из наших университетов, но это, должно быть, происходило только за самые тяжкие преступления. Ученики любого профессора были просто известны как его *круг* (οἱ ἀπό, или περὶ, τίνος); они были его учениками или слушателями только в том случае, если посещали его лекции. Действительно, они часто называли его прозвищем, достаточно известным, чтобы передать его в литературе.

§ 78. Мы находим необычное разнообразие терминов,[67] все перенесенные из других сочетаний, для выражения клубов или союзов студентов между собой, и они постоянно упоминаются в книгах и надписях второго и третьего веков н. э. Они естественно выросли из старого выделения эфебов в отдельный класс задолго до того, как университетское образование было организовано, или, скорее, кристаллизовано, в форму, которую мы сейчас обсуждаем. Президенты этих клубов назывались *хореги* (также *κορυφαῖοι* и *ἀκρωῖται*). Надписи рассказывают о подобных частных объединениях среди эфебов во II веке н. э., в которых имена из общих списков повторяются под отдельными названиями "*Гераклиды*" и "*Тесеиды*" - два объединения, которые можно сравнить со студенческими клубами в итальянских и немецких университетах, которые часто носят названия наций, что указывает на их средневековое происхождение. Есть свидетельства особой важности, возможно, соперничества, Тесеиды и Гераклиды в Афинах, и немецкие критики, вероятно, правы, подозревая, что истинной причиной различий были политические пристрастия. Постоянная связь Геракла и Тесея в легендах и религии Аттики хорошо известна; храм Тесея, до сих пор стоящий в Афинах, многие считают Гераклионом, а деяния Геракла более ярко прославлены, чем деяния Тесея, в его скульптурных рельефах. В аттических легендах Тесей, несомненно, возводится в ранг основателя демократии и идеала эфеба, и в этом качестве он мог противопоставляться Гераклу, который был родоначальником дорийской знати и мог

рассматриваться как аристократ. Эта гипотеза имеет достоинство вероятности, хотя и не имеет под собой никаких оснований, кроме этих общих оснований.

§ 79. Когда мы переходим к более поздним временам, особенно к IV веку н. э., мы много слышим о студенческих клубах от Филострата, Евнапия, Либания и других. Примечательно, что тогда они не формировались на национальной основе, как мы можем представить себе старших гераклидов как беотийских юношей, отделившихся от аттических тезеидов, или как мы можем представить себе ирландских студентов, объединившихся в английском университете. Скорее, их появление было вызвано соперничеством их учителей, первоначально принадлежавших к отдельным философским школам, а затем образовавшихся на почве честолубия и популярности. Многолюдное посещение лекций было столь желанным, что профессора-соперники использовали всевозможные приемы, чтобы склонить студентов к посещению лекций. Это зло стало настолько очевидным в своем воздействии на студентов, которым льстили и ухаживали их хозяева, что Либаний упоминает о предполагаемом *соглашении* (συνθήκη) между профессорами по этому вопросу, которое, однако, не увенчалось успехом. Так, в более древнем Дублинском университете доходы наставников колледжей были настолько велики, что существовало подобное соперничество за популярность, и доны, как говорят, изучали недостойные искусства, чтобы обеспечить себе полную палату. Подобная агитация почти исчезла после *заключения договора*, как его называет Либаний, о внесении платы учеников в общий фонд, из которого большая часть делится в зависимости от положения наставника, и лишь небольшая надбавка допускается за фактическое количество учеников.

Постоянная ревность и раздоры, вызванные этой конкуренцией между профессорами, воспроизводились в итальянских университетах эпохи Возрождения, да и во все Средние века. Так, согласно Евнапию, президент клуба под названием Σπάρτη ἄτακτος считал своим долгом приводить свой клуб в полном составе и хорошо вооруженным в Пирей или даже в Суниум, чтобы поймать студентов, прибывающих с Востока, зеленых и свежих, и обеспечить их для профессора, которому он покровительствовал. Соперничающие клубы встречались во время этих поездок и устраивали битвы похлеще тех, что происходят между городом и городом в Англии. Все старались заполучить парней еще до того, как они покидали свои дома. Либаний рассказывает, что он приехал в Афины, когда его дома в Антиохии уже начали опрашивать, чтобы поступить на службу к ритору Аристодему, но был схвачен клубом в интересах Диофанта, и его отпустили только с большим трудом и после того, как он поклялся в верности Диофанту. Мы слышим о всевозможных актах насилия со стороны этих студентов, в споры которых иногда был вынужден вмешиваться римский губернатор в Коринфе. Мы слышим об их долгах и нищете, о распущенности и безделье. Но, конечно, прилежное и аккуратное меньшинство не оставило после себя никаких следов, и мы должны позаботиться о том, чтобы не придавать преувеличенного значения шумным делам низшего сорта. Даже бросание в одеяло (или ковер) было хорошо известно им^[68] и применялось к непопулярным учителям, вероятно, из числа неясного рода, как видно из оратории Либания "О ковре", в которой он читает им лекцию на эту тему. Мы не слышим ни о каких стипендиях, пособиях или выставках, предназначенных для помощи бедным способным ребятам. На самом деле, выдача денежных вознаграждений за самообразование кажется очень порочным приемом современности. Содержать студента на средства, необходимые для жизни, и давать ему бесплатное обучение - это совсем другое дело, и именно такой была идея благочестивых основателей стипендий. Частично отплатить ему за экстравагантную подготовку экстравагантными призами - это совсем другое понятие, но теперь оно настолько распространено, что его абсурдность больше не поражает общественное сознание Англии.

§ Григорий Назианзен рассказывает нам о комических церемониях, с помощью которых первокурсник посвящался в студенты, и эти практики технически назывались *τελεταί*, или обряды посвящения. Их можно сравнить с дразнением новичков, известным в немецких университетах под названием "*осаждение*". В Афинах новичка приводили группой к баням через рыночную площадь. Затем те, кто шел впереди, стали отталкивать его назад и отказываться впускать, а те, кто шел сзади, проталкивали его вперед. После грубой борьбы, вероятно, с целью испытать его характер, его впустили, искупали и таким образом официально приняли, получив *трибон*, или мантию колледжа. В театре также существовала неизвестная церемония, называемая *κυλιότρα*, от которой сохранилось только название, поскольку она была запрещена законом в 693 году н. э., и это сделал церковный синод в Константинополе. Его отождествляли с другими языческими обычаями и традициями, а потому считали достойным угрозы отлучения. Столь поздние появления студенческих практик вызывают подозрение, что они могли быть скопированы в ранней школе Болоньи. Пожалуй, самый любопытный намек[69] на то, что после определенного возраста студенты по общему согласию освобождались от этих глупостей, как сейчас в Германии выпускник Лейпцигского или Геттингенского университета или профессор не подумает драться на студенческой дуэли, как английский джентльмен; в то время как каждый молодой человек вынужден делать это по железному обычаю, равносильному самой абсолютной тирании.

Примеру стоиков, преподававших в городе, последовали и другие школы, после того как в результате последовательных опустошений окрестностей Афин Филиппом V Македонским (200 г. до н. э.) и Суллой пострадали сады и рощи Киносирха, Академии и Ликеона. Мы слышим о *Птолемеоне* и *Диогенеоне* как о модных курортных местах, затем о гимназии Адриана - все в пределах города, и все это дар отдельных основателей - Диоген, о котором идет речь, был кондотьером, командовавшим войсками второго царя Деметрия в Аттике в 225 году до н.э. Есть небольшое свидетельство того, что в гимназии этого человека занимались начинающие, и, возможно, они даже жили там; ведь мы слышали, что ученые часто ставили *хижины* (*καλύβια*) рядом с домом своих любимых учителей. При гимназиях Птолемея и Адриана существовали библиотеки. Действительно, в более поздние времена, видимо, из-за опасности беспорядков, если профессора читали лекции в любом общественном здании, они строили для себя частные театры, пристроенные к их собственным домам и элегантно обставленные. В них, мы можем быть уверены, преподавание проходило в форме лекции, а не диспута или катехизации. Этот последний вид занятий был очень популярен во времена Сократа и Платона; но уже Аристотель отделил его от своих обычных лекций и проводил философские беседы со своими учениками, гуляя в *Перипатосе*; отсюда и название его школы.

§ 81. Сейчас мы знаем только имена тех профессоров, которые жили для мира и для потомков и стремились учить, публикуя свои труды. В эпоху, когда оригинальность была мертва, а высшие способности заключались в лучших комментариях к Платону и Аристотелю, эта литературная деятельность, когда-то вызывавшая восхищение и похвалу, кажется нам по большей части пустой тонкостью. Даже в риторике все законы и модели были фиксированы; Лонгин лишь демонстрирует нам современное и эстетское понимание красоты стиля, которого мы не находим у более ранних риторов. Но из всех афинских схоластов никто не заслуживает ни малейшего внимания, кроме глав неоплатонической школы; да и те были лишь последователями странной, увлекательной доктрины, уже проповедовавшейся в Александрии и Риме, которая стремилась придать новый смысл метафизике Академии и приспособить ее к духовным нуждам искренних язычников перед лицом христианства.

Но более чем вероятно, что, как и в наших университетах, так и в Афинах, лучшие и самые искренние из преподавателей настолько посвящали себя исключительно своей задаче, что не оставляли после себя ничего, кроме тетрадей своих занятий. Такой университетский преподаватель никогда не заслужит более широкой известности, чем в своем колледже; и все же там, среди тех, кто познал его усердие, терпение и силу, он всегда будет стоять гораздо выше тех, кто бросается на публику из честолюбия, часто с плохо усвоенными идеями. Поэтому нам лучше не излагать философское учение в Афинах на уровне тех утомительных комментариев, которые студент найдет собранными в поздних томах^[70] "Fragmenta Philosophorum Græcorum" Муллаха.

§ 82. Что касается продолжительности курса, который должны были посещать студенты, то здесь мнения весьма разнятся. Упоминается от пяти до восьми лет - срок, слишком долгий для молодых джентльменов, таких как племянники Цицерона, и, вероятно, предназначавшийся только для тех, кто учился для профессиональных целей. Были и мальчики нежного возраста, иногда под присмотром педагога, и мужчины среднего возраста, ожидавшие шанса получить должность. Кажется, не было ни возрастных ограничений, ни принуждения, ни правил относительно количества курсов, которые нужно было пройти. Предполагалось, что каждый студент (или его родители) сам выбирает, какие предметы ему изучать. Это было, пожалуй, менее вредно, чем сейчас, когда квадриум гуманитарных наук был настолько закреплен традицией, что большинство учеников входили в него как само собой разумеющееся. Не было в былые времена и того множества специальных предметов, совершенно не связанных ни друг с другом, ни с гуманитарным образованием, которое сегодня заполонило наши учебные заведения и заставляет торопиться за ощутимыми результатами, вытесняя единственный истинный итог высшего образования - способность мыслить последовательно и ясно, которая должна быть приобретена путем изучения логичной и тщательно сформулированной отрасли знания ради ее точности и метода.

На протяжении почти всего расцвета эллинистической культуры ритор был признанным практическим учителем; его курс, занимавший несколько лет с перерывом на летние каникулы, состоял в первую очередь из внимательного чтения классических авторов, как поэтических, так и прозаических, с пояснениями и иллюстрациями. Благодаря этому студент знакомился с языком и литературой Греции. Но это было только введение в техническое изучение выражения, красноречия, основанного на этих образцах, и точного письма как сопутствующей ветви этого изучения. Когда человек достигал такого совершенства, он считался пригодным для государственной службы. В новейшее время специальные знания юриспруденции становились все более и более необходимыми для государственных служащих, и для этого были созданы специальные школы. К сожалению, у нас нет подробного описания точного курса чтения, принятого софистами или риториками, и поэтому мы ограничиваемся этим общим описанием. Но в наши дни спешки и интеллектуального сжатия предметов удивительно представить себе, как молодежь цивилизованного мира тратит четыре или пять лет на приобретение точности и изящества выражения мыслей после того, как они научились в школе чтению, письму и элементам науки.

§ 83. В этом рассказе о жизни древних университетов наше внимание было приковано почти исключительно к Афинам, хотя были и другие учебные заведения, очень известные и пользующиеся большим спросом - Родос, Массилия, Тарс и, прежде всего, Александрия. Многие римские вельможи предпочитали отправлять своих сыновей для получения образования в Массилию - греческий город, посаженный вдали от пороков и роскоши Востока. Родос сохранял свою политическую свободу дольше, чем любое другое эллинское

поселение, и славился как школа риторики. Тарс, из которого мы знаем по крайней мере один великолепный образец ученика - апостола Павла, - всегда имел высокую и прочную репутацию, и очень примечательно, что самая серьезная из всех практических систем, стоическая, отождествляется с этой частью Малой Азии. Впоследствии иконоборчество нашло там свою колыбель, и таким образом эта страна серьезных реформ снова и снова навязывала миру серьезный взгляд на жизнь.^[71] Стоит отметить, как постоянно большие кафедры в Афинах занимали люди из этих отдаленных школ; действительно, коренной афинянин на кафедре софистов был большой редкостью. Однако мы так мало знаем о внутренней жизни этих отдаленных городов, что теперь они не могут дать нам никаких материалов для исследования.

§ 84. Иначе обстоит дело с Александрией, о которой много написано и записано. Но, во-первых, вряд ли корректно говорить об образовании в Александрии как о сугубо эллинском или даже эллинистическом. Это было место встречи всех верований и догм старого мира. Египетские, еврейские и сирийские элементы были там настолько сильны, что, учитывая отсутствие всех старых эллинских традиций в этом самом новом из всех грекоязычных городов, мы вряд ли можем использовать его в качестве справедливого образца добра и зла в старом греческом обучении. Мы можем добавить, что вплоть до дней великих теологических споров - дней, столь наглядно изображенных в "Гипатии" Кингсли - мы знаем сравнительно мало об александрийских студентах. Вся наша информация сосредоточена вокруг учителей. Как и следовало ожидать, Александрия считалась университетом прогресса, лабораторией позитивной науки, в отличие от консервативных и литературных Афин. Тем не менее, даже вся обоснованная литературная критика тех дней происходит из Александрии. Ведь очевидно, что Птолемеи задумывали ее не как место обучения молодежи, а как дом для исследований, богато снабженный средствами и материалами для серьезного изучения - прежде всего, обширной библиотекой, затем красивыми зданиями, отставками и соответствующими фондами. Эти концепции и успехи в их реализации представляют большой интерес для истории образования, но выходят за рамки данной работы.

ССЫЛКИ

^[61] Βίοι σοφ. ii. 32, 2.

^[62] Картина Афин, приведенная в Деяниях апостолов (гл. xvii.), показывает, что город был полон людей, сведущих в философии и литературе, но не готовых к серьезным занятиям. Они жили на агоре целыми днями, как в большом клубе, выслушивая сплетни и новости. Если кто-то хочет увидеть современную параллель, я отсылаю его к залу и библиотеке Четырех судов в Дублине - самому приятному месту в мире для посещения; ведь там адвокаты Ирландии, многие из которых за неимением портфелей, занимают себя всеми скандалами дня. Но даже те, кто занят, мимоходом освежают себя пятиминутной беседой и никогда не торопятся насладиться хорошей историей, когда ее им предлагают. Даже многие реальные дела делаются таким вот беспорядочным и непостоянным образом. Найдет ли новая философская система или новая религия слушателей, пожалуй, сомнительно, и в этом заключается разница между старым греком и современным бездельником.

^[63] Так, критик мог бы утверждать, что нынешние беды Ирландии проистекают не только из всеобщей праздности и отсутствия бережливости, но и из меланхоличного невежества в отношении всех научных принципов сельского хозяйства, а также из полной недооценки условий торговли; ведь здесь, как нигде, честность - лучшая политика; но это не очевидно для невежд, особенно если они проницательны. Эти беды можно было бы уменьшить,

распространяя по стране сельскохозяйственные и коммерческие школы, а не предоставляя университетские дипломы за разброс в искусстве".

[64] В его "Лексиконе", sub voc. Платон.

[65] Напротив, все иностранцы, кажется, любят официальную одежду, будь то военная или нет. Однажды я был в Генуе во время регаты, когда команда гостей из Специи или Ливорно разгуливала по улицам в костюмах лодочников, с веслами за плечами, к восхищению генуэзцев. Представьте себе оксфордскую восьмерку, которая за день до университетского заезда прогуливается по Пикадилли в таком стиле! Я рекомендую этот случай теоретикам, утверждающим, что человеческая природа одинакова во все времена и во всех местах".

[66] Описание Либанием обязанностей ритора, который должен был принимать мальчика от родителей, давать ему советы и даже наказывать за безделье, периодически знакомить родителей с его успехами и т. д., очень напоминает нам обязанности воспитателя в колледже. Но это была явно добровольная работа, и, как правило, она выполнялась не только из чувства долга перед отроком, но и из желания стать популярным и обеспечить себе большое число поклонников.

[67] Χορός, θιάσος, σύνοδος (религиозный), συνουσία, ποιμνιον, ἀγέλη. Я вижу, что Зиверс в своей жизни Либания понимает ἄρχων и χορός как совет профессоров; но это, конечно, неверно. Вероятно, его ввело в заблуждение то, что столь большая власть приписывается простому студенту.

[68] Называемый римлянами *sagatio*, и, вероятно, солдатская конная игра, поскольку *sagum* - это солдатский плащ.

[69] Libanius, i. 17.

[70] ii. и iii. опубликованы; iv. следует за ними.

[71] Говорят, что изгнанные в Болгарию иконоборцы стали духовными родителями гуситов и других ранних реформаторов в Богемии. Из этого нового центра протестантизм распространился по всей Европе. Так что шотландский пуританин и, если уж на то пошло, пуританин Новой Англии черпают свою бескомпромиссную серьезность из далекого источника, породившего и стоицизм, и самое энергичное раннее христианство.

История классической греческой литературы.

By J. P. MAHAFFY.

2 vols., 12mo, Cloth, \$4 00.

Обзор всей классической греческой литературы, включая прозу и поэзию, в общих чертах рассматривающий ее жизнь и развитие, а также взаимоотношения различных шедевров. * Ясное, простое и точное изложение общих фактов и принципов, объединяющее весь огромный предмет в единую картину.-N. Y. Times.

Ни одна другая работа, написанная по этим вопросам на английском языке за последние двадцать лет, не представляет такой ценности, как этот подробный компендиум. * * * Она должна быть в библиотеке каждого ученого и студента.-N. Y. World.

Среди недавно опубликованных работ, призванных помочь в достижении глубокой классической эрудиции, было мало таких, которые бы так хорошо соответствовали своей цели, как эта. * * * К своей задаче он привнес квалификацию своей собственной прекрасной и одобренной учености, свое практическое знание точных потребностей класса, для которого он пишет, и тщательное знакомство с общей литературой по предмету.-N. Y. Evening Post.

Безусловно, это лучший отчет о литературе Греции, который до сих пор появлялся на английском языке. * Это безусловно хорошая книга, достойное введение в самую благородную из всех литератур, и благодарное благо для зрелых ученых, не менее чем для молодых студентов, для которых она явно предназначена. Главным достоинством мистера Махаффи является большая живость и оживление, с которыми он обращается к своей теме.- "Пэлл-Мэлл Газетт", Лондон.

Это работа, обладающая огромной познавательной и практической ценностью. Действительно, это полный справочник по греческой классической литературе, в котором приведены результаты исследований и рассуждений лучших немецких и французских, а также английских ученых, а его собственные выводы изложены со скромностью, внушающей доверие, тем более что они подкреплены глубоким знанием предмета и достаточными основаниями. На английском языке нет ни одной работы, освещающей ту же тему.- Evangelist, N. Y.

Опубликовано издательством HARPER & BROTHERS, Нью-Йорк.

По получении цены "Харпер и Бразерс" вышлет вышеупомянутую работу по почте, с предоплатой, в любую часть Соединенных Штатов.

ИССЛЕДОВАНИЯ ГРЕЧЕСКИХ ПОЭТОВ.

ПО АДРЕСУ

ДЖОН АДДИНГТОН САЙМОНДС.

Пересмотрено и дополнено автором.

2 тома, формат 16мо, сукно, \$3 50.

Мистер Саймондс привнес свою богатую классическую образованность и превосходный критический вкус в иллюстрации греческих поэтов, образуя восхитительное введение в эту ветвь древней литературы. * Кроме оригинальных критических статей и ярких описательных отрывков, придающих необычайную ценность и привлекательность этим томам, они изобилуют образцами переводов различных авторов, которые образуют весьма приятный свод поэзии и представляют собой своеобразную и яркую иллюстрацию отдела английской литературы, не очень широко известного широкому читателю. -N. Y. Tribune.

Книга, которая едва ли имеет аналог в английской литературе последнего времени, и которая может сравниться с самыми высокими достижениями немецкой учености и критики. Действительно, "Исследования" можно назвать почти уникальными в своем сочетании широких знаний и тщательных исследований с мастерством литературного искусства, которого одного достаточно, чтобы вызвать наше самое горячее восхищение. * * * Наш обзор был бы неполным без сердечных слов похвалы в адрес энергичных и элегантных переводов отдельных отрывков, выполненных профессором Саймондсом. Они неизмеримо повышают ценность и интерес его работы. -Appletons' Journal, N. Y.

Большое достоинство трудов мистера Саймондса в том, что при всем их очаровании и изяществе стиля за ними стоит реальная работа. Именно это, в сочетании с другими более редкими дарами, делает его столь хорошо приспособленным для того, чтобы интерпретировать древний мир для современных читателей. - Академия, Лондон.

Хотя эта книга будет понятна любому вдумчивому читателю, она будет представлять особый интерес для студентов, которые много времени уделяют греческому языку и литературе. * * * Мы не знаем ни одного справочника по греческой поэзии на английском языке, который был бы настолько удовлетворительным и ценным, как этот. - New Haven Palladium.

Опубликовано издательством HARPER & BROTHERS, Нью-Йорк.

Компания "Харпер и Бразерс" *вышлет вышеупомянутую работу по почте, с предоплатой, в любую часть Соединенных Штатов по получении цены.*

Примечание транскриптора

В печатный текст внесены следующие изменения:

1. Сноски были перенумерованы и собраны в конце каждой главы.
2. Небольшое количество ошибок в пунктуации и интервалах оригинальной работы было тихо исправлено.
3. [Стр. 34](#): "повторное упоминание" было исправлено на "упоминание".
4. [Страница 39](#): Пропущенный маркер сноски был вставлен после слов *impatient at idleness*:.
5. [Страница 40](#): Пропущенный маркер сноски был вставлен после *разумного замечания*.
6. [Сноска 19](#), 5-я строка от конца: τρῶς исправлено на πρὸς.
7. [Сноска 28](#): Οὐδῶρην исправлено на Θεωδῶρην.

8. Сноска 41: γυμναστικήν было исправлено на γυμναστικήν.
9. Сноска 44: θεατής исправлено на θεατής.
10. Стр. 86: "духовно" исправлено на "духовно".
11. Стр. 96: Запятая удалена из св. *Иоанна, Златоуста*.
12. Сноска 59, начало третьего предложения: Η (греческая буква) исправлена на "Η".
13. Сноска 67, второе предложение: χόρος исправлено на χορός.
14. Страница 141, указатель: Διαδόχος исправлено на Διάδοχος.
15. Стр. 143, Индекс: *Птоlemeон* относится к странице 134, а не к странице 151.

Следующая аномалия в печатном тексте отмечена, но изменения не внесены:

1. Стр. 146, указатель: Журнал "Appletons' Journal" (Нью-Йорк, 1869-1881) напечатал свое название с апострофом в этом неожиданном месте.